

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК
МУЗЕЙ-БІБЛІЯТЭКА СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

Да 390-годдзя Сімёона Полацкага

Сімёон Полацкі

**светапогляд,
грамадска-палітычна
і літаратурная
дзейнасць**

Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

*Да 390-годдзя
Сімёна Полацкага*

**СІМЁОН ПОЛАЦКІ:
СВЕТАГОРЛЯД,
ГРАМЛДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ
І ЛІТРАРУРНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ**

Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі
21–22 лістапада 2019 г.

Мінск
Нацыянальная бібліятэка Беларусі
2019

УДК 008(476)(092)(06) + 821.161'04.09(092)(06)
ББК 63.3(4Беи)51,8я431 + 83.3(2=411)5-8я431
C37

Укладальнік
С. В. Гаўрылава

Сімёон Палацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзеянасць : да 390-годдзя Сімёона Палацкага (матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 21–22 лістапада 2019 г.). – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – 249 с.
ISBN 978-985-7235-13-1

Зборнік змяшчае матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 390-годдзю Сімёона Палацкага, якая адбылася ў лістападзе 2019 г. у Нацыянальным Палацкім гісторыка-культурным музеі-запаведніку.

УДК 008(476)(092)(06) + 821.161'04.09(092)(06)
ББК 63.3(4Беи)51,8я431 + 83.3(2=411)5-8я431

ISBN 978-985-7235-13-1

© Гаўрылава С. В., 2019
© Афармленне. Дзяржаўная
ўстанова «Нацыянальная
бібліятэка Беларусі», 2019

21–22 лістапада 2019 г. у Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеі–запаведніку адбылася V Міжнародная навуковая канферэнцыя «Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска–палітычна і літаратурная дзейнасць», прысвеченая 390-годдзю з дня нараджэння Сімёона Полацкага і 25-годдзю Музея–бібліятэкі Сімёона Полацкага. Першая канферэнцыя з нагоды 370-годдзя з дня нараджэння беларускага асьветніка была арганізавана ў 1999 г.

Кожныя пяць год гэта мерапрыемства збірае навукоўцаў з Беларусі, Расіі, Украіны і іншых краін для абмеркавання шырокага кола пытанняў, звязаных у першую чаргу з біяграфіяй Сімёона Полацкага і характеристыкай яго эпохі, крос-культурнымі камунікацыямі ўсходнеславянскіх народаў у XVII ст. і канфесійнымі працэсамі на беларускіх землях у XVI–XVIII стст., гісторыяй Полацка XVII ст. У 2019 г. у проблемнае поле канферэнцыі былі ўключаны пытанні захавання, презентацыі і інтэрпрэтацыі помнікаў кніжнай культуры Беларусі ў музеях і бібліятэках.

У рабоце канферэнцыі прынялі ўдзел 23 спецыялісты: філолагі, кнігазнаўцы, мuzeязнаўцы, філосафы, мастацтвазнаўцы, гісторыкі і археолагі, якія прадстаўлялі ўніверсітэты і інстытуты, бібліятэкі і музеі Масквы, Санкт-Пецярбурга, Мінска, Гродна, Віцебска, Полацка. Упершыню ў ёй прыняў удзел прадстаўнік Латвіі А.Ц. Ракіцянскі – член праўлення Латвійскага таварыства рускай культуры, член-заснавальнік Нацыянальнага саюза бібліяфілаў Расіі. Сярод пастаянных удзельнікаў Сімёонаўскай канферэнцыі адзначым доктара гісторычных навук, прафесара, акадэміка Л.У. Званарову (Масква), кандыдата гісторычных навук, дацэнта В.У. Галубовіча (Гродна), кандыдата гісторычных навук, дацэнта І.Л. Калечыц (Мінск) і інш. У гэтым годзе дакладчыкі прадстаўлялі такія ўстановы аддукацыі, як Інстытут сусветных цывілізацый, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт

імя Максіма Танка, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт; а таксама Інстытут гісторыі Расійскай акадэміі навук, Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Інстытут рускай мовы імя В.У. Вінаградава, Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Цэнтральная наукаўская бібліятэка імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і інш.

Усе ўдзельнікі адзначылі высокі ўзровень арганізацыі канферэнцыі, якасць і насычанасць праграмы, науковую навізні і шматаспектнасць дакладаў, пацвердзілі важнасць арганізацыі такога мерапрыемства ў Полацку і выказалі спадзяванне на працяг традыцыі яго правядзення ў будучым. Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам была падтрымана пропанова ўдзельніка канферэнцыі У.Г. Кароткага выдаць тэкст першага беларускага даследавання, прысвечанага творчасці Сімёона Полацкага, аўтарам якога быў М.І. Прашковіч.

*С.В. Гаўрылава,
старшыня аргкамітэта канферэнцыі*

ЭСТЕТЫЧНАЯ МЕМПРЫЯЛІЗАЦЫЯ АСОБЫ СІМЯНОНА ПОЛАЦКАГА У ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ ПЛЕТАЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫХХ – ПАЧАТКУ ХХІ ст.

Бароўка В.Ю.
(г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь)

Літаратура – адзін са спосабаў мемарыялізацыі выдатных дзеячаў культуры. Асона Сімёона Палацкага не часта становілася аб'ектам мастацкага асэнсавання ў айчынным прыгожым пісьменстве. Магчыма, прычына гэтага найперш заключаецца ў тым, што аддаленая ад нас часы XVII ст. не стымулююць цікавасць беларускіх творцаў да асобы і дзейнасці таго, каго П.В. Васючэнка ў сваіх «Пятрагліфах» дасціпна і жартавліва назваў першым беларускім пісьменнікам-калабарацыяністам.

У 1983 г. была напісана вершаваная рускамоўная драма Эдуарда Скобелева «Царскі настаўнік». Назва твора адыхывае значную функцыю ў мастацкай сістэме дадзенай драмы. Умберта Эка слушна сцвярджаў, што назва твора ёсць «ключ да яго інтэрпрэтацыі» [4, с. 576]. У дадзеным выпадку – ключ да асноўнага плана пісьменніцкай інтэрпрэтацыі галоўнага героя. Цэнтральны вобраз «Царскага настаўніка» – вобраз паэта і асветніка Сімёона Палацкага. Падзеі твора адбываюцца ў студзені 1676 г., калі цяжка хворы цар Аляксей Міхайлавіч прадчувае свой хуткі зыход з жыцця і рыхтуе ўладу наступніку, а ў блізкім асяроддзі цара ідзе барацьба паміж прыхільнікамі Міласлаўскіх і Нарышкіных. Запрошаны царом Сімёон Палацкі трапляе ў вір інтырыг, звязаных з проблемамі наследавання прастола, а таксама з суадносінамі свецкай і царкоўнай улад. Сімёон пададзены ў абліччы кніжніка, што нястомнна шукае

і сее мудрасць. Апісанне невялікай келлі ў царскім палацы ўказвае на захапленне Сімёона Поляцкага кнігамі і вершавторчасцю: «Вдоль стены на дубовых полках – книги, деревянные и берестяные шкатулки. Икона в серебряном окладе. На столе рукопись. Медная чернильница, деревянный рожок для гусиных перьев» [3, с. 9–10]. Сімёон выконвае адказны абавязак настаўніка царскіх дзяцей, народжаных цару Марыяй Міласлаўскай. Ва ўзаемадачыненнях з царэвічам Фёдарам і царэўнай Соф'яй ён паказаны настаўнікам, што імкнүўся стаць для выхаванцаў духоўным бацькам. Сімёон вучыць Фёдара разважлівасці, не раіць хвораму шмат маліцца, пераконвае ва ўсім кіравацца здаровым розумам:

Ты же глянь-ко, хворый!

К заутрени собрался? Не спеши!.. [3, с. 10].

Ён корміць у пост галоднага царэвіча пірагом і пабытавому апраўдае свае парушэнні царкоўных правіл:

Бывает, часом заповедь нарушу

и в пост впотай чего-нибудь скую.

Неможется, когда поесть потребно...

Что умаленью здравия не чинит,

то па закону надо соблюдать.

А коли хвор и головокруженье,

послабъся, не обидятся на нас! [3, с. 11].

Сімёон даводзіў царэвічу, што цар – гэта і ёсьць вялікая дзяржава, якую неабходна шанаваць. Пры гэтым вучоны манах жартуе:

(Крестится, ест пирог, импровизирует.)

И помолясь, за хлеб благодаря

Земного и небесного царя!..

Всё только в укрепление телес –

что съедено со вкусом, благодарно [3, с. 11].

Сімёон Поляцкі перакананы, што сапраўдны святы і моцны ў веры чалавек ніколі не стане на грахоўны шлях. Ён перасцерагае царэвіча ад даверу царкоўным іерархам. Фёдар, у сваю чаргу, таксама папярэджвае настаўніка:

Тебе владыко ныне лютый враг.
И патриарх, и всяк его сподручник [3, с. 12].

Пры царскім двары запрошаны вучоны манаҳ пачувай ѿ сябе некамфортна. Сімёона абурае непрыязнае стаўленне да яго маскоўскага духавенства. Ён скардзіцца царэвіч:

Хожу я в Благовещенский собор,
ну, словно бы на казнь. Все тычут пальцем:
«Се соглядатай ляшский, геть его!»
О, темнота, о фарисейства бесы!
«Латынщик-белорусец», говорят...

Враг не содеет столько, сколь невежда... [3, с. 12].

Духоўныя настаўнікі ў асобе патрыярха і яго набліжаных, на думку Сімёона, разумова і маральна абмежаваныя, таму яны не могуць служыць прыкладам вернікам, увогуле грамадзянству:

Слепцы слепцов наставить не способны.
Погибло стадо, если пастырь – вор.
В пучину опускаются державы,
в каких великодушья не сыскать [3, с. 12].

Фёдар для Сімёона – выхаванец, будучы правіцель, які традыцыйна лічыць, што цар ёсць «абраннік Божы», «Божы перст». Сімёон яго павучае:

...закон – вот что такое государь!..
Ни римляне, ни греки дураками
не прозябали. И своих царей
они учили долго и надёжно.
Царь должен слышать каждое дыхание
в своей державе... [3, с. 13].

Наставнік раіць царэвічу:

Лишь тот печатью вечности отменен,
в ком сходятся умелец и мудрец,
Кто всем другим – заботливый отец!.. [3, с. 13].

Фёдар як магчымы спадкаемца цара Аляксея Міхайлавіча сумняваецца, ці хопіць у яго сіл правіць, аднак Сімёон

заклікае яго быць смелым, упарта ісці па шляху служэння дзяржаве і людзям:

Кто струсила, тот молвой уже забыт;

На лесть не падок будь, не искушайся [3, с. 14].

Сімёон перасцерагае будучага цара ад празмернага захаплення ўладай, ад самадурства:

А самодур – на свой аршин холоп!

Холоп же, получив себе свобод,

весь мир в холопа обратить готов [3, с. 15].

На думку Сімёона Палацкага, цар павінен быць абаронцам прыгажосці, службыца прыгажосці дзеля ўсталявання гармоніі ў свеце:

Вот я у Аристотеля прочел,

что красота рождает в людях мудрость [3, с. 16].

Вучоны манаҳ не толькі дасведчаны ў царкоўным, але і ў свецкім пісьменстве, ён добра ведае творы Арыстоцеля і Авідзія, ганарыцца Авідзіем, які ў выгнанні вывучаў мову таго народа, сярод якога жыў.

Як бы паміж іншым Сімёон выказвае Фёдару свой ідэал цара, дзеліцца сваімі меркаваннямі пра «праведнага» правіцеля:

И то уж мало, если царь учён, –

ему учёных слуг иметь потребно,

чтобы держава год от года крепла...

И жаловать всех надо за свершенья,

не за родство и не из угожденья! [3, с. 17].

Калі Фёдар выказаў абурэнне палітыкай баярына Артамона Матвеева і паводзінамі мачахі Наталлі Нарышкінай, Сімёон папярэдзіў яго пра небяспечнасць неабачлівых учынкаў у складаны для дзяржавы час і парай ў быць дыпламатычным:

Осади!

Смири свой гнев!... Не угодив царице,

ты неугодным станешь и царю! [3, с. 18].

Царэўне Соф'і ён нагадаў:

Страштесь не моги, царевна Софья!
Не люди – Бог вершит дела [3, с. 19].

Сам Сімяон у творы – натура дзейсная, што прагне да-
памагчы сваім выхаванцам, апраўдаць іх перад царом, хаця
ён сам на падазрэнні ў цара і яго самога паспрабаваў ск-
мпраметаваць перад царом баярын Матвеев.

Сюжэтная лінія «Сімяон – цар» у вершаванай драме
ўведзена пісьменнікам, каб падкрэсліць, што асветнік з
Беларусі ўспрымаўся царом як цікавы суразмоўнік і разу-
мны дарадца. Аляксей Міхайлавіч вымушаны прызнацца
баярыну Матвееву, што крытыка вучоным манаҳам з По-
лацка блізкага атачэння цара ў многім правільная:

Подле стола сего дня – разве слуги?
Лишь кланяться умеют да молчать,
а чуть какое дело, всё затыки.
Всё мешкают да первыми скрипят...
И этот сброд у царского крыльца?
Когда мы сей обычай переменим –
ходить, кормиться да язык чесать? [3, с. 23].

Цар не паверыў Матвееву, што С. Полацкі рыхтуе за-
калот супраць царыцы і ўцягвае ў яго дзяцей Аляксея Mi-
хайлавіча ад Марыі Міласлаўскай Фёдара і Соф'ю, бо не сум-
ніваецца ў шчырасці, прыстойнасці і маральнасці вучонага
манаҳа з Полацка. Цару імпануе жыццёвая энергія настаўні-
ка яго дзяцей, глыбіня аналізу дзяржаўных пытанняў.

З павагай, але надзвычай годна паводзіць сябе Сімя-
он падчас размовы з царом. Неабходнасць развіцця асветы
і адукацыі ён падкрэслівае пры размове з царом пра стан
спраў у дзяржаве і шляхі паляпшэння гэтага стану. Цар
признаецца, што ён стаміўся, Сімяон апраўдае гэту сто-
мленасць:

Все эти годы, что ты держишь Русь,
великим испытанием явились:
И смута поднималась, и война...
Всего ж важней раскол единой веры... [3, с. 33].

На думку С. Палацкага, пашырэнне асветы – шлях да кардынальнага паляпшэння спраў:

Невежество плодит повсюду рабство,
а рабство – бедность, бедность же изновь
к невежеству свирепому приводит.

І бывае Русь в застенке суеты
средь пьянства, лени, лжи и преступленья... [3, с. 35].

Іншага шляху змены стану спраў Сімёон не ўяўляе, як шлях асветы і адукцыі:

Заглавная опора, государь,
то школа. Не одна, не две, а сотни [3, с. 42].

Калі цар заўважыў яму, што патрыярх супраць адкрыцця школ, то Сімёон Палацкі ненавязліва нагадаў, хто больш значны ў дзяржаве: «Ты – царь, тебе видней пути державы!» [3, с. 42]. Словы Сімёона пра пашырэнне асветы нараджаюць у цара думкі пра тое, што адукаванае атачэньне з падданых стане яшчэ больш падманваць правіцеля. Аднак Сімёон з такой высновай пра антыплён асветы і навукі не пагаджаецца:

Науки в надобь нам, яко полёт,
яко опоры истины высокой [3, с. 43].

У час размовы з царом Сімёон Палацкі спаслаўся на Юрый Крыжаніча пры сцвярджэнні, што ўсе беды ідуць ад страху і безадказнасці людзей. Цар не ўхваліў згадку пра Крыжаніча, але зазначыў, што ў дзяржаве павінна быць шырокое абмеркаванне стану дзяржаўных спраў, што такое абмеркаванне можна было б прадставіць і на тэатральнай сцэне, што гэта было б значна цікавей глядзець, чым сцэны на біблейскія сюжэты. Як вядома, п'есы Сімёона Палацкага былі напісаны на біблейскія матывы, аднак грунтаваліся яны на актуальнай грамадскай проблематыцы. У гэтым сэнсе сцэну размовы цара і вучонага манаха можна ацэньваць як адлюстраванне пісьменнікам факта плённага ўзаемаўплыву адной значнай гістарычнай асобы на другую.

Сімяон заклікае цара садзейнічаць развіццю чалавечай ініцыятывы, развіваць веру чалавека ў свае сілы:

Чтоб человек к нагорнему стремился,
он должен верить, что сломать судьбу
ему посильно... [3, с. 35].

Калі цар дзеліцца сумненнямі наконт далейшых шляхоў развіцця дзяржавы, Сімяон заўважае, што правіцелю трэба разлічваць на сілы толькі свайго народа:

Не поможет иноземец,
коль сами мы за волосы себя
тянуть не станем [3, с. 42].

Сімяон Полацкі ў паказе Эдуарда Скобелева – чалавек дзяржайнага мыслення, вымушаны кожны дзень сутыкацца з ваяўнічым невуцтвам царскага атачэння. Калі дзяк Іваноў перасцерагае царскага настаўніка ад магчымай апалы, то Сімяон яму заўважае, што добра разумее карані проблемы:

Мы так привыкли к глупости своей,
Что ум воспринимаем будто глупость.
Иль вызов и боярам, и царю.

Или мятеж коварный против Бога [3, с. 45].

Сапраўднае задавальненне Сімяону Полацкаму прыносіць творчасць, ён адзначае: «Душа моя в строке моей жива» [3, с. 46]. Пасля смерці Аляксея Міхайлівіча Соф'я, якая паважала свайго настаўніка, прapanавала ўцякаць разам з ёй ад магчымага пераследу з боку яе мачахі, але Сімяон хацеў найперш выратаваць не сябе, а knігі. Твор Э. Скобелева заканчваўся на трагічнай ноце: пасля смерці Аляксея Міхайлівіча на троне апынуўся Фёдар, які прызнаўся настаўніку, што баіцца адказнасці, што не ведае, як яму правіць «и обо что в сомненье опереться» [3, с. 52]. Іншымі словамі, новы цар мае патрэбу ў настаўніках, але, з другога боку, ранейшыя настаўленні Сімяона Полацкага, атрымліваецца, аказаліся бескарыснымі для Фёдара, значыць, уznікае пытанне і пра плённасць для маладога цара іншых настаўленняў Сімяона.

Для Э. Скобелева Сімяон Полацкі – гэта асоба з дзяржаўным мысленнем і вялікім літаратурным талентам, што апярэдзіла свой час і не была зразумета пры жыцці тымі, хто мог змяніць грамадскія парадкі.

Верш Навума Гальпяровіча «Сімяон Полацкі. 1664» напоўнены асэнсаваннем моманту развітання Сімёона з родным горадам у складаны для нашага краю час:

Цені блукаюць у змрочных дварах,
Бруд і адчай, адзінота і голад [1, с. 16].

Верш напісаны ў форме звароту да С. Полацкага:

Што ты там пішаш, маўклівы манах,
Што для Радзімы пратрубіць твой голас? [1, с. 16].

Развітанне з Полацкам для Сімёона – гэта развітанне з ранейшым ладам жыцця, з людзьмі і прыродай:

Брацкая школа прыстанкам тваім
Болей ніколі не будзе,
І адляццаць у нябыт, нібы ліст,
Твары і людзі [1, с. 16].

Лірычны герой верша перакананы, што насталыгія стане спадарожніцай Сімёона Полацкага, што «сярод царскіх раскошных палат» яму будзе мроіцца крык дзвінскай чайкі, як самотны кліч радзімы. Пакідаючы горад, ён быў усё ж упэўнены: «Потым вярнуся» [1, с. 16]. Гэты радок гучай шматзначна, бо, сапраўды, Сімёон вярнуўся, ён стаў увасабленнем славы роднага горада.

Верш «Сімёон Полацкі» Аркадзя Нафрановіча пабудаваны на асэнсаванні і мастацкім прадстаўленні жыццёвага шляху пісьменніка і асветніка. Пострыг у манахі, на думку паэта, стаў першым крокам Сімёонавага шляху да асветы і ведаў. Паводле А. Нафрановіча, Сімёон Полацкі не падзяляў нормы паводзінаў артадаксальнага духавенства:

Быў ён, як цяпер вядома, з тых,
Хто не біў святым паклонаў лішніх.
Ды ўсё ж ходу спраў яго зямных
Памагаў, напэўна, Усявышні [2].

Шматмоўнасць творчасці Сімяона Полацкага акцэнтуеца паэтам пры стварэнні літаратурнага партрэта асветніка:

Не адну знаю мову, а ключы
Ад дзвюх роднасных – бярог у сэрцы.
Перавагу ім аддаючы,
Спавядай іх, як паэт, да смерці [2].

Для лірычнага героя Нафрановіча С. Полацкі – увасабленне чалавечай актыўнасці, «самабытны, неўтаймоўны творца»:

Ён масквіч – наканаваў так лёс,
Палаchanін – існасцю сваёю.
Поўны самых смелых думак, кроз,
Штурмаваў жыццё, як грэкі Трою [2].

Сапраўднае шчасце для Сімяона, у трактоўцы лірычнага героя верша, – творчасць:

Хай маскоўскі цар і адараў,
Толькі ў царстве вершаў быў шчаслівы,
Дзе нашмат вышэй ён за цара,
Дзе яго засяяныя нівы [2].

Творчасць для Сімяона Полацкага – аснова і найвышэйшая і найвысакароднейшая мэта жыцця:

Верхняя друкарня ў Крамлі –
Пастараўся для яго цар Фёдар.
Фарбы пах мілей за кветак водар [2].

На думку паэта, высокая дзейнасць забяспечвае несмяротнасць асобе:

Хоць пагасла полымя жыцця,
Ды гарэць, не гаснуць яго зорцы [2].

Эстэтычная мемарыялізацыя Сімяона Полацкага ў творах беларускіх пісьменнікаў другой паловы XX – пачатку XXI ст. ішла па лініях рэпрэзентацыі яго як асветніка, царскага настаўніка і дарадцы, кніжніка і паэта (Э. Скобелей); сына Полацка, вымушанага з ім расстацца і сумаваць па ім (Н. Гальпяровіч); свабодалюбівага і актыўнага ча-

лавека і апантанага творцы (А. Нафрановіч). Адметнасць мастацкай мемарыялізацыі асобы Сімёона Палацкага абу-моўлівалася жанрам твораў, аксіялагічнымі ўстаноўкамі аўтараў. Жанр вершаванай драмы даваў больш шырокія магчымасці для ўсебаковай эстэтычнай рэпрэзентацыі асобы дзеяча культуры ў параўнанні з лірычным вершам, аўтары якога мелі магчымасць вылучыць тое, што лічылі галоўным: насталгію па родным Палацку (Н. Гальпяровіч), прагу творчасці (А. Нафрановіч).

ЛІТАРАТУРА

1. **Гальпяровіч, Н.** Брама : вершы / Н. Гальпяровіч. – Мінск : Мастицкая літаратура, 1954. – 94 с.
2. **Нафрановіч, А.** Сімёон Палацкі : верш / А. Нафрановіч // Роднае слова. – 2004. – № 2. – С. 111.
3. **Скобелев, Э.** Хранители света : драмы / Э. Скобелев. – Минск : Мастицкая літаратура, 1991. – 272 с.
4. **Эко, У.** Имя Розы : роман / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 1997. – 686 с.

ФУНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАТИНОЯЗЫЧНЫЙ ПАНЕГИРИК

XVII в. Как средство репрезентации и трансляции символического капитала

Божко Т.В.

(г. Гродно, Республика Беларусь)

Отношения литературы и жизни не заданы раз и на-
всегда, они создаются в каждую культурную эпоху заново,
всякий раз по-своему. Для полноты восприятия художе-
ственного содержания любого произведения необходимо
знание историко-социальной ситуации, представление о
культурно-эстетических идеалах эпохи.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть
функциональную значимость в историко-культурологи-
ческой реальности эпохи барокко фунеральных панеги-
риков на основе теоретической модели символического
капитала, фундаментальные понятия которой «могут
успешно использоваться в русле медиевистических иссле-
дований, по крайней мере, при изучении литературы ВКЛ¹
XVI–XVII вв.» [7, с. 220].

Впервые концепт символического капитала был
сформулирован в конце XX в. французским философом
П. Бурдье в работе «Практический смысл». Рассматривая
его как важнейшую форму нематериального капитала,
П. Бурдье сконцентрировал анализ на определении ме-
ста символического капитала в социокультурных полях.
Символическим капиталом философ называет «кредит,
но только в самом широком значении слова, то есть сво-
его рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера
всей группы может предоставить давшему ей материаль-
но-символические гарантии» [1, с. 235]. Особое внимание в

¹ Великое княжество Литовское.

работе уделено неразрывной связи между экономическим и символическим капиталами, при которой лучшую экономическую гарантию составляет добрая слава. «Уже одна демонстрация материальной и символической силы, – пишет П. Бурдье, – сама по себе способна приносить материальные выгоды; понятно, почему могущественные семейства не упускают случая организовать демонстрацию символического капитала» [1, с. 233].

Последний тезис отчетливо верифицируется в реалиях ВКЛ, где на протяжении XVII в. в барочной культуре посмертная слава человека была не менее важной, чем прижизненный почет и уважение. В привилегированных слоях считалось, что без пышных похорон невозможно продемонстрировать миру богатство, силу и могущество определенного рода. Сообразно биографии умершего, его происхождению, положению в социуме, заслугам перед костелом и народом, обстоятельствам смерти разрабатывался сложный сценарий похоронного торжества [9, с. 350]. Однако, поскольку на подготовку подобного мероприятия требовалось время, то сразу после смерти устраивались скромные похороны и захоронение делали на короткое время. Лишь через несколько недель или даже месяцев, когда собирались как можно большее количество достойных гостей, «родственники организовывали настоящий похоронный показ своей власти» [6, с. 336].

Так, например, в 1639 г. Ян Баптиста Якобелло (*Baptista Jacobellus Joannes*), воспевая в фунеральном панегирике «*Feralis pompa <...>*» военные подвиги Александра Корвин-Гонсевского († 1639 г.), дополняет их описанием похорон смоленского воеводы. Начинает автор с описания организации похоронной процессии: «Впереди шла длинная вереница всех, какие только были в Вильне, священнослужителей, несущих горящие факелы. Следом шесть лошадей, украшенных дорогим шелком, тянули похоронную колесницу. Вокруг нее свисало большое покрывало,

изготовленное из того же дорогого шелка, которое воины, поднимали, чтобы вытереть им слезы, обильно текшие из глаз. На покрывале в гробу, украшенном шелком и оснащенном серебряными ручками, лежало бездыханное тело²» (здесь и далее перевод латинского текста наш. – Т. Б.) [8, р. 9–10 н. п.]. На время проведения *rotpra funebris* (погребального шествия) храм, в котором проходило отпевание покойного, преображался в подобие сакрализованного театра. В центре зала располагался изготовленный по заказу катафалк, на который устанавливался гроб. Такая конструкция называлась *castrum doloris* (пристанище печали). В качестве украшения использовались статуи, картины, эмблемы, гербы, триумfalные арки и ворота [6, с. 331]. Катафалк и стены затягивались дорогой материей, использовалось огромное количество свечей и висящих лампад. Все это печальное великолепие дополняло музикальное сопровождение и чтение многочасовых проповедей, панегириков, тексты которых впоследствии издавались на средства семьи умершего [6, с. 333]. Вот что по этому поводу пишет Я. Баптиста: «Итак, в центре устроенной таким образом искусственной крепости, на шелковом покрывале, на четырех подложенных железных шлемах сбруядерживала роскошный гроб смелейшего мужа, когда началась служба под музыкальное сопровождение. Говорил выдающийся проповедник, который в замечательном выступлении изложил хвалу умершему. Во время службы, в полной тишине, ясновельможный и высокородный Хри-

² «Praeibant longo ordine Religiosi omnes, quotquot Vilnae erant, accessas faces praeferentes <...>. Post haec trahebatur sex equis, pretiosiori holoserico ornatis, feralis Currus <...>. Pendebat circumquaq[ue] grande stratum, eodem holoserico confectu[m], quod Milites aliquot in gyrum dispositi, recolligebant, collectis saepius in eo lacrymis, quae abunde fluebant ex oculis. Lacebat in strato exanime corpus, intra Arcam compositum, rubro holoserico ornata[m], atq[ue] argenteis capulis pulchre distinctam <...>». (В латинских текстах сохраняется орфография оригинала, синкопированные формы раскрываются в квадратных скобках).

стофор Ходкевич каштелян виленский, который от имени короля присутствовал, в длинной речи о подвигах и славе благородного героя весьма красноречиво рассказал³» [8, р. 14–15 н. н.].

Соответственно, на организацию и проведение подобного мероприятия затрачивалось немалое количество времени и материальных средств. В XVII в. демонстрация символического капитала и, более того, фиксирование ее на долгие века в панегирических текстах составляли один из механизмов, благодаря которым капитал приумножал капитал. П. Бурдьё пишет: «Лишь составив полную бухгалтерию символических выгод, лишь имея в виду неразличимость символических и материальных составляющих семейного достояния, можно уловить экономическую рациональность таких форм поведения, которые экономизм отбрасывает в область абсурда; скажем, купить вторую пару волов после жатвы, под предлогом их необходимости для молотьбы (показывая тем самым, что урожай был изобильным), после чего поневоле, из-за недостатка корма, продать их еще до начала осенних полевых работ, когда они технически как раз могли бы пригодиться» [1, с. 235].

Проектируя вышеприведенные слова Бурдьё на культурно-историческую ситуацию XVII в., отметим, что подобный «экономический абсурд» имел место и в реалиях ВКЛ, когда нужно было организовать похороны сообразно общественному положению умершего. Так, например, супруга Ежи Калиновского († 1652 г.), великого обозного

³ «In medio igitur huiusmodi fictitiae Arcis spatio, <...> strato holoserico, suppositisque quatuor ferreis galeis, Arca fortissimi Viri exuuijs diues firmatur, cum Sacrum Musicali concentu fieri coepit. Concionem habuit insignis Concinator, qui singulari facundia in demortui laudem perorauit. Sacris peractus, factoque silentio, Illustriss[imus] ac Excellentiss[imus] D. Christophorus Chodkieuicius <...> Castellaneus Vilnensis, qui nomine Regis interfuerat, longa Oratione, gesta, ac laudes Magnanimi Herois eloquentissime expressit».

коронного, старосты брацлавского и пр. должна была для организации похорон мужа заложить свою золотую диадему, серебряные канделябры и кубки, дорогую конскую сбрую и некоторые ценности, принадлежавшие усопшему. Впоследствии братья Калиновского упрекнули его супругу за скромность церемонии [13, с. 183]. Затраты «принимающей стороны» бывали огромны, разоряя порой родственников даже знатных лиц, которым, чтобы организовать достойную *rotpra funebris* приходилось брать займы и кредиты [9, с. 55].

Такие расточительные действия кажутся экономически ошибочными лишь без учета всех материальных и символических выгод, которые приносит впоследствии увеличение символического капитала членам семьи умершего [1, с. 235]. Во-первых, вышеприведенные свидетельства объясняются общественным запросом со стороны тех, кто находился на высоких ступенях социальной иерархии и владел титулами и должностями, на регулярную легитимизацию своего положения и власти посредством разнообразных церемоний и ритуальных практик (не только похороны, но и рождение, свадьба, занятие должности и пр.) [3, с. 557]. Во-вторых, разорительные действия со стороны семей и самих умерших (например, изложение своей воли в завещаниях) спровоцированы стремлением защитить в современном им и транслировать будущему поколению накопленный символический капитал. П. Бурдье констатирует: наличие неисчисляемого финансово символического достояния обеспечивает «кредит известности», на который может рассчитывать семья. Этот кредит зависит от чувства чести и способности обеспечить неуязвимость последней, и составляет целое, в котором соединены количество и качество имущества с количеством и качеством людей, способных им воспользоваться [1, с. 236]. В результате «кредит известности» позволяет приобретать такое богатство, которое не измеря-

ется финансово, но вместе с тем прямо пропорционально финансовому состоянию кредитуемого – солидные союзники, «братья по оружию», выгодные партии для брака, общественная симпатия и защита и, что важнее всего, власть.

Как мы писали выше, панегирики составляли неотъемлемую часть «помпы», на произношение/прочтение которых, по словам польского исследователя фунеральной культуры Ю. Хrostицкого, отводилось не менее двух часов в общей программе торжества [9, с. 75].

Характерной особенностью оформления панегириков являлись титульные страницы с обязательным указанием сословно-профессиональной принадлежности при помощи перечисления прижизненных званий, титулов и главных имений героя. Данная особенность оформления титулов, помимо информационной функции, с самого начала демонстрирует реципиенту, что герой и его род, исходя из заявленной статусности, действительно достойны всего того, о чем пойдет речь, и, следовательно, фиксирует положение человека в структуре распределения символического капитала.

Традиционно текст панегирика структурировался на тематические части, основная идея которых была закреплена в их названиях. Композиция панегирика могла включать более десяти частей⁴, а могла быть редуцирована до трех, или вообще быть представлена в виде сплошного текста. Тем не менее обращает на себя внимание обязательное присутствие четырех магистральных, сюжетообразующих и общих для всех текстов линий. А именно: древность рода, религиозность, воинственность и политическая состоятельность героев панегириков. Эти общие места риторически организованного текста, по сути, являются составляющими символического капитала. Они

⁴ Например, фунеральный панегирик В. Воловичу «*Soli polique decus <...>*» включает 12 тематических «глав» [см.: 15].

базируются на тогдашних морально-этических нормах, которые должны соответствовать не только индивиду и его общине, но и всему обществу в целом, чтобы обеспечить функционирование и значимость символического капитала в историческом процессе.

Ведущей составляющей сарматского восприятия действительности является убежденность шляхты в абсолютном превосходстве своего государства, национальной политической модели, обычаев, строя, религии над всеми остальными. Мировоззрение гражданина было ориентировано на традицию: он ценил древность своего рода, своего герба, так называемое *magnanima gentis indoles* (благородное дарование рода). Регламентированная риторикой композиция панегирика, как правило, включает прославление определенного рода и, соответственно, представителей этого рода, которые должны заслужить свое имя и передать его потомкам с еще большей славой. Однако, если фамилия умершего не имела кровных или брачных связей с влиятельными семьями того времени, тогда возможен был вариант рассказа о древности рода и благородстве его представителей. Например, в речи по случаю смерти Якоба Залесского († 1608 г.) читаем: «Я считаю необходимым, чтобы в этом отношении древнюю фамилию «Злеские» дедов и прадедов, и знатность, и сверх того длинную родословную с помощью многочисленных прикрас словесных, что свойственно риторам, описать⁵» [11, р. 5 н. п.]. Далее следует рассказ о происхождении фамилии от местечка Залеск, которое выслужил себе Яacob Сродопольский, дед умершего, упоминаются родственники, отличившиеся подвигами на военном поприще: «и родитель нашего умершего Балтазар Сродопольский, по прозвищу Залеский в пустынных областях Подолья в сра-

⁵ «<...> necessarium arbitror, vt hoc loco auitam Zalescij familiam Auorum[que] Attauorumq[ue] nobilitatem, praeterea longam generis propaginem multis verborum lenocinijs, Rhetorum more persequar <...>».

жениях с варварами вплоть до окончания жизни усердно выполнял свой долг⁶» [11, р. 5–6 п. п.].

Традиция выведения родословной из глубокой древности не была новаторской в панегирической культуре XVII в. Свое начало она берет в XV в. и достигает апогея в XVI в., когда особой популярностью пользовались исторические легенды о происхождении литвинской знати от римлян, а именно от римского патриция Полемона. Польская же аристократия придерживалась легенды своего происхождения от древнего племени сарматов, захвативших в древние времена население от Днепра до Вислы. Данные легенды и представление родословной в фunerальных панегириках можно интерпретировать как культурную память, которая обеспечивает обратную связь общества с предыдущими культурными эпохами и представляет собой символический капитал как конвертируемую ценность и замену действительности. По словам В.М. Конона, «в новой системе взглядов меняется отношение к мифу: если ренессансный гуманизм использует структуру и содержание античных мифов для постижения действительности, то барокко начинает мифологизировать саму действительность» [5, с. 89]. Желая выполнить общественный запрос на описание родословной, авторы панегириков нередко обращались к известному труду польского геральдика Ш. Окольского «Orbis Polonus». Известно, что, если Окольский, составляя свой гербовник, не мог отыскать достаточно героических поступков предков, то для выведения родословной из глубокой древности дополнял реальные сведения мифами [2, с. 301]. Тем не менее для современников гербовник «Orbis Polonus» был своего рода документом, ссылаясь на который авторы панегириков подтверждали легитимность происхождения герба и

⁶ «At parens huius defuncti Balthazar Srodopolski cognomento Zaleski, in desertis Podolie partibus Pretwicio viro celebri, in conflictibus cum barbaris, opera[m] suam nauabat vsq[ue] ad extreum vitae».

соответственно рода. Обращение к мифу, способному выступить в роли своеобразной веры, консолидирующего фактора, характерно для кризисных эпох. Середина XVI в. – время формирования единого шляхетского сословия, которое на протяжении XVII в. как основная военная сила ВКЛ должна была вести войны с внешними завоевателями. В таких условиях миф был призван закрепить все данные шляхте привилегии и упрочить ее политическую силу, возвев ее в один ранг с королем, который воспринимался как лучший среди равных [4, с. 207].

Наивысшей добродетелью гражданина в барочном обществе считалась воинственность, которая заключалась в подчеркивании воинских качеств личности, в ее готовности при необходимости выступить против врага. Это, в свою очередь, соответствовало общепринятому идеалу шляхтича как солдата. История ВКЛ XVII в. насыщена военными событиями, во время которых идеал воина-защитника становится весьма актуальным. Поэтому на страницах панегириков Сапеги, Радзивиллы, Огинские, Юдицкие, Воловичи и многие другие представлены как смелые, мужественные, рассудительные воины, как «спасительная надежная защита» государства. При этом авторы раскрывали вышеупомянутые достоинства неголословно. В произведениях достаточно подробно повествуется о военных событиях, действиях, сражениях, в которых принимали участие герои. Порой весь текст панегирика был сконцентрирован исключительно на раскрытии и описании добродетелей, связанных с военной службой героя. Например, все 16 страниц фунерального панегирика «*Tropheum Glorieae <...>*», посвящены рассказам о военных походах Александра Огинского, который был участником Кирхгольмской битвы (1605), Хотинской битвы (1621), нескольких сражений под Смоленском с Московским государством. Идеал рыцаря-воина – защитника своей родины – ценился очень высоко. Более того, магнаты содержали

собственные армии, что, в свою очередь, также подчеркивало власть, высокое положение в обществе, преданность военному делу, готовность «своими силами» выступить на защиту родины в любой момент.

Культура барокко развила кульп религиозного гражданина и соединила его с идеалом рыцаря. В результате такого взаимодействия появилась концепция человека *miles christianus*, который должен был не только защищать безопасность своего государства и семьи в многочисленных войнах, но и отстаивать победу своей «ортодоксальной» веры. Таким образом, концепция хорошего гражданина сочетала в себе два понятия: хорошего воина и хорошего христианина, что нашло отражение и в панегириках. Верность христианским идеалам рассматривается как свойство высокородного человека, который отдает жизнь во славу своего рода и веры: «Действительно смелость так тесно связывают с благочестием, что, пока не сомневаются смело умирать за религию, вооружившись, стремятся всей душой не к вражеским стенам, а к небесному бессмертию⁷» [14, р. 4 п. н.].

Именно «*constantia*» (постоянство) всего рода Н.В. Юдицкого († 1670 г.) по отношению к католической вере становится красной нитью во второй части панегирика «*Vexillvm Radvanvm <...>*». «Благороднейшая Фамилия Юдицких, объятая светом истины, на рассвете зарождающейся веры в Польше, и после, когда непроглядная тьма ереси внезапно спускалась на землю, никогда не блуждала во тьме заблуждений⁸» [16, р. 19 п. н.].

Не менее важной для человека высокого происхождения была общественно-политическая деятельность. В

⁷ «Enimvero fortitudinem stricte adeo cum pietate coniungunt, ut dum pro Religione fortiter mori non dubitant, per arma, non ad hostiles muros, sed ad celestem totis animis aspirent aeternitatem».

⁸ «Nobilissima Familia ad primam nascentis in Polonia fidei auroram, veritatis lumen amplexa, ingruente postea in orbem cimeria haeresum nocte; nunquam inter errorum umbras vel tantillum caligauit».

панегирических текстах также отмечалась эта сфера жизни, так как она была предметом гордости любого магнатского рода. Политическая карьера занимала важное место в биографии героя панегирика. Авторы стремились подчеркнуть, что он по праву занимал должность, заботился о благополучии государства, добросовестно выполнял свои обязательства и не брал взяток. Кáроль Радзивилл в панегирических строках предстает как «судья, жадно выслушивающий, но при этом бесстрастный к получению золата⁹», как «самый справедливый Аристид литовского Ареопага¹⁰» [10, р. 35 н. н.]. И, если, скажем, М.А. Огинская († 1681 г.), по случаю смерти которой написан панегирик «*Dies aeternitatis <...>*», не могла быть прославлена в силу занимаемых должностей, то это обстоятельство компенсировало прославление в тексте ее родных, которые отличились на государственной службе: «Они собственной доблестью сенаторские порфиры, латиклавии, жезлы, печати, посохи, ключи от сокровищниц, фасции и всяческие почетные повязки – прекрасные предметы славы освещали¹¹». При этом автор фокусирует внимание на трудолюбии в исполнении служебных обязанностей: «Знательность драгоценна та, которая не за деньги, а за труды покупается и не с помощью заморского золата или жемчуга, а с помощью блестящего пота на лице зарабатывается¹²» [12, р. 6–7 н. н.].

Будет уместно сказать несколько слов и о языке рассматриваемых текстов. «Латинская культура (*Latinitas*), – пишет Ж.В. Некрашевич-Короткая, – была существенной

⁹ «<...> iudicem auris cuiq[ue] porrigendae, non auri accipiendi avidum <...>».

¹⁰ «<...> aequissimum nuper Litvani areopagi Aristidem <...>».

¹¹ «Purpuras Senatorias, Laticlavia, / Scipiones, Sigilla, Clauas, Clavesq[ue] Thesaurarias, / Fasces et omnes honorum Fascias, / Puchram plane luminum materiam / Virtute propria accenderunt».

¹² «Pretiosa est Nobilitas / Quae non pretio sed labore emitur: / Et non peregrino auro, aut gemmis, / Sed gemmante frontis sudore acquiritur».

составляющей культурного, а потом и социального капитала в ситуации ВКЛ» [7, с. 230]. Владение латинским языком возвышало социальный статус гражданина, маркировало в его принадлежности к элите общества.

Таким образом, барочная традиция организовывать пышные похоронные церемонии с непременным включением в программу панегирических речей/текстов – своего рода стратегия, целью которой является презентация и трансляция символического капитала, зафиксированного в идеальных образах героев фунеральных панегириков. На страницах текстов истинный шляхтич представлял как воин-защитник, государственный деятель, одаренный политик, образованный представитель культуры и религиозный человек, ценивший древность рода и традиций. В силу того, что личный авторитет может только постоянно поддерживаться поступками, которые на практике подтверждают его своим соответствием актуальным в барочном обществе ценностям. Именно «великие» не могут позволить себевольно обращаться с официально-признанными нормами морали и чести, соответственно, должны «оплачивать» свою повышенную ценность повышенным соответствии общепринятым ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко (отв. ред. пер.). – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Голубев, С. Т. Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. / С. Т. Голубев // ТКДА. – 1872. – № 10. – С. 295–382.
3. Грунтоў, С. У. Мемарыяльныя помнікі / С. У. Грунтоў // Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / А. І. Лакотка (навук. рэд.) [і інш.]. – Т. 1 : Культура сацыяльной эліты XIV – пачатку XX ст. – Мінск : Беларус. навука, 2013.

ФУНЕРАЛЬНЫЙ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫЙ ПАНЕГИРИК XVII В.

4. **Заневский, С. В.** «Сарматский миф» в исследованиях польских и белорусских историков / С. В. Заневский // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemnosci : матэрыялы XV Міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 ліст. 2008 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: I. П. Крэнь. – Гродна : ГрГУ, 2009. – С. 207–211.

5. **Конон, В. М.** От Ренессанса к классицизму. Становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв. / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 160 с.

6. **Косман, М.** Pompa funebris у Вільні да часу падзелаў Рэчы Паспалітай / М. Косман // З гісторыі культуры Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск, 2010. – С. 303–359.

7. **Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В.** Лацінамоўная эпіка як сродак перадачы сацыяльнага (сімвалічнага) капітала ў літаратуры Рэнесансу. Маастацкі вопыт Вялікага Княства Літоўскага / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Studi Slavistici. – 2012. – № 9. – С. 217–242.

8. **Baptista, J. J.** Feralis pompa in funere [...] Alexandri Corvini Gosiewski [...] descripta a Jo. Baptista Jacobello [...] dedicata [...] Stanislao, Christophoro, et Nicolao Paciis [...] / J. J. Baptista. – Vilnae : Typis Academicis Soc. Jesv, 1639.

9. **Chrościcki, J. A.** Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej / J. A. Chrościcki. – Warszawa, 1974. – 370 s.

10. **Classicum** publici doloris pro immortali Gloria et memoria [...] Catharinae Radziwiliae [...] ad levandum filialema maerorem [...] Caroli Stanislai Radziwil [...] a devictissimo Radiviliano honori Collegio Nesvisiensi Minimae Societatis Iesu panegiryce repetitum. – Vilnae, [1695].

11. **In strenui** atque generosi equitis domini Jakobi Zaleski immaturum obitum, oratio funebris habitq. in exequiis eiusdem Grodnafe pridie Nonas 9 Feb. A. 1608. – Vilnae : offic. Acad. Viln. S. J., 1608.

12. **Losiewski, K.** Dies aeternitatis per duodecim horas deductus a Luna Hleboviciana post eclipsim mortis, in solem gloriae transformata atq[ue] ad sepulchrales umbras [...] Marcibellae Annae Hleboviciiae Ogincka, palatinæ Trocensis, [...] Martiano de Kozielsk Ogincki, palatino Trocensi [...] post fata conivngis suae maestissimo in solarium repraesentatus ab Acad. Vilnensi Soc. Iesv [...] / K. Losiewski. – Vilnae : Acad. S. I., 1683.

13. **Łoziński, W.** Życie polskie w dawnich wiekach / W. Łoziński. – Lwów, 1912. – 261 s.

14. **Roncalius, D.** Panegyris in laudem Polonorum. Illustrissimo Domino Adamo Kazanovio Supremo Reg[ni] Pol[oniae] Dapifero, Praefecto Borissovie[sis] et c[etera] dicata. <...> / D. Roncalius. – Crac[oviae] : in offic[ina] Andreeae Petricouii, 1633.

15. **Soli** polique decvs sagittae Wołłowicianae, bogoria nvncvpatae in funere [...] Vladislai Wołłowicz, palatini Vitepscensis et M. D. L. exercituum campiducis [...] celebratae et [...] Michaeli Casimiro Pac [...] dedicatae a Collegio & Alma Acad. Vilnensi Soc. Iesv. – Vilnae, 1669.

16. **Vexillum** Radvanum, <...> in funere <...> Nicolai Vladislai comitis in Mysz Iudycki, castellani Novogrodnensis <...> fundatoris munificentissimi collegii Myszensis Societatis Iesv, erectum <...>. – Vilnae, 1671.

АНТОНІ СЯЛЯВА US ПОЛАЦКІЯ МЯШЧАНЕ: АБСТАВІНЫ Г ВЕРЛГОДНІСЦЬ ГІСТОРЫГ ЗАМАХУ НЛ ЖЫЦЦЁ АРХІЕПІСКАПА Ў 1633 г.

Галубовіч В.У.
(г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)

Паскарэнне тэмпаў жыцця адбіваецца і на гісторычнай навуцы, якая не заўсёды здольная даць аб'ектыўную ацэнку сваім найноўшым адкрыццям і, што самае прыкрае, ранейшым дасягненням. Пагоня за новымі фактамі часам перашкаджае спакойна азірнуцца назад і зразумець, што пытанні да даўно ўведзеных у навуковае абарачэнне і вядомых матэрыялаў могуць быць больш прадуктыўнымі, чым механічнае адкрыццё новых. Акрамя таго, задачай гісторыяграфіі з'яўляецца крытычнае пераасэнсаванне высноў і назіранняў тых даследчыкаў, якія ў розныя часы, але з адной і той жа метадалагічнай дакладнасцю ішлі толькі ўслед за тэкстамі документаў, не спрабуючы іх разнапланава інтэрпрэтаваць. Зыходзячы з таго, што безальтэрнатыўная ісціна пры ўважлівым разглядзе сама становіцца толькі адной з магчымых альтэрнатыў гісторыі, паспрабуем прадэманстраваць гэту сітуацыю на адным «кананічным» прыкладзе – галоснай справе пра спробу забойства полацкага архіепіскапа Антонія Сялявы полацкім мяшчанамі ў 1633 г.¹ Але напачатку трэба спыніцца на асобе галоўнага героя гэтай гісторыі ў полацкім кантэксце.

Антоні Сялява: крыху мясцовага каларыту. Пра час наступніка Язафата Кунцэвіча на архіепіскапскай кафедры ў Полацку напісана даволі многа, але ў вузкім

¹ Бескрытычная трансляцыя звестак з крыніцы пра гэты інцыдэнт бярэ свой пачатак яшчэ з XIX ст. і працягваецца да нашых дзён [3; 8; 9; 13; 18; 20].

сэнсе асобных біяграфічных публікацый пра Антонія Сяляву няшмат, а тыя, што ёсьць, абмяжоўваюцца, галоўным чынам, агульна-прасапаграфічнай інфармацыяй [14; 15; 25]. Антоні Сялява меў мясцове паходжанне². Паводле гербоўніка ВКЛ, складзенага Віюком Каяловічам, Антоні Сялява карыстаўся ўласным гербам, пры гэтым адметна, што В. Каяловіч не арыентаваўся ў паходжанні полацкага архіепіската і не прыпісаў яго да нейкага канкрэтнага павета [24], падобна, як і пазнейшыя аўтары [27]. Род Сяляваў належаў да даволі заможнай часткі полацкай шляхты ў XVI ст., а ў XVII ст. яго прадстаўнікі былі, не ўсе ў роўнай меры, у шэрагу адносна забяспечаных сямей [19; 26]. Сялявы пачаткова вызнавалі праваслаўе, але да уніі пацягнуліся вельмі хутка³. Службовая кар'ера Антонія была відавочным выключэннем для яго полацкіх сваякоў, якія ў павятовай іерархіі зaimалі ўрады даволі сціплыя, а на агульнадзяржаўныя пасады ў ВКЛ ніводзін з іх ніколі не быў намініраваны [28; 29]. Але Антоні скарыстаўся іншым сацыяльным ліфтам: з 1612 г. базыліянін, з 1615 г. вучань грэчаскага калегіума ў Рыме, адкуль ён вярнуўся ў 1622 г. і быў прызначаны архімандритам некалькіх манастыроў і, урэшце, з 1624 г. полацкі архіепіскап, а з 1641 па 1655 г. адначасова мітрапаліт Кіеўскі і Галіцкі [14]. Дарэчы, смерть Я. Кунцэвіча, які быў не на шмат старэйшым за А. Сяляву, стала для апошняга трагедыяй толькі з аднаго боку, паколькі з іншага боку адчыніла шлях для кар'ернага росту, ад якога ён не адмовіўся. Заўажная цяга да канцэнтрацыі пасадаў выдавала ў Антоніі чалавека ўладнага, паранайдальнага тыпу. З 1646 г. у Рым сталі даходзіць звесткі пра занядбанне А. Сялявай сваіх абавязкаў, а потым з'явіліся

² «З праваслаўнага шляхецкага роду ўласнага гербу» [14].

³ Так, у тастаменце, складзеным у Відзінічах 11 лістапада 1601 г. нібыта праваслаўным Фёдарам Сялявай, згаданы яго дзеці, сярод якіх называецца хлопчык з вельмі характэрным «праваслаўным» іменем Тамаш [12].

і прамыя абвінавачанні за кепскі стан уніяцкай царквы. З канца 1640-х гг. А. Сялява быў перманентна хворы, але перыядычна папраўляўся [25].

Стан здароўя (хварэў на калтун каля чатырох гадоў) змусіў А. Сяляву яшчэ ў 1651 г. скласці тастамент, які сам па сабе даволі яскрава сведчыў аб неабыякавасці мітрапаліта да Полаччыны, з якой ён па фармальна-службовых абавязках быў звязаны больш за тры дзесяцігоддзі⁴.

Антоні Сялява належаў да даволі вузкай праслойкі высокаадукаваных прадстаўнікоў мясцовага грамадства, вылучаўся пісьменніцкім талентам, але па сваім культурным кодзе досыць выразна адрываўся ад уласнай паствы, у першую чаргу, мяшчан, паколькі з'яўляўся тыповым прадстаўніком вышэйшага стану грамадства, патрыётам шляхецкай Рэчы Паспалітай. Пасада архіепіскапа давала магчымасць удзельнічаць у сойміках Полацкага ваявод-

⁴ Так, А. Сялява запісаў 10 тыс. залатых на розныя малітвы ў Сафійскім саборы як задушныя, так і іншыя, напрыклад: «за захаванне і збаўленне ад варожых нападаў айчыны нашай Рэчы Паспалітай, за навяртанне ерэтыкоў і адступнікаў». Святароў для такога служэння належала адбраць з ліку выпускнікоў Полацкага езуіцкага калегіума і матэрыяльна забяспечыць. Не забыўся А. Сялява і пра сваякоў: Тэадору, Даніэлю і Яну, сынам Тамаша, свайго роднага брата, належала аддаць 3 тыс. залатых, а іх сястры Гальшты – 2 тыс. залатых на пасаг. Такая ж сума прызначалася роднай пляменніцы А. Сялявы – Тэрэзе Дубянецкай. Гроши належала аддаць у сінагогу, а адсоткі перадаваць на ўтрыманне яе ў манастыры Святой Сафіі. Сваім унучкам-сіротам А. Сялява запісаў 2 тыс. залатых, якія засталіся пасля смерці яго шуры на Віславуха. Яшчэ 1 тыс. залатых ахвяраваў мітрапаліт свайму брату Яну Аляксандравічу і яго жонцы з роду Корсакаў, і столькі ж пляменніцы Кацярыне Дубянецкай-Віславух. А. Сялява не жадаў пакідаць даўгоў і вылучыў гроши на выкуп некалькіх маёнткаў у Полацкім ваяводстве, адзін з якіх, Белае, трymаў вядомы і ўплывовы на Полаччыне шляхціц – Ян Дзягілевіч. Пра сувязь А. Сялявы з мясцовай полацкай шляхтай нагадвалі і асабістыя рэчы архіепіскапа: лыжкі і чаркі з гербам Корсакаў. У дадатак Сафійскай царкве А. Сялява аддаў срэбныя падсвечнікі і таз з рукамыянікам ды кілім. Але вось лацінскую бібліятэку, якую ён збіраў у розныя часы і якая знаходзілася ў Полацку, Сялява адпісаў Мінскаму Святадухаву манастыру [11].

ства, чым Сялява карыстаўся; больш таго, менавіта яго прысутнасць магла радыкальным чынам змяняць настроі полацкіх абывацеляў. Так, з'яўленне Антонія Сялявы на полацкім перадсоймавым сойміку ў 1640 г. непасрэдна паўплывала на ўльтракаталіцкі змест складзенай шляхтай пасольскай інструкцыі [7]. Антоні дыстанцыянуваўся ад мясцовай традыцыі, што пацвярджае і той факт, што, хоць ён і выканаў прысягу па-старабеларуску пры паставленні на епіскапства і звяртаўся на ёй да падначаленага духавенства, tym не менш аддаваў перавагу польскай мове ў іншых зносінах [17].

1633 г.: перадумовы. Быць уніяцкім іерархам у Беларусі ў другой палове XVII ст. было справай не з лёгкіх. Антоні Сялява залежаў ад двара, прыніжаўся перад магнатамі, не быў роўны каталіцкім біскупам і не вельмі шанаўваўся сваімі супляменнікамі, якія не саромеліся ўцягваць архіепіската ў бясконцыя судовыя працэсы. Антоні Сялява, несумненна, разумеў, што гісторыя з яго папярэднікам, Язафатам Кунцэвічам, можа паўтарыцца, бо смерць адной асобы звычайна не змяняе людзей. Трагічны лёс свайго папярэдніка А. Сялява не мог да сябе не прымяраць, а яго смерць была траўмай, якая пра сябе нагадвала, прымушала прытрымлівацца пэўных правілаў асцярожнасці. Страх Антонія за сваё жыццё, а дакладней «здоровье», ведалі і тыя, хто яму нічога добра га не зычыў. Кожны напамін быў балючай узгадкай, якая з'яўлялася сродкам націску, дэмаралізацыі, але кожны сродак карысны ў свой час, і такі момант надарыўся ў 1633 г., калі полацкі архіепіскап апынуўся ў ролі ахвяры ці, што не менш верагодна, пажадаў стаць ахвярай і зрабіў афіцыйную заяву ў судзе пра замах на сваё жыццё. Цалкам невыпадкова, што абвінавачанымі ў гэтым сталі мяшчане, адносіны з якімі ў А. Сялявы не складваліся. Падзеі ж, якія адбыліся 12 кастрычніка 1633 г., можна разглядаць у розных кантэкстах: рэлігійнай барацьбы, міжкласавых супяречнасцей і звычайнага крыміналу. Але

ў любым выпадку яны сталі кульмінацыйным пунктам у адносінах іерарха і праваслаўнага мяшчанства.

Спрэчныя абставіны інцыдэнту. Змест гэтай справы выкладзены ў судовай заяве А. Сялявы «Оповедань» [2; 4, с. 141–144; 21, с. 243–245], якая неаднаразова перавыдавалася, таму паспрабуем спыніцца на тых нюансах дакумента, якія звычайна заставаліся незапатрабаваным фонам.

У першую чаргу трэба звярнуць увагу на выключную аператыўнасць звароту ў суд архіепіскапа: спроба замаху і заява пра гэта датаваныя адным чыслом. Такім чынам, за адзін дзень 12 кастрычніка 1633 г. здарыліся: *ажно дзве спробы застрэліць архіепіскапа, былі злоўленыя і арыштаваныя злачынцы, у манастыр выкліканы судовыя ўраднікі і сведкі, адбылася транспарціроўка злоўленых да замку, адбой і вызваленне іх натоўпам мяшчан, выяўленне сапраудных зачыншчыкаў, складанне заявы і зварот у суд. Щі не мнагавата для аднаго дня?*

Імёны полацкіх мяшчан, якія фігуравалі ў гэтай справе, самі па сабе даюць пэўныя падставы для разваг⁵. Сярод названых у справе 16 асоб няма ніводнага прадстаўніка мяшчанскаі эліты, патрыцыяту, больш таго, і іх нашчадкаў у наступныя гады [16]. Згадка ў заяве архіепіскапа пра далучэнне да бунтаўнікоў жыхароў тапаграфічна маргінальных раёнаў Полацка, Крыўцова пасада і «слободки замковое» сведчыць пра даволі спецыфічны харектар бунту: *яго актыўная рухаючая маса складалася з сацыяльных нізоў, мабільных і лёгка кіруемых, даволі малакультурных.*

⁵ Гэта трох галоўныя акцёры: «мушкецёры» Іван Філіповіч, Ходка Мікуліч, Сцешка Залозіч; сем мяшчан полацкіх: «вызваліцелі» Іван Рабец, Ананія Гарасімовіч, Сямён Гарунка, Васька Шапашнікавіч, Сцешка Дашчонак, Гаўрыла Дроніч, Фёдар Пупшын; трох мешчаніны слабодскія: Даніла Загавалёнак, Андрэй Вайненкаў, Юрка Выдронак; група ідэолагаў: Стэфан Афанасовіч, Карп Аспанка і Грышка Шапашнік [21, с. 243–245].

Наступная дэталь, вартая ўвагі, датычыцца ананімнага стрэлу і салідарнасці палаchan. Падчас пераправы праз Дзвіну стрэлы з мушкета былі зроблены з боку Крыўцавага пасада з «громады стоячого поспольства мещан по-лоцких». Такім чынам, свінцовае пасланне архіепіскап меў атрымаць ад імя ўсіх сабраных. *Зачэпка вельмі істотная і карысная для істца, паколькі ў выніку такой фармулёўкі ўсе месцічы траплялі пад падазрэнне ў пасіўным спрыянні забойцам.* Цікава, што, паводле А. Сялявы, першая спроба яго застрэліць мела месца каля *восьмай гадзіны раніцы*. Адпаведна, узнікае пытанне, што прымусіла гэтых людзей сабрацца, больш таго, мець пры себе зброю? Праўда, два стрэлы ў любым выпадку належыць разглядаць як свядомую спробу злачынных дзеянняў, але пацвердзіць гэта сцвярджэнне складана. Пры пэўным жаданні забіць А. Сяляву было магчыма, таму, хутчэй за ўсё, абстрэл, калі ён сапраўды быў, меў на мэце запужаць архіепіскапа. Пра гэта сведчыць працяг гісторыі, а менавіта тое, што ўвечары таго ж дня некалькі асоб – Іван Філіповіч, Ходка Мікуліч, Сцешка Залозіч – прыйшлі пад цвінтарную браму Барысаглебскага кляштара і «учынивші якісь непотребныи крык, повтурне з мушкетов стреляли» [21, с. 243–244]. *Ці не выглядаюць паводзіны пералічаных палаchan, якія мусілі ведаць наступствы сваіх дзеянняў, прынамсі, безнадзейным глупствам?*

Крык крыкам, але чаму быў абранны такі дыстанцыйны від зброі, як мушкет? Відавочна, што да цела самога архіепіскапа даволі складана было дабрацца. Падчас знаходжання ў Полацку жыў ён у найбольш ахованай яго частцы на Верхнім замку ў так званым Архіепіскапскім двары. Вакол А. Сялявы стала знаходзілася чэлядзь, у дастатковай колькасці, прынамсі для таго, каб злавіць і абяззброіць некалькіх чалавек: архіепіскапская «чэлядка» аператыўна здолела, нягледзячы на ўяўны спалох, вылавіць тых, хто стряляў і прадставіць персанальна архіепіскапу. *Пытанне*

**толькі ў тым, як слугі А. Сялявы здолелі схапіць трох
узброеных мяшчан?**

Наступны, бадай, хрэстаматыйны эпізод гэтай гісторыі звязаны са спробай Антонія высветліць матывы нечаканых для яго, як вынікае з тону заявы, паводзінаў злойленых мяшчан. Пры гэтым паказальна, што ў ардынарных справах крымінальнага зместу скаржнікі звычайна выкарыстоўвалі формулу «без даня прычыны» пры тлумачэнні сваёй невінаватасці. У заяве А. Сялявы гэтага не было. Відавочна, што на той момант растлумачыць сітуацыю Антоні не мог ці не хацеў. Таму ён асабіста пажадаў паразмаўляць з трыма вышэйзгаданымі асобамі. Выглядала гэта як спроба дыспуту альбо праходзіла ў форме допыту, невядома, але гутаркі не атрымалася, больш таго, схопленыя выявілі «зухвальство» і перад самім архіепіскапам не сароміліся «слова брыдкія» прамаўляць. Што стаяла за гэтым упартым хамствам? *Ці Сялява сапраўды не разумеў сітуацыі, ці рабіў выгляд? Здаецца, праўда за другім.*

Але самае важнае ў гэтай справе нават не факт страляніны, а тое, *супраць каго на самай справе была накіравана заява архіепіскапа*. Пасля апісання ўсяго, што адбылося, А. Сялява рэзюмаваў, праўда, на ўзоруні «дошла до мене о том ведомость», што ва ўсіх гэтих падзеях вінаваты не гэтулькі прымітыўныя выканануцы, колькі арганізатар бунту *Стэфан Афанасовіч*. Менавіта яго прыезд са сталічнай Вільні і падбухторванне ў змове з Карпам Астапкам і Грышкам Шапашнікам сталіся галоўнай прычынай хвяляванняў. Трох галоўных «стральцоў» А. Сялява пррама суднёс з С. Афанасовічам, які і раней «бунтовал, так и теперь бунтовать не переставає». Хто гэты Стэфан Афанасовіч? Персанаж якога маштабу? Па словах А. Сялявы, пасля гэтага інцыдэнту ён не здаваўся бяспечным не толькі з боку бунтаўнікоў-актывістаў, але і «от всіх мещан полоцкіх». Такі ўплыў мог мець толькі сапраўды актыўны і харызматычны чалавек, здольны маніпуляваць іншымі. Цікава, што

А. Сялява даўно і добра ведаў свайго ідэйнага канкурэнта. Неўзабаве пасля пастаўлення на архіепіскапства Антоні правёў маніторынг сітуацыі ў Полацку і паведамляў Льву Сапегу ў маі 1624 г. літаральна наступнае пра палачан: «...усе ў Божыя цэрквы ходзяць. Два толькі першаступеных бунтаўнікі ёсць, гэта Стэфан Афанасовіч і сын нябожчыка Пятра, таго не жадаюць дазваляць і іншых бунтуюць <...> не маючы магчымасці жыць у Полацку, яны па ваколічных мястэчках бавяцца, простых людзей падбухторваюць і Палачан сваімі лістамі турбууюць» [23, с. 28]. Але праз пэўны час у лістах А. Сялявы выявіліся і іншыя бунтаўнікі, такія, як палачанін Харкевіч, які пасля наведвання Магілёва пачаў хутка і масава схіляць іншых да вяртання ў праваслаўе на ўзор магілёўцаў [23, с. 30].

Прывід Стэфана Афанаsovіча не даваў спакою А. Сяляве і надалей. Архіепіскап пільна сачыў за «мутацыямі» свайго апанента, полацкага купца, які пазней, у час чарговага вітка супрацьстаяння паміж уніятамі і праваслаўнымі ў 1638 г., называўся «попом неунітскім» [4, с. 177]. Прычына, па якой Антоні Сялява так шмат увагі надаваў персанальному змаганню з Афанаsovічам, утым ліку і ў 1633 г., заключалася не толькі ў дзеянасці гэтага мешчаніна, які падрываў аўтарытэт уніяцкай іерархіі, але ўтым, што *архіепіскап лічыў Афанаsovіча галоўным арганізаторам забойства Язафата Кунцэвіча*: «за то не пооднократъ караню на горле заслужилъ, предсе съ того всего штучне и фортелне выслизнулъ» [4, с. 177].

Чаму ж замах на полацкага архіепіскапа сапраўды мог адбыцца менавіта восенню 1633 г.? На нашу думку, для гэтага існавалі адпаведныя ўмовы.

Канфірмацыйны прывілей на Магдэбургскае права 1633 г. Ці мог замах быць рэакцыяй на змены ў фарміраванні органаў кіравання ў Полацку? Не выключана. Пачынаючы з 11 сакавіка 1633 г. пачаў легальна дзейнічаць новы парадак выбараў, які прадугледжваў выключэнне

праваслаўных з ліку прэтэндэнтаў на магістрацкія пасады [10]. Зроблена гэта было ў кантэксце ўнутранай палітыкі Уладзіслава Вазы, але рукамі не праваслаўных, а каталікоў, якія ўсведамлялі наступствы сваіх дзеянняў і, тым не менш, пайшлі на такі крок⁶. Наколькі гэта інфармацыя паўплывала на радыкализацыю настрояў, сказаць складана, як і звязаць непасрэдна з нападам мяшчан на архіепіскапа.

Ваенна-палітычнае сітуацыя. Заява пра пакушэнне на А. Сяляву супала з падзеямі так званай Смаленскай вайны, падчас якой Полацк перажыў не самыя лепшыя часы. Літаральна ўлетку 1633 г. з 12 на 13 чэрвеня месца было спалена маскоўскай арміяй. У выніку гэтай вылазкі была фактычна выбіта частка магістрата: полацкі падвяявода Лісоўскі сведчыў «як лянтвойта, так бургомистра и інших много колекгов в месте позабивали, а інших в полон живых побрано» [1]. Фактычна кіраўніцтва Полацка было аслаблена і кантроль за сітуацыяй у горадзе ў значнай ступені быў страчаны. Цікава, што яшчэ 14 кастрычніка 1633 г. полацкі бурмістр Дарафей Ахрамеевіч публічна заяўляў, што праца магістрата паралізавана менавіта па той прычыне, што з ураднікаў, абраных у 1633 г., засядацьмаглі толькі ён і райца Ян Русецкі [5]. Такі расклад быў спрыяльным для разнастайных беззаконняў, і ім несумненна скарысталіся. Акрамя таго, зручнасць моманту палягала на тым, што на 2 верасня 1633 г. Уладзіслаў Ваза з арміяй прайшоў праз Беларусь і знаходзіўся ў лагеры пад Смаленскам [22]. Вынікі вайны не былі пэўныя, а страта аўтарытэту для ўлад, у тым ліку царкоўных, якія залежалі ад дзяржавы, відавочная.

Рэлігійная «адліга». Добра вядома, што праўленне Уладзіслава Вазы было часам вялікіх спадзяянняў, у тым ліку і праваслаўнага насельніцтва, якое атрымала ад каралія запэўніванні і некаторыя ўступкі, у тым ліку «дыплом» ад 14 сакавіка 1633 г. з дазволам свабоднага вызнавання

⁶ Характэрна, што пасламі на каранацыйны Сойм 1633 г. для пацвярджэння прывілея палаchanе абрали ўніята і каталіка [6].

праваслаўя па ўсёй Рэчы Паспалітай [4, с. 134–136]. Вагу ён меў адносную, паколькі патрабавалася яшчэ згода сойма, але, тым не менш, прагрэсіўныя характеристар гэтага дакумента не выклікае сумненняў. Да таго ж не варта забывацца, што ішла вайна і манарх шукаў падтрымкі ўсіх. У такіх умовах найперш пацярпеў аўтарытэт уніяцкага духавентства, якое страціла манаполію на фармальна падпарадкованай сабе тэрыторыі. Палацк па новым раскладзе не атрымліваў асобнага праваслаўнага епіскапа, але костка палаchanам усё ж была кінутая. 12 ліпеня 1633 г. Уладзіслаў Ваза падчас знаходжання ў Вільні дазваляе прыватную фундацыю праваслаўнай царквы «под послушенством владыки Мстиславскага не в уніи будучага» ў Палацку на Вялікай вуліцы. Малаверагодна, каб гэта навіна не стала хутка вядомай у горадзе, тым больш што фундатар, браслаўскі земскі суддзя Себасціян Мірскі, яшчэ 6 чэрвеня актыкаваў свой фундацыйны ліст у полацкія гродскія кнігі [4, с. 138–141].

Здаецца, што для здзяйснення замаху на высокага іерарха сапрауды быў выбраны зручны момант: мясцовая ўлада ў разабраным стане, кіраўнік дзяржавы і мясцовы ваявода на вайне, а ў атмасфери павіс салодкі і падманлівы смак свабоды. Толькі ўсе гэтыя фактары маглі ўроўнай ступені спрыяць і паралічу актыўнасці праваслаўных, якія, ужо па іх версіі, не збіраліся забіваць архіепіскапа.

Справа ў тым, што гісторыя замаху звычайна выкладаеца ў адпаведнасці з заявай Антонія Сялявы, але ёсьць падставы сцвярджаць, што яна з'яўляецца толькі адной з інтэрпрэтацый тых падзеяў, якія адбыліся, пры гэтым не самай дакладнай і супярэчлівой. Падзея 12 кастрычніка маглі выглядаць іначай, прынамсі ў вельмі значных дэталях. Гэта дазваляе сцвярджаць змест рэпратэстацыі Антонія Сялявы на скаргу трох полацкіх месцічаў, якія прадстаўляліся Сялявай як галоўныя акцёры злачынных дзеянняў супраць яго. Сама рэпратэстацыя, якая захавалася ў выглядзе копіі з гродскіх полацкіх кніг ад 4 жніўня 1634 г., змяшчае ўрыўкі

з пераказам прэтэнзій мяшчан, абвінавачаных архіепіскапам у спробе забойства [4, с. 144–145]. Усе тры мешчаніны названы ў дакуменце слугамі архіепіската, і яны не лічылі сябе вінаватымі. Больш таго, самі абвінавачвалі А. Сяляву ў арганізацыі іх незаконнага затрымання падчас выпраў у каралеўскі абоз пад Смаленск. Схопленыя па загадзе А. Сялявы, яны былі змешчаны ў Барысаглебскі манастырь, а потым у замак, дзе з іх здзекваліся. Акрама таго, мяшчане сцвярджалі, што іх выратавалі жыхары прадмесця Кабак, што супярэчыць версіі А. Сялявы.

У тэксце рэпратэстацыі А. Сялявы выявіўся шэраг новых нюансаў: 12 верасня 1633 г. архіепіскап паспеў акты-каваць заяву ажно ў трох установах: магістраце, гродскім і земскім судах, паколькі напад на яго адбыўся «подъ часъ суженя тыхъ роковъ» [4, с. 144]; былі названы тыя, хто страляў у архіепіската падчас пераправы праз Дзвіну, – Іван Філіповіч, Ходка Мікуліч, Сцешка Залозіч, а не нейкія ананімы; нарэшце, стралялі ў А. Сяляву падчас пераправы ўсё ж адзін раз, пры гэтым «праве куля тутъ же над головою мою прошла», а ў папярэднім варыянце заявы дзве кулі праляцелі «праве мимо мене самога» [4, с. 141, 145]. *Аднак А. Сялява не раслумачыў адну дэталь: колыкі патрэбна было чалавек, каб адзін ці нават два разы стрэліць з мушкета? Тры? И яны ўсе разам стралялі з аднаго ці некалькіх мушкетаў?*

Такім чынам, згодна з абедзвюма версіямі, 12 кастрычніка 1633 г. у Полацку сапрауды мелі месца пэўныя неардынарныя падзеі (*дакладна можна казаць толькі тое, што адбылося затрыманне і вызваленне трох палачан*), але сувязь іх з рэлігійным супрацьстаяннем з'яўляецца прадуктам свядомай правакацыі з боку полацкага архіепіската, які шукаў усе магчымыя зачэпкі для праследавання сваіх неўтаймаваных падданых. Самі мяшчане, як вынікае з іх заявы, не жадалі забіць архіепіската, былі ахвярай яго злouжыванняў. Хто ў гэтай справе быў больш-

шым ілгуном, ніхто на сённяшні дзень адказаць не мае магчымасці, але дазваляецца з упэўненасцю сцвярджаць, што за раздзіманнем маштабнага скандалу ў Полацку праглядаецца асоба таленавітага пісьменніка-палеміста Антонія Сялявы. Гісторыя з рэальным ці ўяўным замахам была для яго проста своечасовым падарункам, паколькі дазваляла праз суд, які быў раней і застаецца надалей інструментам прымусу і ціску, змагацца з кожным выпадкам непадпарядковання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Акты**, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург, 1865. – Т. 2 : 1599–1637. – С. 90–91.
2. **Археографический** сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. – Вильна, 1867. – Т. 1. – С. 274–275.
3. **Белоруссия и Литва**. Исторические судьбы Северо-Западного края. – Санкт-Петербург, 1890. – С. 240.
4. **Витебская старина** : [в 5 т.] / составил и издал А. Сапунов. – Витебск, 1888. – Т. 5 : Материалы для истории Полоцкой епархии, ч. I.
5. **Галубовіч, В. У.** Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII–XVII стст. = *Miscellanea historica polocensia* / В. У. Галубовіч. – Гродна, 2014. – С. 146–147.
6. **Галубовіч, В. У.** Канфлікт полацкага ваяводы Януша Кішкі з полацкім магістратам адносна магдэбургскага прывілея 1633 г. / В. У. Галубовіч // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Полацк, 1–2 лістапада 2017 г. – Полацк, 2019. – С. 58.
7. **Галубовіч, В.** Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў / В. Галубовіч. – Мінск, 2016. – С. 161.
8. **Гісторыя** Беларусі : курс лекций : у 2 ч. – Мінск, 2001. – Ч. 1 : Са старажытных часоў да канца XVIII ст. – С. 494.
9. **Гісторыя** Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск, 1972. – Т. 1. – С. 253.

10. **Доўнар, А.** Пацвярджальны прывілей Полацку 1633 г. (нарыс з гісторыі Полацка 30-х гадоў XVII ст.) / А. Доўнар // Commetarii polocenses historici. – 2004. – Т. I. – С. 45.
11. **Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской.** – Витебск, 1872. – Вып. 2. – С. 255–286.
12. **Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской.** – Витебск, 1891. – Вып. 22. – С. 273–277.
13. **История русской церкви Макария, митрополита Московского и Коломенского.** – Санкт-Петербург : Типография С. Добродеева, 1882. – Т. XI : Патриаршество в России, кн. II. – С. 525–526.
14. **Казуля, С. Сялява Антоні / С. Казуля // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 649.**
15. **Казуля, С. Сялява Антоні / С. Казуля // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 463–464.**
16. **Макараў, М. Месцкія ўлады Полацка (1580–1772 гг.): арганізацыя, персанальны склад / М. Макараў.** – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – С. 66–131.
17. **Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839) / С. В. Марозава.** – Гродна, 2001. – С. 201, 203.
18. **Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Полацка.** – Мінск, 2002. – С. 168.
19. **Полоцкая ревизия 1552 года / ред. И. И. Лаппо.** – Москва : Унив. тип., 1905. – С. 132–134.
20. **Сапунов, А. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до конца XIX века / А. Сапунов.** – Витебск, 1889. – С. 98.
21. **Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: конец XIV в. – 1648 г. : сб. документов и материалов : в 3 т. – Минск, 1988. – Т. 1.**
22. **Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634 / oprac. Mirosław Nagielski.** – Warszawa, 2006. – S. 102.
23. **Kempa, T. Prawosławie i unia we wschodnich województwach WXL w końcu XVII w. / T. Kempa // Białoruskie zeszyty historyczne.** – Białystok, 2004. – Z. 22.

24. **Kojałowicz, W. W.** Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo herbach których familie stanu rycerskiego w prowincyach Wielkiego Księstwa Litewskiego zażywają / W. W. Kojałowicz. – Kraków, 1897. – S. 69.

25. **Kumor, B.** Sielawa Anastazy Antoni / B. Kumor // Polski słownik biograficzny. – Warszawa ; Kraków, 1995–1996. – T. XXXVI. – S. 585–588.

26. **Metryka** Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo połockie 1667 i 1690 r. / oprac.: Henryk Lulewicz i Andrzej Rachuba. – Warszawa, 2018. – S. 70, 97.

27. **Niesiecki, K.** Herbarz polski / K. Niesiecki. – Lipsk, 1841. – T. VIII. – S. 333.

28. **Urzędnicy** centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy / oprac.: H. Lulewicz, A. Rachuba. – Kórnik, 1994.

29. **Urzędnicy** Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy / pod red. Henryka Lulewicza. – Warszawa, 2018. – T. V : Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV–XVIII wiek.

МУЗЕЙ-БІБЛІЯТЭКА СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА ЛІК УНІКАЛЬНЯ МЕМАРЫЯЛНЯ ПРАСТОРЯ

*Гаўрылава С.В.
(г. Полацк, Рэспубліка Беларусь)*

25 гадоў таму назад, 25 сакавіка 1994 г., у Полацку быў адкрыты музей, аналагаў якому ні ў горадзе, ні ў краіне няма да сённяшняга часу. Музей-бібліятэка Сімёона Полацкага, адзін з філіялаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, – гэта ўдалы прыклад сімбіёзу двух інстытутаў памяці: музея і бібліятэкі. Іх узаемаабумоўленае сусідананне стварае ўнікальную прастору, утвараючым фактарам якой службыць ідэя мемарызацыі асветніка XVII ст. Сімёона Полацкага.

На сённяшні дзень колькасць публікаций, прысвячаных гэтаму музею, вельмі абмежаваная: гэта навуковыя артыкулы супрацоўнікаў музея-запаведніка Т.А. Джумантавай [4], В.Д. Краско [5], А.У. Шумовіч [7; 8], а таксама папулярныя артыкулы і нататкі ў перыядычным друку [1; 3; 6]. Аўтары закраналі пытанні гісторыі стварэння музея, рэпрэзентацыі дзейнасці Сімёона Полацкага ў яго экспазіцыі, правядзення разнастайных музейных мерапрыемстваў. Наш артыкул мае на мэце не столькі паказаць шлях музея ад ідэі да яе рэалізацыі, колькі адзначыць асаблівасці, дзякуючы якім музей застаецца ўнікальным і працягвае карыстацца папулярнасцю ў наведвальнікаў ужо чвэрць стагоддзя.

На пачатку хацелася б звярнуць увагу на тэрміналогію, на якой грунтуецца разуменне музея як мемарыяльнай прасторы. Як пісала вядомы нямецкі гісторык і культуролаг Алейда Асман у сваёй рабоце «Доўгі цень мінулага: мемарыяльная культура і гістарычная палітыка», задачай мемарыяльных месцаў з'яўляецца вяртанне тых ці іншых

падзей мінулага ў сучаснае [2]. Такое асучасніванне мінулага адбываецца ў вызначанай прасторавай лакалізацыі за кошт «устойлівых форм захавання», а ў часе – «устойлівых форм паўтаральнасці». Пры гэтым аўтар размяжоўвае паняцці «месца» і «прастора». Прастора пранікнута духам даследчай, планамернай дзейнасці чалавека; прастору выміраюць, структуруюць і пераўтвараюць. Прастора вольная, з ёй можна нешта зрабіць, яе можна пераабставляваць. Тым яна адрозніваецца ад месца, індывидуалізаванага імем чалавека. Паняцце прасторы змяшчае патэнцыял планавання, скіраваны ў будучыню, паняцце месца нясе ў сабе веды, што адносяцца да мінулага. У сучасным музеязнаўстве прастора музея трактуецца як своеасаблівы ўніверсальны тэкст, прадстаўлены не толькі ў выглядзе сукупнасці прадметаў у іх фізічнай размешчанасці, але і ў знакава-сімвалічнай форме. Тэкст прасторы музея лічыцца завершаным, бо час у ім зафіксаваны, але прастора музея як тэкст не завершана, бо ў ім нараджаюцца новыя сэнсы. Музейная прастора змяшчае час і існуе ў часе. Яна сама па сабе вынік творчасці, але засвойваецца толькі праз сузіранне, якое прадугледжвае сутворчасць. Структура прасторы музея шматслойная, яна ўключае як духоўныя працэсы, так і матэрыяльныя структуры. Прастора музея не супадае з геаграфічнай прасторай, але часта лакалізуе гістарычную з'яву, падзею, факт ці, як у нашым выпадку, асобу. Такая прастора і вызначаецца як мемарыяльная.

Яшчэ ў канцы 1980-х гг., калі ішла праца па стварэнні Музея беларускага кнігадрукавання, была выказана думка аб неабходнасці адкрыцця мемарыяльнага музея Сімёона Полацкага, а таксама організацыі ў Полацку цэнтра вывучэння спадчыны асветніка, tym больш што на той час ніводнага музея, прысвечанага гэтай выдатнай асобе, не існавала. Ідэя была станоўча ўспрынята калектывам музея-запаведніка, аднак профіль яго не быў вызначаны адразу.

Падчас правядзення даследчых і пошукавых работ, калі ішоў адбор і фарміраванне складу экспанатаў, сярод іншых кніг і дакументаў у бібліятэках і архівах было перагляджана завяшчанне Сімёна Полацкага, паводле якога ён перадаў полацкаму Богаяўленскаму манастыру вялікую колькасць кніг са сваёй бібліятэкі. Адсюль пачала развівацца ідэя і быў вызначаны профіль музея. Сёння Музей-бібліятэка Сімёна Полацкага аб'ядноўвае рысы гісторычнага, мемарыяльнага і літаратурнага музея, гэта значыць з'яўляецца комплексным.

Стварэнне падобнага музея менавіта ў Полацку зацікавіла не ў апошнюю чаргу таму што гэта радзіма Сімёна Полацкага. Акрамя таго, у горадзе захаваўся будынак так званай Брацкай школы. Гэта мураваная пабудова знаходзілася на месцы, дзе раней быў драўляны будынак школы праваслаўнага брацтва, у якой вучыўся, а затым і выкладаў асветнік. Для размяшчэння экспазіцыі было абрана памяшканне былой Кацярынінскай царквы плошчай 134,5 кв. м. Гэта адзіная ў Полацку гісторычна адпаведная лакалізацыя з мемарыяльным патэнцыялам, што суадносіцца з жыццём Сімёна Полацкага.

Мастацкае рашэнне экспазіцыі было распрацавана мастаком І.В. Куржалавым па ўзоры інтэр'ера заходнеўрапейскай бібліятэкі XVII–XVIII стст. Прастора музея ўспрымаецца як асобая праекцыя культурнай прасторы і часу, унутры якой у наведвальніка адбываецца зруш ва ўспрынняцці фізічнага часу (з XXI ст. ён трапляе ў XVII ст.) і так званае пагружэнне ў эпоху, якое з'яўляецца суб'ектыўным уяўленнем і не існуе па-за чалавечай свядомасцю. У інтэр'еры Музея-бібліятэкі ўлоўны стыль эпохі – так званы «дух бібліятэкі». Гэтаму садзейнічае тое, што ў двухузроўневых шафах музея размешчана частка кніжнага збору і навуковая бібліятэка музея-запаведніка.

У прасторы музея спалучаюцца мемарыяльна-гісторычная экспазіцыя і навуковая бібліятэка з чытальняй

залай як неад'емны элемент гэтай прасторы. Музейная прастора можа разглядацца як своеасаблівы ўніверсальны тэкст, які прадстаўлены не толькі ў выглядзе сукупнасці прадметаў, звязаных з імі падзей, але і ў знакава-сімвалічнай форме. Знакамі-сімваламі ў дадзеным выпадку выступаюць галоўныя экспанаты Музея-бібліятэкі – кнігі, праз якія рэпрэзентаваны ідэі, закладзеныя ў навуковую канцепцыю музея. Тэкст прасторы завершаны, паколькі адлюстраваны ў музее час завершаны, але адначасова з tym прастора музея як тэкст не завершана, бо ў ёй нараджаюцца новыя сэнсы, асацыяцыі і сувязі з сучаснасцю. Кожны наведвальнік стварае ўласныя сэнсы, а гэта значыць, музейная прастора суб'ектыўная. Спецыфіка ўспрыняцця і спасціжэння артэфактаў культуры, прадстаўленых у экспазіцыі, вымагае ад наведвальнікаў устанаўлення дыялогу з людзьмі іншых эпох, якія ўвасобілі свой сацыяльны час у выніках уласнай дзейнасці, што ў сучаснасці з'яўляюцца экспанатамі. У гэтым дыялогу адбываецца сумяшчэнне прасторы музея і экзістэнцыяльна-асобаснай прасторы наведвальніка, што дазваляе апошняму выявіць, прыняць і засвоіць культурныя коды, закладзеныя ў музейныя прадметы.

Музей-бібліятэку Сімяона Полацкага штогод наведвае некалькі тысяч чалавек. Так, за няпоўны 2019 г. у музеі было без малога 10 тыс. індывідуальных наведвальнікаў, 13 тыс. экспкурсійных наведвальнікаў, у навуковую бібліятэку звярнулася амаль паўтысячы чалавек¹. Гэты музей з'яўляецца ўнікальнай мемарыяльнай прасторай, якая выступае носьбітам сэнсаў і значэнняў, адзінства аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, форм мінулага і сучаснага.

¹ Статыстычныя дадзеныя ўтрымліваюцца ў штотэмесачных справа-здачах аб работе музея ў 2019 г., якія захоўваюцца ў музеі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аксак, В.** Пра ўшанаванне памяці вучонага манаха і не толькі / Валянціна Аксак // Беларусь. – 1994. – № 9. – С. 30–31.
2. **Ассман, А.** Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
3. **Гальпяровіч, Н.** Вяртанне Сімёона Полацкага / Навум Гальпяровіч // Книга и мы. – 1996. – № 14. – С. 5.
4. **Джумантаева, Т. А.** К вопросу о присутствии Симеона Полоцкого в культурном пространстве города (по материалам конференции «Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность») / Т. А. Джумантаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 208–210.
5. **Краско, В. Д.** Музей-бібліятэка Сімёона Полацкага: ад ідэі да рэальнага жыцця / В. Д. Краско // Сімёон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычна і літаратурная дзейнасць : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Полацк, 18–19 лістапада 2004 г. – Полацк : НПГКМЗ, 2005. – С. 58–64.
6. **Тулупава, І.** Бібліятэку завяшчаў Радзіме / І. Тулупава // ЛіМ. – 2010. – 15 студзеня. – С. 5.
7. **Шумовіч, А. У.** Адлюстраванне жыцця і дзейнасці Сімёона Полацкага ў экспазіцыі Музея-бібліятэкі Сімёона Полацкага / А. У. Шумовіч // Материалы Міжнародної наукової конферэнцыі «AD FONTES – ДО ДЖЕРЕЛ», Київ, 12–14 жовтня 2005 р. – Київ : Києво-Могилянська Академія, 2006. – С. 39–45.
8. **Шумовіч, А. У.** Экспазіцыя Музея-бібліятэкі Сімёона Полацкага як адлюстраванне жыцця і дзейнасці Сімёона Полацкага / А. У. Шумовіч // Сімёон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычна і літаратурная дзейнасць : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., Полацк, 19–20 лістапада 2009 г. – Полацк : НПГКМЗ, 2010. – С. 207–215.

ВЫДАННІ ПА ГІСТОРЫГІ ПОЛАЦКІХ ХVI–XX СТСТ. «МІСІЕСЗПІК РОБОСКІ» Ў ФОНДАХ ЛІДДЗЕЛЯ РЭДКІХ КНІГ і РУКЛІСЛАЎ ЦНБ НАН БЕЛАРУСІ

Дзенісенка А.П.
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Адзін з самых старажытных гарадоў Усходняй Еўропы г. Полацк упершыню згадваецца ў «Аповесці мінульых гадоў» пад 862 г. У Полацку зарадзілася беларуская дзяржаўнасць і культура, тут з'явіліся на свет Еўфрасіння Полацкая, Францыск Скарына, Сімяон Полацкі. Адсюль родам герой абароны Порт-Артура генерал Раман Кандраценка (1857–1904) і заснавальнік беларускага кіно Юрый Тарыч (1885–1967, сапраўднае імя Юрый Віктаравіч Аляксееў).

Ураджэнцам Полацка быў выдатны дзеяч культуры агульнаеўрапейскага маштабу Сімяон Полацкі. Манах, які праз свой светапогляд веруючага чалавека распаўсюджваў у грамадстве менавіта рэлігійныя каштоўнасці, карыстаючыся пры гэтым рознымі, у тым ліку свецкімі сродкамі, ужываючы самыя высокія на той час веды і тэхналогіі, размаўляючы на сучаснай мове. З 1656 г. ён працаваў у Полацку настаўнікам брацкай школы Богаяўленскага манастыра. Ёсць меркаванні, што Сімяон Полацкі вучыўся ў Віленскай езуіцкай калегіі. Зімой 1660 г. ён наведаў Москву, дзе сустрэўся з царом і, відаць, прасіў яго аб матэрыйальняй дапамозе Богаяўленскаму манастыру. Вясной 1664 г., каб пазбегнуць рэпрэсій з боку польскіх улад, Сімяон Полацкі назаўсёды пераехаў у Москву. Пасля гэтага пачаўся росквіт паэтычных здольнасцей Сімяона Полацкага. За 16 гадоў жыцця ў Москве (1664–1680) паэт напісаў вялікую колькасць вершаў, дзве п'есы, некалькі твораў царкоўна-рэлігійнага характару, пераклаў на вершы і ў 1680 г. выдаў «Псалтирь рифмаванную», якая з'явілася першым друкаваным паэтычным

зборнікам у Маскоўскай Русі [11, с. 116–122]. Экзэмпляр «Псалтири рифмаваной» пад шыфрам К16-18/Ср226 заховаецца ў фондах аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральной навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБ НАН Беларусі) [2].

У ЦНБ НАН Беларусі захоўваюцца выданні пра жыццё і асветніцкую дзейнасць Еўфрасінні Полацкай. Асноўная крыніца біяграфічных дадзеных пра асветніцу – яе жыццяпіс. Фонды бібліятэкі маюць некалькі друкаваных варыянтаў «Жыццяпісу», перавыданні больш позніх часоў. Сярод іх кніга пад рэдакцыяй вядомага беларускага гісторыка, археографа, краязнаўцы Аляксея Парфенавіча Сапунова (1851–1924). Аўтар твораў па гісторыі і этнографіі Віцебшчыны, удзельнік стварэння Віцебскага царкоўнаархеалагічнага музея, у 1888 г. надрукаваў у адным томе трыварыянты «Жыццяпісу», адзін яго асобнік быў падораны бібліятэцы Віцебскай вучонай Архіўнай камісіі, аб чым сведчыць яго аўтограф на вокладцы кнігі. Сярод іншых крыніц пра жыццё і дзейнасць Еўфрасінні Полацкай – кніга на польскай мове І. Стэбельскага «Жыцці Еўфрасінні і Параскевы...» (Львоў, 1866 г.) [16], выданні М. Дуброўскага «Житие преподобной Ефросинии...» (Масква, 1894) [2], А. Тыртава «Некоторые пояснения к описанию жития Преподобной Ефросинии...» (Віцебск, 1893) [13], таксама сучаснае юбілейнае выданне да 100-годдзя пераносу святых мошчаў Еўфрасінні з Кіева ў Полацк «Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 г.» [8].

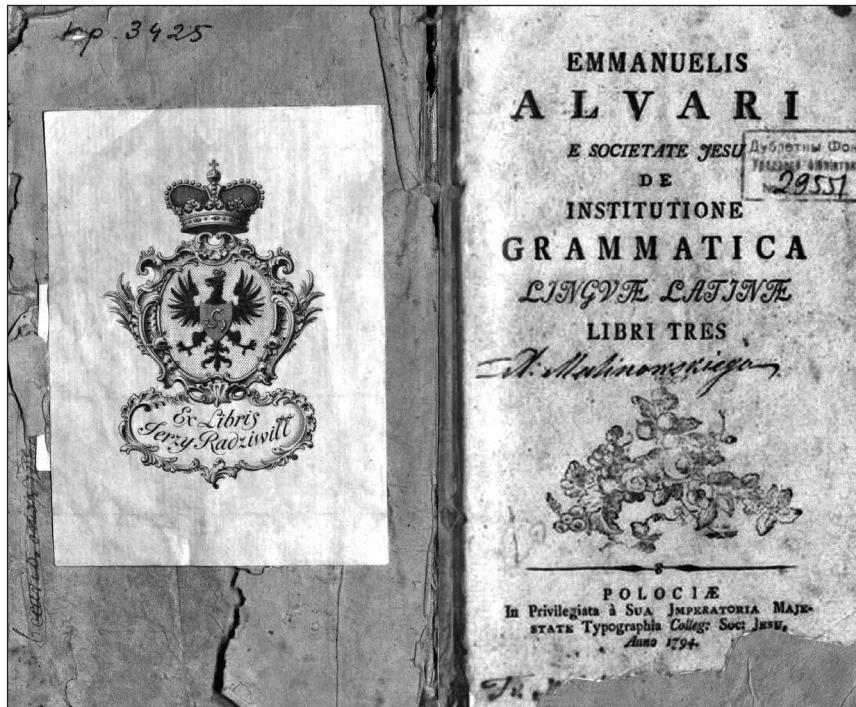
Некалькі кніг прысвечаны дзеду Еўфрасінні, полацкаму князю Усяславу, які быў, па сутнасці, заснавальнікам беларускай дзяржаўнасці. Гэта – артыкул гісторыка і педагога, выкладчыка Віцебскага настаўніцкага інстытута Дзмітрыя Леонардава «Полацкі князь Усяслаў і яго час», надрукаваны ў часопісе «Полоцко-Вітебская старина» (1912–1916) [4; 5], і кніга этнографа Сяргея Сахарава «Полацкі князь Усяслаў – беларускі нацыянальны асілак» (1939) [10].

У 2012 г. у ЦНБ НАН Беларусі адбылася презентацыя факсімільнага выдання «Издательства Белорусского Экзархата» – «Житие блаженной Евфросинии, игумении монастыря Вседержителя Святого Спаса во граде Полоцке» (сер. XVI в.) [3], прымеркаваная да 1150-годдзя Полацка. Гэта адзін з найбольш ранніх помнікаў усходнеславянскай агіяграфіі. Першапачатковы тэкст «Жития» не захаваўся, да нашых дзён дайшлі толькі пераробленыя тэксты. Невядомы і складальнік «Жития», але даследчыкі лічаць, што гэта быў не толькі сучаснік Еўфрасінні, але, безумоўна, асаба з яе асяроддзя (магчыма манах з манастыра, заснаванага Святой).

У фондах аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі захоўваюцца полацкія гістарычныя кнігазборы, выданні Полацкага езуіцкага калегіума XVIII ст., гістарычныя хронікі XVI ст. на польскай і лацінскай мовах. Сярод іх – «Хроніка польская, літоўская, жамойцкая і ўсяе Русі» Мацея Стрыйкоўскага (1582) [17], «Хроніка Еўрапейскай Сарматыі» Аляксандра Гваныні (1611) [15], якія ўключаюць звесткі перыяду Лівонскай вайны (1558–1583), у ходзе якой Полацк неаднаразова становіўся аб'ектам заваёў. Да рэчы, на форзацы кнігі Мацея Стрыйкоўскага прыклеены два розныя экслібрисы (адзін з іх рознакаляровы; выкананыца Елізавета Бём (1843–1914) – знакамітая маставіца, удзельніца міжнародных выстаў у Парыжы, Мюнхене, Мілане, адзначана ўзнагародамі). Экслібрисы належалаць графу С.Д. Шарамецеву (1844–1918). Відавочна, што гэты фаліант з яго ўласнай бібліятэкі.

У кнігасховішчы аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў захоўваюцца кнігі полацкіх друкарняў. Гэта выданні тыпаграфіі Полацкага езуіцкага калегіума (з 1812 г. – Полацкая езуіцкая акадэмія), які дзейнічаў у 1787–1820 гг. Пры друкарні была словалітня, шрыфты атрымлівала з Пецярбурга і Варшавы. Друкарня выпусціла больш за 500 выданняў, пераважна на польскай і лацінскай мовах, часткова на ру-

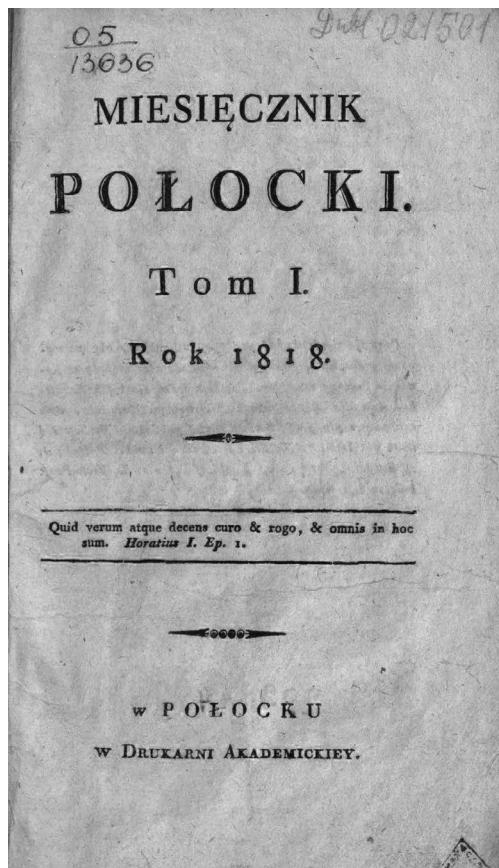
скай, італьянскай, нямецкай, французскай. Сярод іх – падручнікі для вучняў па ўсеагульной геаграфіі і гісторыі Рыма, граматыцы лацінскай мовы, майстэрстве рыторыкі, слоўнікі, творы пісьменніка I. Беніслаўскага, выданні рымскіх пісьменнікаў Гарацыя, Цыцэrona. У фондах аддзела захоўваецца асобнік з кнігазбору Бібліятэкі Нясвіжскай ардынацыі – падручнік граматыкі на лацінскай мове Мануэля Альварыса (1526–1582) з экслібрисам Ержы Радзівіла нафорзацы («Emmanuelis Alvari... de Institutione grammatical linguae Latinae...», 1794) (мал. 1), выдадзены ў тыпаграфії Полацкага езуіцкага калегіума.

Мал. 1. Тытульны ліст падручніка граматыкі на лацінскай мове Мануэля Альварыса (1526–1582) «Emmanuelis Alvari... de Institutione grammatical linguae Latinae...» (1794) з экслібрисам Бібліятэкі Радзівілаў Нясвіжскай ардынацыі

З канца XVIII ст. у друкарні выходзіў «Каляндар полацкі», дзе змяшчаліся краязнаўчыя матэрыялы (у тым ліку пра Полацк), а таксама звесткі па гуманітарных і фізіка-матэматычных навуках, крытыка-бібліографічныя агляды, пераклады, апісанні падарожжаў.

У друкарні Полацкай езуіцкай акадэміі з 1818 г. да лютага 1820 г. выходзіла перыядычнае выданне «Miesięcznik Połocki» («Полацкі месячнік») (мал. 2). Асобнік першага нумара за 1818 г. захоўваецца ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі. Выданне паступіла з дублетна-га фонду бібліятэкі Львоўскага ўніверсітэта ў 1971 г. У кожным нумары прастаўлены штамп памерам ø 12 мм – «Biblioteka mokslų Akademijos»¹. Гэта сціплае па сваім мастацкім афармленні выданне, гравюр у ім мала, для аздаблення выкарыстоўваўся аборны арнамент і кіслаграфічныя застаўкі. Так, арыгінальныя вокладкі аздоблены двайным наборным арнаментам у выглядзе прамавугольнай

Мал. 2. Тытульны ліст часопіса «Miesięcznik Połocki» (1818. Т. 1)

¹ Штамп Бібліятэкі Літоўскай Акадэміі навук.

рамкі, у якой змешчаны загаловак, год, месяц, нумар часопіса. На вокладцы цытуеца выслоёве Гарацыя на латыні: «Quid verum atque decens curo et rogo, et omnis in hoc sum» («Што праўдзіва і прыгожа, пра тое клапачуся і пытаюся і ўвесь таму адданы»).

Праваслаўныя гісторыкі імкнуліся ўсяляк зняважыць «Miesięcznik Połocki», называлі яго «журнальчиком» [9]. Між тым, часопіс меў шэсць аддзелаў: літаратура і свабодныя навукі, маральна-філософскі, фізіка-матэматычны, гісторыя, крытыка, літаратурныя веды. На старонках часопіса побач з гістарычнымі, статыстычнымі і літаратуразнаўчымі матэрыяламі друкаваліся і мастацкая творы, да прыкладу, пераклад трагедыі Еўрыпіда «Арэст», зроблены віцябліянінам Янам Мігановічам. У 14 нумарах, якія паспелі пабачыць свет, было змешчана 85 артыкулаў, у тым ліку ўрыўкі са старажытных рукапісаў акадэмічнай бібліятэкі, якая налічвала, дарэчы, 40 тыс. тамоў. На яго старонках друкавалася шмат артыкулаў як выкладчыкаў, так і студэнтаў Полацкай альманіматэр.

У часопісе прафесары Полацкай езуіцкай акадэміі выступалі з палемічнымі артыкуламі супраць віленскіх публіцыстай. Палеміка паміж асветнікамі і клерыкаламі сведчыла аб высокім узроўні грамадска-палітычнай думкі Беларусі таго часу. Яна служыла выхаванню талерантнасці, павагі і памяркоўнасці да людзей іншых поглядаў.

На старонках артыкула друкаваўся прафесар філософіі Вінцэнцій Бучынскі. Ён набыў шырокую вядомасць удзелам у палеміцы, якая разгарнулася паміж асветнікамі і езуітамі (прафесарамі Віленскага ўніверсітета і Полацкай езуіцкай акадэміі) на старонках часопісаў «Miesięcznik Połocki» і «Dziennik Wileński» [1, с. 67].

Часопіс выступаў супраць гістарычнай літаратуры, перакладзенай з замежных моў, у якой не падзялялася тэалагічная канцепцыя гісторыі. Між іншым, тэалагі-

чная канцэпцыя гісторыі не перашкодзіла езуітам ажыцьцявіць на старонках часопіса шэраг цікавых публікацый па гісторыі Беларусі, якія захоўваюць сваю каштоўнасць да нашых дзён. Напрыклад, у трох першых сшытках часопіса друкуеца вялікі і грунтоўны артыкул «Кароткае паведамленне аб горадзе Полацку» («Krótka wiadomość o mieście Połocku») невядомага аўтара. Рускі гісторык, краязнавец, археолаг А. Сапуноў у сваёй брашуры «Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке» прызнаў яго самым лепшым артыкулам часопіса [9]. Аўтар разглядае жыщё Полацка з розных бакоў: геаграфічнае становішча і кліматычныя ўмовы, гістарычнае мінулае і статыстычныя звесткі аб жыцці горада на пачатку 1818 г. У артыкуле дадзены звесткі пра клімат нашага краю: у прыватнасці, можна даведацца, што з 1782 да 1817 г. найвышэйшая тэмпература ў Полацку была 22 ліпеня 1805 г. – +30,5°C, а найніжэйшая 26 студзеня 1816 г. – -32°C. Гістарычнае мінулае падаецца нібы ў выглядзе хронікі і пачынаецца са старажытнага рукапісу Нестара «аб палачанах над ракой Палотай жывучых», потым апісваюцца войны Полацкага княства, вялікі голад у 1600 г., калі езуіцкая калегія карміла па 300–400 жабракоў. Далей аўтар піша, што каго не замарыў голад, таго дабіла смяротная хвароба. У 1705 г. у Полацку быў Пётр I, у маі 1780 г. – Кацярына II, у 1802 і 1807 гг. – Аляксандр I. 11 ліпеня 1808 г. у горадзе адбыўся вялікі пажар, у якім згарэла 240 дамоў. У 1812 г. адкрылася езуіцкая акадэмія і пачалася вайна.

Часопіс паведамляў, што ў Полацку 18 садоў, пераважна вішнёвых і яблыневых. З 12 вялікіх вуліц толькі 3 брукаваныя, а па 34 малых увесну лепей прабірацца, трываючыся як мага бліжэй да плота. Праз горад праходзяць троі паштовыя тракты (пецярбургскі, рыжскі ды віцебскамагілёўскі) і пяць купецкіх: віленскі, лепельскі і бешанковіцкі на левым баку Дзвіны, дзісенскі з невельскім – на

правым. Шырыня Дзвіны сягае 90 сажняў («вада чыстая і здаровая»). Насельніцтва: 171 духоўная асоба, 2178 хрысціян, 9 цыганоў і 2588 яўрэяў. Высокая смяротнасць, асабліва сярод яўрэйскіх дзяцей. У 1817 г. памерла 85 хрысціянскіх дзяцей і 308 іудзейскіх. Яўрэі не дазвалялі рабіць сваім малым вакцыны супраць воспры, што і стала галоўнай прычынай шматлікіх смярцей.

Звычаі ў Полацку былі такія ж, як і ў іншых гарадах. Шляхта бавіла час у вясёлых кампаніях, займалася цывільнымі справамі. Мяшчане – рамяством або гандлем. Яўрэі былі рамеснікамі, купцамі, карчмары. Езуітам належала сукнавальня, дзе выраблялі добрае сукно. У трох вярстах ад горада быў медны завод. Існавала некалькі гарбарняў, дзе выраблялі добры саф'ян. У горадзе працавала невялікая колькасць ганчароў, кавалёў, ювеліраў, гадзіншчыкаў і г. д.

Тры разы на тыдзень у Полацку былі таргі: у нядзелю, сераду і пятніцу. Два разы на год – кірмашы, дзе гандлявалі збожжам, жывёлай, птушкай, рознымі вырабамі. З Санкт-Пецярбурга, Масквы, Вільні, Рыгі прывозілі ў горад тканіны, цукар, каву, віно, посуд, прысмакі, фарфор.

У артыкуле таксама публіковаліся матэрыялы пра дзейнасць акадэміі, якая, апрача ўсяго, займалася дабрачыннасцю. Напрыклад, 56 дзяцей беднай шляхты мелі ў семінарыуме бясплатнае памяшканне, кнігі, ежу і лекі; 67 полацкіх шкаляроў кармілі задарма. Дзяўчаты-беспасажніцы вучыліся ў доме для бедных. Існавала дзве багадзельні: адна за кошт езуітаў, другая – праваслаўнай Пакроўскай саборнай царквы [14, с. 59–60].

Калі б часопіс полацкіх езуітаў не перастаў выходзіць у сакавіку 1820 г., такіх публікацый было б, відаць, значна больш. Што быў намéр гэта рабіць, несумненна. «Калі ж з цягам часу, – адзначала рэдакцыя часопіса, – у руках выдаўцоў акажуцца матэрыялы, якія тычацца мясцовай даўніны – старажытныя помнікі, манеты, рукапісы, – яна пры-

кладзе ўсе старанні, каб аб гэтым пастаянна паведамляць чытачам»². На жаль, 13 сакавіка 1820 г. выйшаў указ, па якому езуітаў высыпалі па-за межы дзяржавы. Зачынена была і акадэмія, а яе маёmacь (у тым ліку друкарня і бібліятэка) перададзена ў Віцебскую казённую палату.

Такім чынам, «Miesięcznik Połocki» з'явіўся адным з першых часопісаў на абшары дарэвалюцыйнай Беларусі. Сёння гэта бібліографічная рэдкасць, якая адносіцца да кніжных помнікаў, вывучэнне якіх патрэбна для айчыннай навукі, гісторыі і культуры.

У аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі ў рукапісным фондзе «Калекцыя» захоўваюцца рукапісныя матэрыялы XVII–XVIII стст. па гісторыі Полацка. Сярод іх гандлёвыя, зямельныя і судовыя дакументы, звязаныя з Полацкам і полацкай зямлёй.

Рукапісныя матэрыялы па гісторыі Полаччыны з фонду «Калекцыя»:

1. Инвентарь, акт ограничения, доверенности и др. материалы на владение им. Хоцеевичи Полоцкого воеводства 1649 г. Ф. 23, оп. 1, ед. хр. № 183.

2. Квитанция об уплате Цехановецкой подымного налога с им. Голубичи Полоцкого воеводства 1691 г. Ф. 23, оп. 1, ед. хр. № 195.

3. Судебное решение по делу Сапеги Бенедикта с Лукомским Теодором и Шанявским Павлом о задержке и налесении ущербов московским купцам 1697 г. Ф. 23, оп. 1, ед. хр. № 200.

4. Свидетельство Ольшевского Петра, выданное Вазгирду Игнатию о непричастности его к нападению на эконома им. Голомысьль Полоцкого воеводства Рыдевского Игната. 1780 г. Ф. 23, оп. 1, ед. хр. № 218.

5. Свидетельство возного о вручении вызова в суд по делу Сильвестровича Александра, Мицевича Игната и док-

² Змешчана на адвароце вокладкі «Miesięcznik Połocki» (1818. № 1).

шицкого мещанина купца Израилевича с полоцкими базилянами 1787 г. Ф. 23, оп. 1, ед. хр. № 234.

Даследаванні полацкіх старажытных рукапісаў знайшлі сваё адлюстраванне на старонках двухтомнага факсімільнага выдання «**Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века**» [6; 7]. Гэта сумесны праект расійскіх і беларускіх вучоных, адзін з яго аўтараў – доктар гістарычных навук, дырэктар ЦНБ НАН Беларусі А.І. Груша. У выданні разглядаюцца старажытныя дакументы па гісторыі Полацкай зямлі за перыяд 1263–1511 гг.: узаемадносіны паміж Полацкам і Рыгай, дакументы Вялікага Княства Літоўскага, пасланні полацкіх епіскапаў і інш. Помнікі полацкага пісьменства ахопліваюць шыроке кола эканамічных, палітычных, міжканфесійных пытанняў і з'яўляюцца сведкамі шматвяковых стасункаў палаchan з іх суседзямі.

Такім чынам, у фондах аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў захоўваюцца кніжныя і рукапісныя дакументы XVI–XX стст. па гісторыі Полацка. Самыя раннія – гістарычныя хронікі Мацея Стрыйкоўскага «Хроніка польская, літоўская, жамойцкая і ўсяе Русі» (1582) і Аляксандра Гваныіні «Хроніка Еўрапейскай Сарматыі» (1611). У асобніках XVI–XX стст. былі выяўлены кніжныя пазнакі, сярод якіх рэдкія эксплібрысы князёў Радзівілаў і графа С.Д. Шарамецева.

Рукапісныя і кніжныя дакументы па гісторыі Полацка з фондаў ЦНБ НАН Беларусі з'яўляюцца сведкамі тых падзеяў, што адбываліся на працягу XVI–XX стст. на полацкіх землях. У іх раскрываюцца асаблівасці беларусаў як прадстаўнікоў асобнай нацыі, прасочваецца шлях, па якому ішло адраджэнне і самавызначэнне беларускага народа.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арлоў, У.** Alma Mater Polocensis / У. Арлоў // Беларуская Мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 66–70.
2. **Дубровскій, М.** Жыціе преподобнай Ефросіні, княжны Палоцкай, с кратким описанием основанного ёю в Полоцке женскага монастыря / М. Дубровскій. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : [б. и.], 1894. – 25 с.
3. **Жыціе** блаженной Евфросинии, игумении монастыря Вседержителя Святого Спаса во граде Полоцке : [в 2 кн.] / Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека», Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларусь» ; [руководители проекта: Владимир Грозов, Александр Велько ; оцифровка: Георгий Лихтарович]. – Факсимильное воспроизведение из фонда Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская национальная библиотека» (собрание Погодина, № 869, листы 318 об. – 332). – Минск : Белорусская Православная Церковь (Белорусский Экзархат Московского Патриархата), 2012. – (На церковнославянском языке).
4. **Леонардов, Д. С.** Полоцкий князь Всеслав и его время / Д. Леонардов // Полоцко-Витебская старина / издание Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск : Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1912. – Вып. II. – С. 121–216.
5. **Леонардов, Д. С.** Полоцкий князь Всеслав и его время (Продолжение) / Д. Леонардов // Полоцко-Витебская старина / издание Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск : Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1916. – Вып. III. – С. 87–180.
6. **Полоцкие** грамоты XIII – начала XVI века / [Институт славяноведения Российской академии наук и др.]. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – Т. 1 / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – 851 с. – (Серия «Источники. История»).
7. **Полоцкие** грамоты XIII – начала XVI века / [Институт славяноведения Российской академии наук и др.]. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – (Серия «Источники. История»). – Т. 2 / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – 520 с.

8. **Полоцкое** Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года / [ред. А. Г. Борисова-Горюнова ; худ. А. П. Маковцов]. – Полоцк : Свято-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 437, [2] с. (По благословению высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Полоцкого и Глубокского. Посвящается 100-летию перенесения мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк, 1910–2010).
9. **Сапунов, А. П.** Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А. Сапунов. – Витебск : Типография губернского правления, 1890. – 34 с.
10. **Сахараў, С. П.** Князь Усяслаў – нацыянальны беларускі асілак / С. П. Сахараў. – Вільня : Бел. друк імя Ф. Скарэны, 1939. – 17 с.
11. **Симеон** Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1982. – 352 с. – (Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.).
12. **Симеон** Полоцкий. Псалтирь рифмовторная. – Москва : Верхняя тип., знаменил 7188 [1680].
13. **Тыртов, А. П.** Некоторые пояснения к описанию жития Преподобной Ефросинии, княжны Полоцкой / А. П. Тыртов. – Витебск : Губ. тип., 1893. – 25 с.
14. **Філатава, А.** Палацак 1818. Па матэрыйялах часопіса «Miesiecznik Polocki» / Алена Філатава // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 59–60.
15. **Gwagnin, A.** Zbior dziejopisow polskich we czterech tomach zawarty : pierwszy r. 1578 po lac. wyd., a teraz zprzyczynieniem tych krolow, ktorych w lac. miemasz.... T. 4, Kronika Sarmacycy Europskiej, w ktorey sie zamysla Krolestwo Polskie ze wszystkimi Panstwy, Ksiestwy y Prowincyami swemi... / przez Aleksandra Gwagnina z Werony... rycerza panowanego i rotmistrza J. K. Mci ; przez tegoz autora z wielka pilnoscia rozdzialami na X ksiag krociuchno zebrana a przez Marcina Paszkowskiego za staraniem autorowym z lac. na pol. przel. – [Krakow : s. n.], 1611. – 714 s.
16. **Stebelski, Ignacy.** Dwa wielkie swiatla na horyzoncie polockim z cieniow zakonnych powstajace czyli Zywoty SS. panien i matek Eufrozyny i Parasczewii zakonic i hegumenij... : z chronologią

i przydatkiem niektórych sluzacyxh do tego pozytecznych krajobrywych wiadomosci z rozmaitych dziejopisow i pism / zebr. przez W. X. Ignacego Stebelskiego. – Lwow : nakl. Ksieg. Igla, 1866. – T. 1. LXXIV, 185, 4 s.

17. **Stryjkowski, M.** Ktora przedtem nigdy swiatla nie widziala Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkieu Rusi Kijowskiey, Moskiewskiej, Siewierskiey, Wolhinskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiey etc. : i rozmaite przypadki woienne i domowe... z rozmaitych historykow i autorow postronnych i domowych... starych, dotad ciemnochmurna noca zakrytych chronik i Latopisczow Russkich, Litewskich i Dlugosza Ojca dziejow Polskich... / przez Macieja Osostewiciusza Stryjkowskiego dostatecznie napisana... z laska i priwilejem K. J. M. – Korolewiec : u Jerzego Odtenberga, 1582. – 791 s.

«СЛОУНІК ПАЛОНА-СЛАВЕНСКІ»

СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

І ФЛРМІРДВАННЕ СЛАВІСТЫЧНай КАЛЕКЦЫГІ

УПСАЛЬСКАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

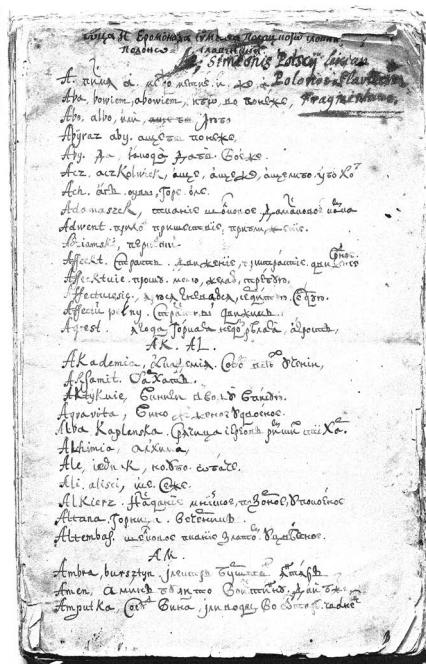
*Дзярновіч А.І.
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)*

1. Слоўнік

У бібліятэцы Упсальскага ўніверсітэта (Швецыя) сярод адметнай сваім багатым зместам славістычнай калекцыі знаходзіцца рукапіс, вядомы як «Слоўнік палона-славенскі» Сімёона Полацкага [2]. Захаваўся толькі фрагмент рукапісу – 69 аркушаў, якія змяшчаюць матэрыялы на літары А – М.

На папяровай вокладцы рукапісу ўверсе маецца запіс карычневым атрамантам: «Simeinio Polocii Lex. Polon. Slavicum». Аўтарства таксама пазначана на першай старонцы рукапісу славянскай мовай: «Этца иеромонаха Симеона Полоцкого словникъ полено-славенскій». Ніжэй знаходзіцца лацінскі запіс: «Simeonis Połscij Lexicon Polono-Slavicum Fragmentum» [2, арк. 1] (мал. 1). Мяркуеца, што гэты запіс зроблены рукой шведскага славіста другой паловы XVII ст. Юхана Спарвенфельда [8; 10, с. 29; 13]. Між тым даследчыкі творчай спадчыны Сімёона Полацкага адзначаюць, што паводле палеаграфічных харктарыстык названы рукапіс не з'яўляецца аўтографам Сімёона [11, с. 278]. У такім разе тэкст мог быць перапісаны іншай асобай з арыгінала.

Паводле Сяргея Нікалаева, упсальскі рукапіс можа быць фрагментам больш поўнага лексікалагічнага твора «Лексикон языков полского и славенского скораго ради изобретения и уразумения, бывающыя в недоведомых ве-щех и неискусства языков» (1670) [10, с. 28–30; 12].

Мал. 1. «Слоўнік палона-славенскі» [2, арк. 1]. Уверсе аўтограф Юхана Габрыэля Спарвенфельда: «Гэтца иеромонаха Симеона Польскага словникъ полено-славенскій. Simeonis Polscij Lexicon Polono-Slavicum Fragmentum»

Тэкст «Слоўніка» меў унутраную структуру, утвораную падзелам усяго слоўнікавага матэрыялу на раздзелы не толькі паводле першых літар слоў, але таксама словазлучэнняў. Такім чынам, у захаваным фрагменце руцапісу вылучаюцца наступныя раздзелы:

[A];

BA, BE, BI, BL, BO, BV¹, BY;

CA, CH, CI, CK, CL², CM, CN, CO, CV, [CY], [CR];

[D], BD [DO];

F, FI, FO, FR, FV;

G, GD, GE, GI, GŁ, GM, GN, GO, GR, GV, GW, GZ;

HA, HE, HI, HO, HV, HY;

JA, JD, JE, JL, JM, JN, JO, JR, JS, JV;

IW, IZ;

¹ Тут, як і надалей, у назвах раздзела «Слоўніка» пад літарай V паводле традыцыі сярэднявечнай лаціны маюць на ўвазе літару U.

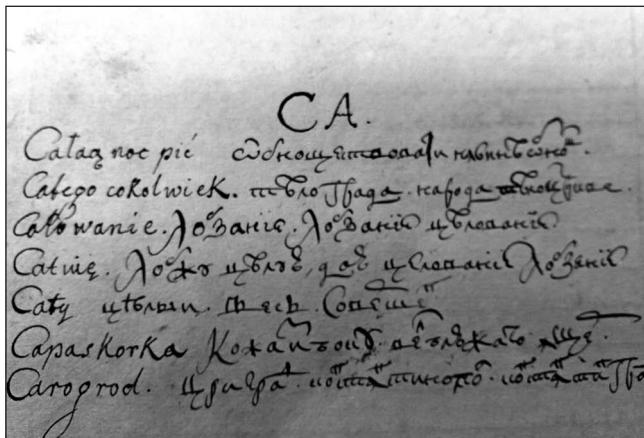
² У гэтым выпадку: GŁ.

KA, KE, KI, KŁ, KM, KN, KO, KR, KS, [K]L, KT, KV, KW;
ŁA;
LA, LI;
MA; [MI].

Як вынікае з тэксту «Слоўніка», раздзелы ўтвораны паводле частотнасці ўжывання слоў з адзначанымі першымі літарамі. Але падраздзелы могуць уключаць у сябе слова з больш широкім колам літар, чым заяўлена. Напрыклад, у падраздзеле FI змешчаны слова на літары FE і FI, а ў падраздзеле LI – на літары LE і LI.

Таксама неаднародным уяўляецца склад лексічнага матэрыялу, бо перад намі не толькі слоўнік у строгім сэнсе гэтага слова. Падраздзел CA, напрыклад, пачынаецца фразай «Całaq³ nos ríć» (мал. 2). Такім чынам, «Слоўнік палона-славенскі» Сімёона Палацкага змяшчае ў сябе таксама і польска-славенскі размоўнік. Да таго ж, для забеспячэння камунікацыі абраны побытавая сітуацыі і фразы.

Падрабязнага аналізу патрабуе рукапіс з пункту глядзання моўнай ідэнтыфікацыі слоўніковага матэрыялю. Напрыклад, у «Слоўніку» прыводзіцца словазлучэнне

Мал. 2. «Слоўнік палона-славенскі» [2, арк. 9]. Падраздзел CA

³ Так у тэксле.

«Łacinska mowa» і яе пераклад: «Латынская рѣч / мова» [2, арк. 60]. Слова «мова» не з'яўляеца ўласцівым для стара(царкоўна)-славянскай мовы, а належыць як раз да моўнага арэала, адкуль паходзіў Сімяон Палацкі. Беларуска-шведскі даследчык Андрэй Катлярчук нават дае вызначэнне гэтай працы як «польска-царкоўнаславянска-старабеларуска-расійскі слоўнік...» [6; 7]. Проблема дэфініцыі «Слоўніка» патрабуе далейшай распрацоўкі.

2. Carolina Rediviva

Арыгінал рукапісу «Слоўніка» захоўваецца ў галоўнай бібліятэцы Упсальскага ўніверсітэта, якая мае назыву Carolina Rediviva. Назву бібліятэкі можна перакласці з лаціны як «Адроджаная Караліна» ў памяць пра стary будынак Academia Carolina, які функцыянуваў як універсітэцкая бібліятэка ў XVIII ст. і названы так у гонар каралёў – фундатараў універсітэта Карла IX, Карла XI і Карла XII. Сама ж бібліятэка была заснавана ў 1622 г. і з'яўляеца найстарэйшай і адной з найвялікшых у Швецыі. Сучасны будынак Carolina Rediviva (мал. 3) быў збудаваны на працягу 1819–1841 гг. паводле праекта шведскага архітэктара Ка-

Мал. 3. Carolina Rediviva – галоўны будынак бібліятэкі Упсальскага ўніверсітэта

пла Фрэдрыка Сундвала (1754–1831). Менавіта ў Carolina Rediviva знаходзяцца зборы рэдкай кнігі і рукапісаў.

3. Юхан Спарвенфельд

Заснавальнікам славістычнай калекцыі бібліятэкі Упсальскага ўніверсітэта лічыцца шведскі лінгвіст, дыпламат, арыенталіст і саноўнік каралеўскага двара Юхан Габрыэль Спарвенфельд (Johan Gabriel Sparwenfeldt, 1655–1727). Што важна для нашай тэмы, Ю. Спарвенфельд у маладосці сам наведваў заняткі ва Упсальскім універсітэце, дзе вывучаў права, гісторыю і мовы. На працягу 1674–1682 гг. Юхан падарожнічаў па Паўночнай Еўропе, паспей пабывааць у дацкім ваенным палоне, але таксама і папрацааць у Ватыканскім таемным архіве.

У 1684 г. Ю. Спарвенфельд быў накіраваны ў складзе шведскага пасольства ў Москву. Дзейнасць шведскага лінгвіста ў сталіцы Расіі была адметная тым, што Юхан вёў дзённік пасольства і праводзіў лексікалагічныя даследаванні. Фактычна ж ён быў у Москве каралеўскім стыпендыятам. У далейшым, агулам на працягу 20 гадоў, шведскі навуковец будзе працягвааць сваю лексікалагічную працу, вынікам якой стане падрыхтоўка ім фундаментальнага «Lexicon Slavonic».

Калі ж у 1686 г. закончылася місія шведскага пасольства ў Москве, Спарвенфельд атрымаў дазвол на знаходжанне ў Расіі яшчэ на працягу аднаго года, падчас якога працягнуў свае бібліографічныя пошуки, а таксама даследаванні ў галіне батанікі. Пасля вяртання ў Швецыю ў 1687 г. даследчык і дыпламат прадставіў каралю даклад пра эканамічнае і ваеннае становішча Расіі. Менавіта падчас знаходжання ў Москве Ю. Спарвенфельд мог атрымаць рукапіс «Слоўніка палона-славенскага» Сімёона Полацкага. Але не ад самога аўтара, бо багаслоў і драматург памёр у 1680 г., яшчэ да прыезду ў Москву шведскага лінгвіста.

Мал. 4. Юхан Габрыэль
Спарвенфельд. Гравюра
паводле партрэта пачатку
XVIII ст., выкананага мастаком
Лукасам фон Брэдам
(1676–1752)

Ужо ў 1689 г. Ю. Спарвенфельд накіраваўся ў новае падарожжа па Еўропе. Гэтым разам у яго была новая задача, пастаўленая каралеўскім дваром, – давесці шведскае паходжанне легендарных готаў. Пасля вяртання ў Швецыю ў 1694 г. Ю. Спарвенфельд атрымаў ад караля Карла XI прыдворную пасаду цырымоніймайстра (мал. 4).

Але да расійскай тэматыкі Ю. Спарвенфельд вернецца даволі хутка. 5 красавіка 1697 г. памірае кароль Карл XI – заступнік і патрон даследчыка. З гэтай сумнай нагоды Юхан Спарвенфельд піша прамову, якая была агучана ў Стакгольме 24 лістапада 1697 г. на мемарыяльнай цырымоніі перанясення рэшткаў манарха ў крыпту-пахавальню шведскіх каралёў. Для нашай тэмы важна, што мовай гэтай прамовы была расійская. Хуткім часам тэкст быў апублікованы, але лацінскім шрыфтам. Поўны тытул апублікованай элегічнай прамовы выглядаў наступным чынам: «Placzewnaja recz na pogrebenie togho prez segho welemozneiszago i wysokorozdennagho kniazja i ghossudarja Karolusa odinatsetogho swidskich, gothskich i wandalskich (i proczaja) korola, slvnagho, blaghogowennagho i milostiwagho naszego ghossudaja, nynjeze u bogha spasennagho. Kogda jegho korolewskogo welichestwa ot duszi ostawlennoe tjelo, s podobajuszczusae korolewskoju scestju, i serserdecznym

«СЛОЎНІК ПАЛОНА-СЛАВЕНСКІ» СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

Мал. 5. Тытульны аркуш прамовы Юхана Габрыэля Спарвенфельда «Placzewnaja recz na pogrebenie Karolusa XI» (1697)

wsich poddanych rydaniem
byst pogrebenno w Stokolnje
dwatset-scetwertago nowem-
rja ljeta ot woploszczenia
bogha slowa 1697» (мал. 5).

Для славістаў «Placzewna-
naja recz» з'яўляецца вельмі
каштоўным помнікам, бо
яна ўяўляе сабой транскры-

пцыю расійскай мовы канца XVII ст. і, адначасова, ёсць
узорам паэзіі таго часу [4]. Для гісторыкаў гэты дакумент
prasвятляе адносіны шведскай кароны і яе расійскамоў-
ных падданых, якіх пасля Стубцоўскага міру 1618 г. з
Расіі стала даволі шмат у межах шведскай кароны.
Мяркуеца, што місіяй гэтай прамовы было падвышэн-
не лаяльнасці да шведскай улады з боку расійскамоўных
жыхароў Інгерманландыі [3; 18]. Гісторыя з публікацы-
яй «Placzewnaja recz» сведчыць пра моўныя кампетэнцыі
Юхана Габрыэля Спарвенфельда.

4. Вывучэнне калекцыі

Амаль два стагоддзі славістычная калекцыя бібліятэ-
кі Упсальскага юніверсітэта заставалася фактам унутрана-
га юніверсітэцкага жыцця. Зрабіць гэту калекцыю даступ-
най шырокай навуковай грамадскасці дазволіў каталог
калекцыі, падрыхтаваны ў 1918 г. расійскім багасловам і
гісторыкам царквы Мікалаем Глубакоўскім (1863–1937)
(мал. 6). У 1918 г. М. Глубакоўскі чытаў лекцыі ў Стак-

Мал. 6.
Мікалай Глубакоўскі
(1863–1937).
Здымак 28 сакавіка
1910 г. [14]

гольмскім універсітэце, але на працягу каstryчніка – лістапада прыязджаў у г. Упсалу, дзе і падрыхтаваў свой каталог, які стаў базай для вывучэння калекцыі [11, с. 266–283]:

«Описание “славянских” рукописей, хранящихся в Королевской библиотеке Упсальского Университета, составленное профессором Петроградской Духовной Академии Николаем Глубоковским в октябре – ноябре 1918 года» [15].

Валоданне славянскімі мовамі і веданне кірылічнай палеаграфіі спрыялі М. Глубакоўскаму ў гэтай працы. Ужо ў наступны 1919 г. каталог Глубакоўскага быў перакладзены на французскую мову:

«Catalogue des manuscrits slaves de la Bibliothèque de l’Université Royale d’Upsal par N.N. Gloubokovski, professeur de l’Académie Ecclésiastique de Pétrograde. Traduit de russe en français, avec des commentaires détaillés et des suppléments d’après les études de l’original, par Alexandre de Roubetz. 1919».

Трэба адзначыць, што ў бібліятэцы Упсальскага ўніверсітэта захоўваецца таксама значная колькасць «палонікі» – рукапісаў і выданняў па-польску і па гісторыі Польшчы. Іх апісанне падрыхтаваў Юзаф Трыпуцька (1910–1983) [15]. Гэты шведскі славіст паходзіў з Вілейскага павета і навучаўся ў Віленскім універсітэце.

Ужо ў 1970–1980-х гг. спадчыну Ю. Спарвенфельда і славістичную калекцыю Упсалы вывучала шведская славістка Ула Біргегард, якая падрыхтавала да выдання шмат-томны «*Lexicon Slavonicum*» Юхана Спарвенфельда [19]. А ў сваёй манаграфіі пра ўнёсак Спарвенфельда ў славістичную лексікографію XVII ст. Ула Біргегард апубліковала таксама рукапіс «Слоўніка палона-славенскага» [16].

На сённяшні дзень, па выніках даследаванняў, можна сцвярджаць, што Юхан Спарвенфельд падчас працы над «*Lexicon Slavonicum*» выкарыстоўваў «Слоўнік палона-славенскі», а таксама іншыя рукапісы, прывезеныя з Масквы [1; 17]. Так і не зразумела, ад каго шведскі лінгвіст мог атрымаць рукапіс «Слоўніка». Таксама няма сведчанняў таго, што Ю. Спарвенфельд мог атрымаць рукапіс ад маскоўскага кніжніка Сільвестра Мядзведзева (1641–1691), які быў вучнем Сімёона Палацкага. Гэта меркаванне было агучана расійскай даследчыцай Лідзіяй Сазонавай у Палацку ў лістападзе 2009 г. падчас дыскусіі на канферэнцыі «Сімёон Палацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць» [5].

Гэта ж канферэнцыя 2009 г. была адзначана адной цікавай падзеяй – дэманстрацыяй электроннай копіі «Слоўніка палона-славенскага» [9], якую Нацыянальны Палацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік набыў у бібліятэцы Упальскага ўніверсітэта. Гэта копія даступная для агляду праз інфакіёск у Музеі беларускага кнігадрукавання.

Нягледзячы на такую даступнасць «Слоўніка палона-славенскага», можна сцвярджаць, што даследаванне гэтага рукапісу не скончана, гісторыя яго паходжання цалкам не высветлена, і нас яшчэ могуць чакаць навуковыя сюрпризы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Алексеев, А. А.** [Рэцэнзія] / А. А. Алексеев. – Рец. на кн.: Ковтун, Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: старшая разновидность / Л. С. Ковтун. – Ленинград, 1989.
2. **Бібліятэка** Упсальскага ўніверсітэта. – Slav. 61. Слоўнік палона-славенскі Сімона Палацкага.
3. **Биргегорд, У.** Соображения о русском языке в письменном наследии И. Г. Спарвенфельда / У. Биргегорд // Доломоновский период русского литературного языка : материалы конференции в Фагеррудде, 20–25 мая 1989 г. – Stockholm, 1992. – С. 41–59. – (Slavica Suecana, Series B, Studies, Vol. 1).
4. **Быкова, Т. А.** К истории русского тонического стихосложения (Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда) / Т. А. Быкова // XVIII век : сб. ст. и материалов / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом) ; отв. ред. П. Н. Берков. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – Вып. 3. – С. 449–453.
5. **Джумантаева, Т. А.** К вопросу о присутствии Симеона Полоцкого в культурном пространстве города (по материалам конференции «Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность») / Т. А. Джумантаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – Т. 1. – С. 208.
6. **Катлярчук, А.** Польска-царкоўнаславянскі слоўнік Сімяона Палацкага ў зборах Carolina Rediviva / А. Катлярчук // Кантакты і дыялогі. – 2001. – № 6. – С. 31–32.
7. **Катлярчук, А.** Швэды ў гісторыі і культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – С. 160.
8. **Мыльников, А. С.** Об истоках становления славяноведения в России: К вопросу об изучении «предыстории» славистики / А. С. Мыльников // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. – Москва, 1984. – С. 34.
9. **Нацыянальны** Палацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. – НВ 00642. Рукапіс Лексікона Сімяона Палацкага.
10. **Николаев, С.** Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиографические материалы / С. Николаев. – Санкт-Петербург, 2008.

«СЛОЎНІК ПАЛОНА-СЛАВЕНСКІ» СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

11. **Робинсон, М. А.** Судьба составленного Н. Н. Глубоковским описания рукописных и старопечатных книг из библиотеки Упсальского университета / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова // Славянский альманах: 2011. – Москва : Индрик, 2012. – Спас. 3.
12. **Российский** государственный архив древних актов. – Ф. 381. № 1792. 472 л.
13. **Сазонова, Л. И.** Литературная культура России : раннее Новое время / Л. И. Сазонова . – Москва, 2006. – С. 56.
14. **Цэнтральны** дзяржаўны архіў Балгарыі. – Ф. 1318К «Патриарх Кирил Български». Воп. 1. № 5899. – Арк. 1.
15. **Bibl.** ark. M 40 r: 2. Glubokovskij. Opisanie slavjanskich rukopisej.
16. **Birgegård, U.** Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography / U. Birgegård. – Uppsala, 1985. – P. 51–54.
17. **Birgegård, U.** Johan Gabriel Sparwenfeld and the lexicon Slavonicum: his contribution to the 17th century Slavonic lexicography. Sparwenfeld J. G. Lexicon / U. Birgegård // Вопросы языкоznания. – 1993. – № 1. – С. 149–150.
18. **Birgegård, U.** Plačevnaja reč' po Karlu XI-omu na russkom jazyke / U. Birgegård // Podobajet' pamęć s'tvoriti : essays to the memory of Anders Sjöberg / ed. by Per Ambrosiani, Barbro Nilsson, Lars Steensland. – Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1995. – P. 25–37. – (Stockholm Slavic Studies, 24, 1995).
19. **Sparwenfeld, J. G.** Lexicon Slavonicum / J. G. Sparwenfeld ; ed. and commented by Birgegard U. V. – Uppsala, 1987–1992. – V. I–V.
20. **Trypućko, J.** Polonica vetera Upsaliensia : catalogue des imprimés polonais ou concernant la Pologne des XVe, XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles conservés à la Bibliothèque de l'université royale d'Upsala / Jyzef Trypućko. – Uppsala, 1958. – (Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis, V. 13.)

СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Дилигул Е.С.

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Одной из самых чтимых в России чудотворных бого-родичных икон была и до сих пор является икона Богоматери Тихвинской. История этого образа тесно связана с событиями, происходившими на Русском Севере, а также с историей Русского государства в целом. По преданию, икона Тихвинской Богоматери явилась в 1383 г. в Новгородской земле над Ладожским озером. Постепенно к середине XVI в. за ней закрепился статус государственно-значимой святыни [10, с. 19]. Одной из форм почитания иконы Тихвинской Богоматери стало составление посвященных ей литературных текстов. Главное место среди них занимало Сказание о Тихвинской Одигитрии.

Сказание о Тихвинской иконе Богоматери – один из наиболее известных и распространенных в русской рукописной книжности литературных памятников о бого-родичных иконах. Созданный в XVI в., он был призван служить интересам государственной идеологии. Образ Богоматери Тихвинской рассматривается здесь в контексте представления о том, что Россия является преемницей великих христианских держав – Римской и Византийской империй, а после их падения стала последним оплотом истинного православия. Из этого следовало, что Россия по праву преемница сосредоточила в своих землях святыни Запада и Востока, одной из которых и была Тихвинская икона Богоматери.

На протяжении XVI в. было создано восемь редакций Сказания. В первой половине XVII в. эти редакции продолжали бытовать в русской рукописной книжности. Наряду

СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

с ними создавались литературные тексты других жанров, посвященные Тихвинской иконе Богоматери. Появляется повествование об обороне Тихвинского Успенского монастыря от шведских интервентов в 1613 г., создаются похвальные слова в честь Тихвинской святыни, составляются рассказы о чудесах от иконы Богоматери Тихвинской.

В середине XVII в. литературные произведения различных жанров об иконе Тихвинской Богоматери стали объединяться в сборники, получившие в историографии название – Книга о Тихвинской Богоматери [3, с. 304; 4, с. 19]. Первая редакция этого сборника была составлена иконописцем Тихвинского Успенского монастыря Иродионом Сергеевым в 1658 г. Он сформировал не только новый текст, но и разработал комплекс миниатюр к нему [3, с. 20; 9, с. 611]. Книга о Тихвинской иконе Богоматери представляет собой новый этап в истории бытования созданного еще в начале XVI в. Сказания о Тихвинской иконе Богоматери.

В 1670-е гг. к текстам, связанным с иконой Тихвинской Богоматери, в том числе и к Сказанию, обратился Симеон Полоцкий, один из наиболее ярких представителей литературного барокко XVII в. Опираясь на труд Иродиона Сергеева, Симеон Полоцкий заимствовал формат Книги и создал свою редакцию Книги о Тихвинской иконе Богоматери. Сказание же о Тихвинской иконе, бытовавшее долгое время как самостоятельный памятник, в трудах Иродиона Сергеева, а затем и Симеона Полоцкого было разделено на главы (в основу которых легли сюжеты Сказания) и в таком виде вошло в состав Книги. В свете вышеизложенных обстоятельств представляется логичным рассмотреть Сказания о Тихвинской иконе Богоматери в составе Книги о Тихвинской иконе.

Особый интерес для изучения процесса работы Симеона Полоцкого с текстами, посвященными иконе Богоматери Тихвинской, представляют два списка Книги о

Тихвинской иконе Богоматери его редакции: 1. *Российская государственная библиотека. Ф. 178 (Музейное собрание), № 7487 (1670-е гг.)* (далее *Музейное 7487*); 2. *Государственный исторический музей, Синодальное собрание № 542. (XVII в.)* (далее *Синод. 542*). Обе рукописи являются черновиками, отражающими этапы работы Симеона Полоцкого над текстом Книги.

Рукопись *Синод. 542* – «Книга в начале о иконе Пресвятая Богородицы, зовомой Владимирская и о иных» [1, л. 1], сборник, датируемый концом 1660-х – началом 1680-х гг. В его состав входят тексты, посвященные иконам Богоматери Владимирской и Тихвинской. Особое внимание обращают на себя произведения, связанные с иконой Тихвинской Богоматери, впоследствии сформировавшие симеоновскую редакцию Книги. Так, первый фрагмент (л. 173–197), выполненный рукой Симеона Полоцкого, содержит тексты, которые были составлены непосредственно им и до этого не были включены в Книгу о Тихвинской Богоматери («Метры краесогласные», посвященные иконе Богоматери Тихвинской и др.). При составлении новых разделов Симеон Полоцкий на полях черновика указывал использованные им в работе литературные источники. Так, например, на полях к предисловию Книги о Тихвинской иконе есть следующие пометы: «Слово на Успение» [1, л. 173 об.], «В книзе о Девах» [1, л. 173 об.], «в слове о Богородице» [1, л. 174] и др. Здесь в черновом варианте названия будущей книги были оставлены пропуски для окончательной даты написания книги.

Единый рабочий комплекс материалов вместе с этими тетрадями составляют еще 28 тетрадей (лл. 190–382). Они содержат в себе текст Книги о Тихвинской иконе (91 глава), вероятнее всего переписанный специально для редакторской работы Симеона Полоцкого. По всем листам этого блока содержатся многочисленные правки, выполненные рукой придворного поэта. В процессе исправления текстов

СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Книги Симеон Полоцкий неоднократно делает отсылки к «своим тетрадям» (предыдущему блоку). Так, например, на полях л. 291 к главе 56 дается следующий комментарий: «Зри предисловия на моей тетради» [1, л. 291] и др.

На л. 172 рукой Симеона Полоцкого написано «1671 г. сентябрь 27», а на л. 342 об. – «1671 г. ноябрь 6» [1, л. 172, 342 об.]. Именно эта запись позволяет предположительно определить время начала составления редакции Книги о Тихвинской иконе Богоматери Симеоном Полоцким как 1671 г. [8, л. 141–142].

Следует отметить, что список *Синод. 542* нельзя охарактеризовать как Книгу о Тихвинской иконе, являющей собой единый цельный памятник. Это скорее черновые материалы, отражающие процесс работы над его формированием.

Рукопись *Музейное 7487* представляет собой несколько тетрадей, которые предположительно были переплетены в XVIII в. По своей структуре, в отличие от списка *Синод. 542*, это уже композиционно единый и законченный памятник – Книга о Тихвинской иконе Богоматери. В самом тексте содержится большое количество разновременных (XVII–XIX вв.) записей и большое число правок, выполненных в XVII в. после составления текста рукописи [2, с. 39]. Заголовок этого чернового списка Книги о Тихвинской иконе Богоматери, в отличие от списка Государственного исторического музея (ГИМ), содержит дату написания книги: «... написанная в лето от создания мира 7182-го от воплощения же Бога Слова 1674» [5, л. 1]. Во всех последующих списках Книги о Тихвинской иконе Богоматери эта дата в названии остается неизменной [1, л. 1]¹.

В историографии высказывалось мнение, что Симеон Полоцкий готовил Книгу о Тихвинской иконе Богоматери

¹ Так, например, в списке Российского государственного архива древних актов Ф. 201 (Рукописное собрание М.А. Оболенского) № 111. Сказание о иконе Тихвинской (1680-е гг.). Л. 1 об.

к изданию. Одним из аргументов стали стиль оформления и композиционная структура изданий Верхней типографии Симеона Полоцкого: все издания содержали дополнительные статьи-предисловия, послесловия и оглавления [4, с. 63, 86].

Принимая во внимание наличие нескольких черновиков Книги о Тихвинской иконе Богоматери, содержащих правки Симеона Полоцкого, а также предположения исследователей о подготовке этого памятника к печати, интересным представляется обратить внимание на еще один источник, дополняющий сведения о работе Симеона Полоцкого с Книгой о Тихвинской иконе Богоматери. Это копии писем князя Петра Ивановича Прозоровского, направленные в период с 1675 по 1680 г. в Тихвинский Успенский монастырь, а также письма, отправленные князю из обители, выполненные в XX в. с оригиналами XVII в. [7]. В одном из писем к Тихвинскому архимандриту Макарию, руководившему обителю с 1675 по 1676 г., князь писал о необходимости прибытия в Москву самого архимандрита и иконописца Иродиона Сергеева с рукописью Книги о Тихвинской иконе Богоматери для подготовки к печати в прологе Сказания о Тихвинской иконе. Из письма ясно, что бывшая когда-то на Москве на Печатном дворе «Большая книга о чудесах Пречистыя Богородицы» (очевидно Книга о Тихвинской иконе Богоматери редакции Родиона Сергеева) пропала и для продолжения работы и был нужен Иродион Сергиев и созданная им Книга о Тихвинской иконе [7, л. 5–6]. Из второго письма, отправленного из Тихвинского Успенского монастыря архимандритом Варсонофием князю Петру Прозоровскому в 1679 г., следует, что оригинал Книги о Тихвинской иконе Богоматери, привезенный в 1675–1676 гг. на Печатный двор для издания в прологе Сказания о Тихвинской иконе Богоматери уже к 1679 г. перешел в руки Симеона Полоцкого, который в это время, вероятно, ра-

ботал над изданием своей редакции Книги о Тихвинской иконе [7, л. 8].

Таким образом, приступив к созданию своей редакции Книги о Тихвинской иконе Богоматери ориентировочно в начале 1670-х гг., что следует из дат на черновике с автографом Симеона Полоцкого, писатель активно работал над текстом Книги о Тихвинской иконе, опираясь на список Книги редакции Родиона Сергеева, хранившийся на Печатном дворе, и завершил свой труд к 1674 г. Благодаря сохранившимся черновикам Книги редакции Симеона Полоцкого стало возможным выделить этапы его редакторской работы над текстом памятника. Не менее важным является и то, что благодаря сведениям из переписки архимандритов Тихвинского Успенского монастыря с князем Петром Ивановичем Прозоровским подтверждается историографический тезис о подготовке Книги о Тихвинской иконе Богоматери редакции Симеона Полоцкого к изданию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический музей. – Синодальное собрание. № 542.
2. Дилигул, Е. С. Бытование текста Сказания о Тихвинской иконе Богоматери в XVII в. / Е. С. Дилигул // Петербургская библиотечная школа. – № 1 (61). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 33–42.
3. Кириллин, В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрии». Литературная история памятника до XVII в., его содержательная специфика и связи с культурой / В. М. Кириллин. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 312 с.
4. Панина, Н. Л. Изобразительный ряд «Книги о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской»: рукописная традиция XVII–XIX вв. / Н. Л. Панина. – Новосибирск, 2012. – Ч. 1 : XVII век. – 262 с.
5. Российская государственная библиотека. – Ф. 178 (Музейное собрание). № 7487.

6. **Российский** государственный архив древних актов. – Ф. 201 (Рукописное собрание М.А. Оболенского). № 111.
7. **Российская** национальная библиотека. – Ф. 463 (Малов А. Ф.). № 179.
8. **Татарский, И.** Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность) : опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века / И. Татарский. – Москва, 1886. – 342 с.
9. **Шалина, И. А.** Сергиев Родион / И. А. Шалина // Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. – Москва : Индрик, 2009. – С. 609–618.
10. **Шалина, И. А.** Чудотворная икона Богоматери Тихвинской в истории Московского государства конца XV – первой половины XVI века / И. А. Шалина // Материалы круглого стола «История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря» (к 450-летию со дня основания обители). – Санкт-Петербург, 2010. – С. 19–27.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОЗДАНИЯ СУПРАСЛЬСКОГО СБОРНИКА 1507 г.¹

Жуков А.Е.
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Среди памятников западнорусской рукописной книжности рубежа XV–XVI вв. особое место занимает Супрасльский сборник 1507 г. [4]. Его составитель Матфей Десятый свел под одним переплетом библейские книги – Ветхий и Новый Завет², богато оформил манускрипт, оставив подробнейшую владельческую запись, в которой изложил основные моменты своей биографии, а также обозначил обстоятельства составления рукописи. Исследователи неоднократно обращались к изучению Супрасльского сборника 1507 г. В центре внимания ученых оказывались тексты, включенные в его состав, а также особенности оформления манускрипта. Историческим обстоятельствам составления памятника в историографии уделялось меньшее внимание. Вместе с тем изучение данной проблемы представляет первостепенную важность, позволяет определить место Супрасльского сборника 1507 г. в контексте

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 16-18-10137.

² Библейские книги составляют лишь часть Супрасльского сборника 1507 г. (л. 1 – 477 об.). Другую часть образуют службы избранным святым и праздникам. Долгое время считалось, что вторая часть рукописи была написана в основном другим писцом, Матфей Десятый же выполнил лишь несколько листов. В нашей предыдущей работе мы оспорили данную точку зрения. На наш взгляд, весь Супрасльский сборник был написан одним Матфеем Десятым, для почерка которого характерна некоторая вариативность. В настоящей статье мы не будем рассматривать службы избранным святым и праздникам. Поэтому понятия «Книги библейские» и «Супрасльский сборник» в контексте данного исследования будут рассматриваться как тождественные.

развития книжности и культуры русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Ниже мы рассмотрим процессы, происходившие в Литве на рубеже XV–XVI вв. и попытаемся определить, какое влияние они оказали на замысел Матфея Десятого. К данной проблеме мы уже обращались в одной из наших предыдущих статей [8]. В настоящей работе мы попытаемся развить и уточнить некоторые наблюдения, изложенные ранее.

Отдельные замечания относительно исторического контекста, в котором формировался Супрасльский сборник 1507 г., мы находим у И.Е. Евсеева. Характеризуя западнорусские переводы Библии в целом, исследователь отметил, что последние формировались под сильным польским влиянием, а также констатировал проникновение в богослужебные тексты элементов народного языка. И.Е. Евсеев обратил внимание также на то обстоятельство, что «каждая волна той или иной формы рационализма, то есть ересь жидовствующих, гусситство, лютеранство, кальвинизм, социнианство – все это несло с собой в Западную Русь свой собственный, более или менее полный библейский перевод или вызывало такой перевод у самих западноруссов» [7, с. 33]. Однако исследователь не пояснил, какое влияние эти тенденции оказали непосредственно на Супрасльский сборник 1507 г. Суждения И.Е. Евсеева относительно труда Матфея Десятого в целом весьма противоречивы. В частности, сначала исследователь отмечает скромность замысла книжника, подходя вплотную к мысли о создании манускрипта по личной инициативе его составителя. Однако впоследствии учёный называет памятник «виленским библейским сводом», что можно интерпретировать как указание на официальный статус Супрасльского сборника.

Впоследствии к вопросу о контексте создания Супрасльского сборника обратился Н.В. Николаев. По мнению исследователя, идея создания свода библейских книг

если не родилась, то была осуществлена под присмотром великого князя. Согласно гипотезе Н.В. Николаева, в соседнем Великом княжестве Московском в конце XV в. уже существовал собственный свод библейских книг – Геннаадиевская Библия. Отсутствие подобного труда в Литве ухудшало положение местной православной общины. Решением данной проблемы занялся Матфей Десятый [18, с. 73]. Сходного мнения придерживается Е.Л. Немировский. По мнению исследователя, Матфей Десятый стал исполнителем «полуофициального» заказа. Однако в отличие от Н.В. Николаева, Е.Л. Немировский считает, что инициатором составления свода библейских книг выступил митрополит [17, с. 117]. Таким образом, оба исследователя рассматривают создание Супрасльского сборника в контексте укрепления православия в Великом княжестве Литовском. Н.В. Николаев и Е.Л. Немировский считают инициаторами данного мероприятия высшие светские или церковные власти государства.

В нашей предыдущей работе мы усомнились в том, что Матфей Десятый работал по заказу церковных или светских властей [8, с. 52–57]. Во-первых, сам книжник в своей пространной записи на л. 476 об. – 477 об. отмечает: «Въсхотех написати своею рукою книгу. И идеже Бог восхощеть души от тела разлучитися, и тую книгу вдати к тои церкви, идеже будет положено мое убогое тело на память своей души и своих родитель. И Господь Бог не презре желания моего, и испльни похотение мое, обретох бо время благополучно на писание сеа книги. И в коего вельможи пребывах, ему же имя Феодор, писарем бывый в Великом Княжестве Литовьскомъ, бе бо христолюбецъ, и в того испросих обрести от службы в покоя, он же ми дастъ по моему усердию» [4]. Комментируя данный пассаж, Н.В. Николаев и Е.Л. Немировский акцентируют внимание на фигуре писаря Федора. По мнению исследователей, он инициировал начало работ над «Книгами библейскими», исполняя волю

великого князя или митрополита [18, с. 117]. Представляется, однако, что роль Федора в работе над Супрасльским сборником была куда более скромна. В этой связи хотелось бы обратить внимание на формулировку, которую использует Матфей Десятый во вкладной записи: «Он же ми дасть по моему усердию». Значение данного чтения представляется весьма туманным, поскольку непонятно, что именно дал писарь Матфею Десятому. В качестве осторожной догадки можно высказать предположение, что книжник намекает на предоставление ему своеобразной «пенсии» или средств, необходимых для создания богато оформленного манускрипта. Для нас важнее, однако, другое – Матфей Десятый нигде не говорит о том, что кто-либо благословил его на составление свода библейских книг или дал подобный указ. Упоминание о благословении указывало бы на официальный статус мероприятия³. Однако данная формулировка отсутствует. В то же время сам Матфей пишет, чтоставил задачу подготовить вклад на вечную память о себе и своих родных, отмечая тем самым, что начал работать над рукописью по личной инициативе. Во-вторых, предположение о создании Супрасльского сборника по заказу светских или церковных властей не согласуется со сведениями о дальнейшей судьбе труда Матфея Десятого. «Книги библейские» не оказали существенного влияния на позднейшие библейские сборники, а имя их составителя было забыто более чем на 100 лет [8, с. 65–66]. Следует также отметить, что у Матфея Десятого не было помощников. Он в одиночку переписал тексты библейских книг, а также оформил и украсил манускрипт [9; 19, с. 127–131]. В-третьих, не вполне корректно, на наш взгляд, выглядит сопоставление Супрасльского сборника с Геннадиевской Библией. Последняя создавалась по инициативе одного из наиболее высокопоставленных иерархов московской ми-

³ Ниже цитируются две писцовые записи. В них сами книжники отмечают, что работали по повелению и благословлению.

трополии, о чём свидетельствует писцовая запись: «В лето 7007 написана быть книга сия, глаголемая Библия <...> в Великом Новгороде во дворе архиепископле повелением архиепископля архидиакона инока Герасима» [5]. В основу данного свода была положена латинская Вульгата. Таким образом, в своей работе составители Геннадиевской Библии опирались на определенную традицию. Иная ситуация наблюдается в Супрасльском сборнике 1507 г. С Геннадиевской Библией его сближает лишь объединение под одним переплетом книг Ветхого и Нового Завета, которые, как правило, в славянской традиции бытовали отдельно. Однако набор ветхозаветных книг в рукописи Матфея Десятого не укладывается в какую-либо традицию или канон. В состав вошли Толковые пророки (в редакции Упыря Лихого, но без толкований), Притчи, Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, Менандри, Песнь Песней и Екклесиаст. Кроме того, в рукописи помещена Псалтирь. При этом в Супрасльском сборнике отсутствуют основные книги Ветхого Завета, вошедшие в Пятикнижие Моисеево. Таким образом, в истории славянской библии «Книги библейские» являются своего рода униками. Полагаем, что сам книжник не пытался следовать какой-либо традиции, хотя мог ориентироваться на определенные образцы⁴. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на предположение И.Е. Евсеева, который считал, что для западнорусских переводов Библии характерно включение

⁴ В этой связи хотелось бы обратить внимание на необычное расположение Апокалипсиса после Четвероевангелия, но перед Деяниями и Посланиями Апостолов. В.Г. Подковырова обратила внимание на то обстоятельство, что Откровение Иоанна Богослова переписано на семилистовой тетради, а его концовка выполнена убористым почерком. Последний лист отсутствует либо был удален. Исследовательница полагает, что Апокалипсис был переписан отдельно и лишь впоследствии вставлен на отведенное ему место. Следовательно, необычное расположение данного памятника является частью глубоко продуманного плана Матфея Десятого [20, с. 198].

ние в текст Премудрости Иисуса сына Сирахова и Менандра [7, с. 37]. Согласиться с данным утверждением трудно, поскольку указанные тексты включались в XVI в. в состав рукописных сборников, явно имевших русское происхождение.

Представляется, что для ответа на вопрос об исторических обстоятельствах составления Супрасльского сборника необходимо охарактеризовать церковную политику Великого княжества Литовского. Прежде всего следует заметить, что те условия, в которых оказалась на рубеже XV–XVI вв. западная часть некогда единой русской митрополии, отличались от действительности, в которой прибывала восточная ее часть. В Великом княжестве Московском в указанный период происходит подъем религиозности, нашедший отражение в государственной политике. Во второй половине XV в. существенно расширяется пантеон русских святых. А.Г. Мельник пишет по этому поводу: «К началу 1448 г. в условиях затяжной междуусобной войны представители государственной и церковной элиты Москвы осознали необходимость опираться в своей политике на авторитет культов наиболее значимых в этой среде святых. Иными словами, именно политический кризис Московского государства породил новое отношение к культу святых. В 1480 г. при следующем кризисе, накануне освобождения Руси от ордынского ига, произошло существенное расширение пантеона общественно-значимых святых» [14]. С конца XV в. широкое распространение получают сборники служб русским святым [15, с. 258–260]. Активно ведется монастырское и церковное строительство. Переживает подъем духовная литература и книжность. В конце XV – начале XVI в. создается целый комплекс сочинений антиеретического характера. Кроме того, появляются произведения, подчеркивающие преемственность Москвы по отношению к Риму и Константинополю. В это же время при дворе новгородского архиепи-

скопа создается вышеупомянутая Геннадиевская Библия. Многие из перечисленных мероприятий осуществлялись при непосредственном покровительстве великого князя. Последний выступал патроном московской митрополии. Данная система отношений нашла свое отражение в участии великого князя в заседаниях церковных соборов. На протяжении XV–XVI вв. московские великие князья были весьма последовательны в своей политике по отношению к церкви. Общий ее курс не претерпевал существенных изменений. В частности, прославление русских святых, начавшееся в конце XV в., продолжилось в XVI в. на церковных соборах 1547 и 1549 гг., причем участие великого князя в данном процессе стало куда более явным. В конце XV в. в Великом княжестве Московском начинает складываться особая система отношений, в рамках которой крайне затруднительно отделить светскую власть от духовной. Ситуация, когда великий князь принимает участие в выработке решений церковного собора, а московский митрополит принимает иностранных послов, вполне типична для данного периода. Высшим проявлением этой системы стали так называемые земские соборы. Примечательно, что после падения Константинополя в 1453 г. и свержения ордынского ига в 1480 г. Москва начинает иначе определять свой внешнеполитический статус [22, с. 115]. С одной стороны, она заявляет о себе как о хранительнице истинного православия [10, с. 11]. Более того, уже в конце XV в. в литературных памятниках и дипломатических инструкциях появляются упоминания Ивана III с царским титулом. При этом, по мнению Н.В. Синицыной, «дипломатическая практика и светская политическая мысль конца XV в. утверждают отношения братства московского великого князя с западным императором, опираясь на идею восточно-римского преемства» [22, с. 121]. С другой стороны, продолжается процесс созиания русских земель. В 1493 г. Иван III принял титул государя «всех Руси». Он не был первым его

носителем, однако, в отличие от предшественников, обладал возможностями для полной реализации своих притязаний в деле объединения русских земель, в том числе тех, которые находились под контролем Великого княжества Литовского. Таким образом, в конце XV в. московским властям удалось сформировать определенную систему церковно-государственных отношений и идеологию, в рамках которой московский великий князь выступал патроном церкви и защитником православной веры. Сложившийся строй сказывался на книжности. В большинстве случаев инициаторами масштабных книжных мероприятий, таких как Геннадиевская Библия и Великие Четыи Минеи, становились высшие светские и духовные власти. Частная инициатива в осуществлении подобного рода мероприятий встречалась в те времена редко и не приветствовалась⁵.

Иная ситуация наблюдается в Великом княжестве Литовском. В западнорусских землях на рубеже XV–XVI вв. православие также переживает подъем, однако взлет религиозности носит здесь несколько меньшие масштабы. На рубеже XV–XVI вв. светские власти Великого княжества Литовского почти не принимали участия в делах православной церкви. Б.Н. Флоря утверждает, что «дело было не в недостатке доброго желания у правителей, а в реальном соотношении сил, когда с постепенным уменьшением господарского домена уменьшалась и руководящая роль монархии в обществе» [24, с. 106]. Представляется, однако, что ситуация обстояла несколько сложнее. Княжеская власть в

⁵ Показателен в этом плане пример игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына, составившего по собственной инициативе без благословения митрополита Кормчую книгу. Завершив работу, он показал свой труд митрополиту Даниилу, однако был осужден. На Нифонта было наложено церковное покаяние. Когда митрополитом московским стал Макарий, Кормилицын понадеялся, что новый владыка примет его работу, однако вновь не нашел поддержки. Смирившись с осуждением своего труда, Нифонт оставил на Кормчей запись, запрещающую ее копирование [11, с. 101–102].

Великом княжестве Литовском была не столь сильна, как в Москве, однако имела определенное пространство для маневра. В частности, великий князь утверждал митрополита. Кроме того, он мог оказывать поддержку православным интеллектуалам в их деятельности. Однако мы не располагаем сведениями о какой-либо помощи книжникам с его стороны. Являясь католиком, литовский великий князь в своей конфессиональной политике находился под давлением «латинян». Ситуация усугублялась также тем обстоятельством, что на рубеже XV–XVI вв. православная община также не была едина. Внутри нее выделялись сторонники и противники унии с Римом. Хотелось бы обратить внимание также на то обстоятельство, что литовские великие князья, нередко являвшиеся по совместительству королями польскими, сами исповедовали христианство латинского толка. Поэтому их участие в делах православной церкви имело ограниченный характер. Литовские великие князья не могли принимать официального участия в церковных соборах. В частности, Сигизмунд I не упомянут в деяниях Виленского собора 1509 г. Формирование церковно-административного аппарата, а вместе с ним и системы отношений между православной общиной и государством было важной задачей, которую литовским великим князьям необходимо было решить. Однако достаточным инструментарием для ее решения они не располагали, так как слишком велики были противоречия, обременявшие общественно-политический строй Литвы на рубеже XV–XVI вв.

Отдельно следует остановиться на политике великого князя Александра Казимировича (1492–1506). В 1498 г. митрополитом киевским, галицким и всея Руси стал прouniatски настроенный Иосиф Болгаринович (1498–1500), который зарекомендовал себя сторонником унии с Римом [13, с. 90–94]. Вместе с великим князем он пытался склонить великую княгиню Елену Ивановну к переходу в ка-

толичество. В 1500 г. на службу к Ивану III перешел Семен Иванович Бельский. Причиной своего отъезда он называл, в частности, попытки великого князя склонить его к латинской вере. Александр Казимирович отрицал данное обвинение, называя Семена Бельского изменником. Мы не склонны преувеличивать масштабы религиозных гонений по отношению к православию на рубеже XV–XVI вв., однако считаем совершенно справедливым суждение Е.Л. Немировского, отмечающего, что «религиозно-национальные преследования, которые конечно же существовали, современники преувеличивали, как это всегда бывает в подобных случаях» [17, с. 90]. Ситуация начала меняться лишь к 1503 г., когда митрополитом стал Иона II, выступавший противником унии с Римом. Принципиальные же изменения наступили при митрополите Иосифе II Солтане. Впервые за долгое время власти киевской митрополии начали проводить последовательную политику, направленную на укрепление православной церкви. По инициативе Иосифа II Солтана в 1509 г. в Вильно был созван церковный собор, составлена опись книг Слуцкого монастыря. При нем же была предпринята попытка упорядочить почитание святых в границах киевской митрополии. С этой целью был создан Пролог 1512 г.

Таким образом, третья попытка унии при митрополите Иосифе Болгариновиче не увенчалась успехом. При митрополитах Ионе и Иосифе II Солтане положение в киевской митрополии стало более стабильным. Изменения в церковной политике Великого княжества Литовского в значительной степени были обусловлены внешнеполитической ситуацией [132, с. 97–119]. В результате русско-литовской войны 1500–1503 гг. Литва утратила значительную часть своих территорий. Успех московских войск в значительной степени был обусловлен переходом русских вельмож на сторону Ивана III, который позиционировал себя как защитник православной веры. Как было отмечено

выше, в 1500 г. на сторону Москвы перешел Семен Иванович Бельский. Кроме того, желание перейти на московскую службу выразили Семен Иванович Стародубский-Можайский и Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский [13, с. 435–436]. Для великого князя литовского Александра Казимировича складывалась крайне неблагоприятная ситуация. Его противник Иван III, по меткому замечанию К.В. Базилевича, стоял во главе сильного государства, «внутреннее единство которого было укреплено развитием централизованного управления и суворой расправой с непокорными удельными князьями и наиболее реакционной частью боярства» [13, с. 433]. Сам же Александр не мог решить конфессиональные разногласия внутри своего княжества. Сложно сказать, существовала ли православная партия при дворе литовского великого князя. По крайней мере, М.М. Кром в своей монографии не находит каких-либо подтверждений данной гипотезы [12, с. 138]. Тем не менее православные христиане были среди наиболее влиятельных лиц Великого княжества Литовского. К ним принадлежали князь Константин Константинович Острожский, Александр Иванович Ходкевич и, наконец, жена Александра Казимировича Елена Ивановна, приходившаяся дочерью Ивану III. Не исключено, что под влиянием последней великий князь и пошел на уступки православной общине.

В этих условиях отсутствия последовательной политики со стороны высших церковных и светских властей Великого княжества Литовского инициаторами книжных мероприятий в Литве нередко выступали не светские и церковные власти, а частные лица. В начале XVI в. труд подобного рода «христолюбцев» оказался особенно востребованным. В частности, в 1498 г. возник Супрасльский монастырь. В первые десятилетия существования настоятели Супрасльского монастыря занимались пополнением монастырской библиотеки. В настоящее время Н.В. Моро-

зова и С.Ю. Темчин выявили 34 рукописи, поступившие в обитель при игуменах Пафнутии, Каллисте и Ионе, что, по мнению исследователей, составляет четвертую часть собрания [16]. Монастырская библиотека существенно обогатилась в годы архимандрита Сергия Кимбара (1532–1557). Н.В. Морозова отождествила 27 кодексов кимбаровского собрания. Два из них связаны с вышеупомянутым митрополитом Иосифом II Солтаном. Обстоятельства их поступления в обитель не известны. Сам владыка Иосиф вложить их в монастырь не мог, поскольку скончался намного раньше [23, с. 180–181]. Первая рукопись содержит Пятикнижие Моисеево, переписанное дьяком Федором в 1514 г. Сам писец оставил на ее листах писцовую запись [2, л. 279]: «В лето 7022 индикта 2 месяца сентябрь 6 день списаны быша книги сия в богохранимем великом и славном граде у Вильни в обители Пречистыя Богоматере и Чеснога ея Успения при царстве великаго короля Жигмонты, повелением и благословением пресвященого архиепискупа кир Иосифа, митрополита киевскаго и всея Руси. Написа же книги сия рукою своею раб Божий Федор, дьяк митропольи. А хто будет держати нити сия и почитати их, должен еси за ospодара митрополита Бога молити. Слава вседръжителю Богу единому в Троице в векы веком. Аминь»⁶. В отличие от Супрасльского сборника 1507 г. здесь содержится указание на заказной характер работы. Вторая рукопись представляет собой сборник ветхозаветных книг Иисуса Навина, Судей (вторая половина),

⁶ Е. Л. Немировский полагает, что дьяк Федор и писарь Федор, упомянутый в записи Матфея Десятого, могли быть одним лицом. На наш взгляд, это маловероятно, поскольку в делопроизводственной иерархии Великого княжества Литовского должность писаря стоит выше должности дьяка. Маловероятно, что десять лет спустя упомянутый в записи Матфея Десятого человек пошел на понижение [17, с. 117]. Более состоятельной кажется точка зрения Н. В. Николаева, который отождествляет лицо из записи в Супрасльском сборнике с писарем Федором Янушевичем [18, с. 73].

Руфи, четырех Книг Царств, Эсфири [3]. Хотя первоначально указанные рукописи создавались не для Супрасльского монастыря, их появление в монастырской библиотеке представляется весьма показательным. Состав ветхозаветных книг в двух рассматриваемых сборниках дополняет «Книги библейские» Матфея Десятого. Таким образом, в середине XVI в. при Сергии Кимбаре в Супрасльском монастыре имелся в наличии полный комплекс книг Ветхого Завета. Нельзя исключать, что пополнение библиотеки велось в соответствии с определенным планом. «Книги библейские» Матфея Десятого хорошо укладывались в данный план, поскольку содержат значительную часть книг Ветхого Завета и Новый Завет в полном составе. Нам не известно, на каком этапе книжник решил передать свой труд в Супрасль и велись ли какие-либо переговоры с руководством обители. В своей писцовой записи Матфей отмечает лишь следующее: «И идеже Бог восходеть души от тела разлучитися, и тую книгу вдати к тои церкви, идеже будет положено мое убогое тело, на память своеи души и своих родитель» [4].

В предыдущей работе мы отметили, что Матфей Десятый не был исполнителем чьего-либо заказа и работал по личной инициативе [8, с. 66]. Хотелось бы добавить к этому, что на рубеже XV–XVI вв. церковная политика в Литве не отличалась последовательностью. В этих условиях инициаторами книжных мероприятий, в том числе весьма масштабных, становились частные лица. Именно в начале XVI в. сложились наиболее благоприятные условия для того, чтобы Матфей Десятый приступил к работе над сборником библейских книг. В предшествующей статье мы отметили, что появившийся в конце XV в. Супрасльский монастырь остро нуждался в богослужебных рукописях [8, с. 66]. В этих обстоятельствах труд Матфея Десятого оказался востребованным. Хотелось бы также отметить, что в начале XVI в. изменилась внешнеполити-

ческая ситуация. Это в свою очередь привело к подвижкам в церковной политике Великого княжества Литовского. При митрополитах Ионе и Иосифе в киевской митрополии наступила своеобразная «оттепель», что могло привести к переменам в общественном сознании. Наиболее чуткие к нуждам церкви лица осознали необходимость поддержки этих благоприятных процессов. Возможно, в этих условиях Матфей Десятый решился приступить к осуществлению своего замысла, направленного на составление сборника, в котором были бы объединены книги Ветхого и Нового Завета. Представляется, что общий подъем религиозности и благоприятная ситуация внутри православной общины Литвы стали теми факторами, которые поспособствовали появлению Супрасльского сборника 1507 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности / А. А. Алексеев. – Санкт-Петербург, 2002. – 202 с.
2. Библиотека академии наук (БАН) Литвы. – Ф. 19. № 49.
3. БАН Литвы. – Ф. 19. № 52.
4. БАН. – Собр. Срезневского. II. 75. – Л. 476 об.
5. Государственный исторический музей (ГИМ). – Синодальное собр. № 915. – Л. 1 об.
6. ГИМ. – Собр. Барсова. № 12.
7. Евсеев, И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии / И. Е. Евсеев. – Сергиев Посад, 1916. – 166 с.
8. Жуков, А. Е. «Библейские книги» Матфея Десятого в контексте общественно-политической и религиозной жизни Великого Княжества Литовского на рубеже XV–XVI вв. / А. Е. Жуков // Каптеревские чтения. – Москва ; Серпухов, 2018. – Вып. 16. – С. 48–68.
9. Жуков, А. Е. Были ли у Матфея Десятого ученики? К характеристике письма Супрасльского сборника 1507 г. / А. Е. Жуков // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания : к 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 151–159.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

10. **Каптерев, Н. Ф.** Характер отношений России к православному востоку в XVI–XVII столетиях / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад, 1914. – 567 с.
11. **Корогодина, М. В.** Составление Кормчей Нифонта Кормилицына / М. В. Корогодина // Археографический ежегодник за 2009–2010. – 2013. – С. 99–112.
12. **Кром, М. М.** Между Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2-е издание, испр. и доп. – Москва, 2010.
13. **Макарий** (Булгаков). История русской церкви / Макарий. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1879. – Кн. 4, т. 9 : Период разделения русской церкви на две митрополии.
14. **Мельник, А. Г.** Культы святых в общественной жизни Руси середины – второй половины XV в. / А. Г. Мельник // ТОДРЛ. – 2014. – Т. 63. – С. 58–66.
15. **Мельник, А. Г.** Сборники служб русским святым конца XV–XVI века / А. Г. Мельник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXI Междунар. науч. конф., Москва, 12–14 апреля 2018 г. – Москва, 2018. – С. 258–266.
16. **Морозова, Н. В.** Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) / Н. В. Морозова, С. Ю. Темчин // Z dziejów monasteru supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej «Supraski monaster Zwiazowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa», Supraśl – Białystok, 10–11 czerwca 2005 r. – Białystok, 2005. – С. 117–140.
17. **Немировский, Е. Л.** Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е. Л. Немировский. – Минск, 1990. – 596 с.
18. **Нікалаеў, М.** Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М. Нікалаеў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 239 с.
19. **Панченко, Ф. В.** Концепт художественного оформления Библейского сборника Матфея Десятого / Ф. В. Панченко // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания : к 510-ле-

тию создания Библейского сборника Матфея Десятого. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 124–136.

20. **Подковырова, В. Г.** Откровение Иоанна Богослова в сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II. 75) / В. Г. Подковырова // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания : к 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 177–201.

21. **Российская** государственная библиотека. – Волоколамское собр. № 13.

22. **Синицына, Н. В.** Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции / Н. В. Синицына. – Москва, 1998. – 410 с.

23. **Темчин, С. Ю.** Рукописи кибаровского собрания Супрасльского Благовещенского монастыря / С. Ю. Темчин // Knygotyra. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2010. – Т. 54. – С. 173–185.

24. **Флоря, Б. Н.** Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. – Москва, 2007.

ЕВРОПЕЙСКИЕ АВТОРИТЕТЫ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Звонарева Л.У.
(г. Москва, Российская Федерация)

Ранняя польскоязычная поэзия Симеона Полоцкого, домосковского периода, убедительно свидетельствует, что уже в это время у молодого поэта были четко наметившиеся интересы и достойные образцы, на которые он уверенно ориентировался. Как известно, в то время «польская книжность служила культурным мостом между Западной и Восточной Европой» [1, с. 205].

Какая главная опасность угрожает «честным ремеслам», с точки зрения молодого поэта? Война, которую он уже видел в Вильно летом 1655 г., когда во время учебы полоцкого юноши в Виленской иезуитской академии войска российского воеводы Я.К. Черкасского и его союзника казненного гетмана Ивана Золотаренко взяли штурмом и разорили этот стариинный город. Царь Алексей Михайлович въехал в Вильно 9 августа во французской карете, дорогу перед ним выстилали красной тканью, палили из пушек.

Поэтому уже в раннем польскоязычном стихотворении «Честные ремесла» поэт рисует мрачноватый образ готовящихся военных испытаний, в самое ближайшее время готовых обрушиться на родные поэту земли:

В неугасимых огнях Вулкан со своими слугами –
Бронтом, Стеропом, Пирацменом нагими –
Для Марса кровавого оружие готовит.
Им сестра, Беллона, заведует [2, с. 99].

Пройдет триста лет, и образ Беллоны использует в виде заглавия романа известная нижегородская писательница Елена Крюкова, описывая европейскую драму, страдания белорусов и россиян в эпоху Второй мировой войны.

Война становится одним из постоянных героев ранних стихов Самуила Петровского-Ситниановича, еще не ставшего Симеоном Полоцким. В другом раннем польскоязычном стихотворении «Переменчивость и многообразие времени» дважды возникает образ войны: «С завистью война, которая от нее рождена, // На воз великолепный неправды посажена...» [2, с. 105], «Война пусть на воз мщения сядет, // У ног которой пусть дурная покорность будет...» [2, с. 109].

Пройдет не так много времени, и молодой поэт напишет первые в истории восточнославянской литературы военные поэмы по следам недавно свершившихся сражений – «Отчаяние короля шведского» и «Король шведский офицеров своих ищет», в которых действует множество исторических лиц – полководцев (шведские генералы Ферсен, Павел Вюртц, Кеникс Марк Христофор (Старший), А. Виттенберг, Александр Эрскин, Йозеф Вальдек, Валленрод, шведские полковники Сын Гнарт, Адам Вейгер и Леон Хаулт, военачальники – граф Магнус Габриэль Делагарди, граф Киникс Марк Младший, Исаэль Иссаксон Риддерхельм, польский полководец Вицентий Корвин Гонсевский, английские офицеры на шведской службе Иоахим и Ганс Ангелы, шведские офицеры Граф Пунтус, Леон Хаупт, прусский военачальник граф фон Сенхазен) и королей (польский король Ян Казимир, литовские гетманы Януш (1612–1655) и Богуслав Радзивилл, гессенский ландграф Херланд граф, князь Бернард Веймарский, князь Де ля Круа, курфюрст Бранденбургский Фридрих-Вильгельм (1640–1688), польский вице-канцлер Иероним Радзейовский, Дьердь Ракоци II, правитель Трансильванского княжества).

А еще чуть позже – уже в Москве – посвятит войне законотворческий трактат «Слово о брани».

Позиция Симеона Полоцкого, его отношение к государству, «праведным» и «неправедным» войнам пе-

рекликается не только с идеями европейцев (например, Г. Гроция), но и составителей Летописного свода 1650 г., С. Вонифатьева, Епифания Славинецкого, митрополита Никона. Гуго Гроций (1583, Дельфт – 28 августа 1645, Росток), голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт, старший современник поэта, основные свои теории сформулировал в трактате 1625 г. «О праве войны и мира».

В первой статье «Беседы о брани» Симеон Полоцкий указывает, что объявлять войну может только законная власть, которая представлена в лице правителя, имеющего при себе совет, или в лице одного царя, или даже в лице граждан, не имеющих во главе начальника, как гражданство «Венетийское (очевидно, республика Венеция) и подобныя» [2, с. 15]. Исключение – оборонительные войны.

Во второй статье просветитель требует, чтобы причина войны была «великой и известной» [2, с. 15], то есть очень серьезной, обоснованной. Не может, например, считаться причиной войны какое-либо «прегрешение» [2, с. 15]. Начинать войну следует лишь для наказания тех обид, которые наносят ущерб государству и подданным. Если же причина войны сомнительная, то начальник, объявивший войну, «несомненно грешит претяжко» [2, с. 15].

Третья статья – «намерение доброе» [2, с. 15] – требует, чтобы война применялась лишь с целью установления «миры и тишины народной» [2, с. 15]. «Не подобает, – утверждает Симеон Полоцкий, – брани воспринимати ради иного конца» [2, с. 15] и то только в том случае, если для урегулирования вопроса испытаны все другие средства.

Применение же войны с другими целями, как «вредотворение некому. Ради расширения государства, или навыки крепости браней» [2, с. 15], или иные, по мнению Симеона, – преступление, даже если «Власть законная и причина праведная» [2, с. 15] (то есть выдержаны две первые статьи). Автор убежден, что хотя война – средство к

миру, но тяжелое и несущее бедствия, и поэтому «требе тщатися мир сотворити иными средствами удобнейшими, си речь мирно просяще от врага удовлетворения должно го» [2, с. 15].

Если же враг начинает просить мира и пообещает удовлетворитьовое во время уже начавшейся войны, то, исходя из того принципа, что не должны гибнуть вместе с виновными и невиновные, нужно немедленно принять удовлетворение и прекратить войну.

В четвертой статье «Беседы о брани» Симеон подробно разъясняет цивилизованные способы ведения войны или, как он их называет, «способ или обычай приличны» [2, с. 14]. Просветитель требует, чтобы войска не тревожили и не обижали мирное население. Нельзя, например, наносить обиды «селянам» [2, с. 14] лишь за то, что они не повинуются мгновенно приказу воина.

По мнению Симеона Полоцкого, существует три рода людей, которых нельзя обижать во время войны: первый род – те, кто ко вражьему государству не принадлежит, второй – те, кто ко вражьему государству принадлежит, но оружия в руки не берет (иереи, иноки, странники, селяне купцы «преходящие» [2, с. 15], но не те, кто составляет часть вражьего города), третий род – дети, старики, жены. За убийство этих людей воин только в том случае не отвечает, если бы, стреляя по врагу, случайно, против своей воли, попал в них. Не обижать, но охранять мирное население, – «сему, – заключает Симеон, – разум естественный учит нас и господь Бог повелевает» [2, с. 15]. Выступая за поддержание мира с другими государствами, Симеон Полоцкий признавал справедливость лишь некоторого рода войн.

«Беседа о брани» Симеона Полоцкого, очевидно, написана в расчете на русского царя и придворные круги. Симеон Полоцкий был последователем белорусского гуманиста Сымона Будного, считавшего, что в обществе надо пытаться всеми силами сохранять мир.

Героями его стихов станут известные полководцы разных эпох: Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.) – римский политик, полководец, оратор и писатель-историк, описавший свои воинские походы в «Записках о Галльской войне», Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.), Луций Линий Лукулл (106–56 гг. до н. э.) – римский претор, консул и полководец, имевший великолепные дворцы в Риме и огромное состояние, его имя стало нарицательным обозначением богатства. Юлию Цезарю Симеон Полоцкий посвятит даже отдельное стихотворение, которое так и называется «Защита Цезаря и судьбы его» [2, с. 232].

Ну а кто может соперничать с всесильными полководцами, добывающими себе славу и богатство с оружием в руках? По мнению молодого поэта, это философы и талантливые ораторы, в чьи устах слово – не менее сильное оружие, чем копье или меч. В том же стихотворении «Переменчивость и многообразие времени» встречаем такие строки: «Слава на крыльях под небо взнесена... // Ею Александр, Юлий и Платон // Слынут в мире и – красноречивый Катон» [2, с. 109]. В виршах «Новооткрытия» Симеон Полоцкий вновь вспоминает Александра Македонского и Юлия Цезаря, на этот раз как отважных полководцев, а также царя Пилоса в Мессении, старейшего участника Троянской войны, Филиппа II – царя Македонии (с 359 по 336 г. до н. э.), отца Александра Македонского и Клеопатры, а также легендарного короля Англии Артура и Бодуэна, одного из королей-крестоносцев Иерусалимских: «Гектор Троянский и Филипп благородного // Сын Александр, роду греческого // Юлий Цезарь в язычестве господа // Храбрые были, которых равных мир не знал, // Артур, Карл, Готфрид – вот господа, // Король великий Булон – мужественные христиане» [2, с. 127].

Что ценит в бренной жизни молодой поэт? Кто вызывает его искреннее восхищение? Философы, ораторы,

художники и путешественники. Древнегреческий философ Платон приравнен к великим полководцам, а среди многочисленных дарований видного римского политического деятеля и полководца Марка Порция Катона Старшего (234–149 гг. до н. э.) выделяется его писательская ипостась – «красноречивый Катон». Основателю философской школы в Афинах, учителю Платона Сократу (460–399 гг. до н. э.) Симеон посвятил отдельное стихотворение, названное именем философа: «Великая это мудрость, // Добро от зла отличать: // «Небо – не разум те переменяют, // Которые по пути за моря ходят» [2, с. 205]. В виршах «Слава изменчива» поэт вспоминает самых крупных авторитетов античного мира – Аристотеля и Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н. э.), выдающегося римского оратора, теоретика ораторского искусства, писателя и философа: «Куда ныне делся он, Цезарь вельможный, // Или – славный богач и сибарит безбожный? // Скажи, где Туллий сладкоречивый? // Где Аристотель остроумный?» [2, с. 207]. В виршах «Семь свободных наук» Симеон напоминает читателям о «диалектике достойного Платона» – величайшем древнегреческом философе, основоположнике европейского идеализма Платоне (428 или 427–348 гг. до н. э.).

Искусство в течение всей жизни было областью самых пристальных интересов белорусского поэта, многие его вирши написаны в редком жанре экфрасиса – описания конкретного произведения искусства. Он будет дружить с художниками и в Москве (с Симоном Ушаковым, в соавторстве с которым напишет искусствоведческий трактат «Слово к люботщащимся иконного писания»), огромное внимание уделять оформлению собственных книг в Верхней типографии. Известно, что в потолочных росписях, выполненных Симоном Ушаковым в конце 1660-х гг. на сюжет «звездотечное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» на плафоне Коломенского дворца, можно

видеть наглядную иллюстрацию к стихотворению Симеона Полоцкого «Следуют 12 месяцев».

И уже в ранних его стихах появляется образ знаменитого древнегреческого живописца Зевксиса, жившего во второй половине V века до н. э., причем поэт говорит о профессиональных достижениях прославленного художника: «Зевкий-художник придумал новую краску – // Оливковую, – благодаря своему остроумию» [2, с. 123]. Зевксиса будет вспоминать Симеон Полоцкий и в стихотворении «Подражание». В этих виршах молодой стихотворец по сути описывает процесс живописания икон – стиль, который приходит в Московское царство из Европы, вызывая яростное сопротивление старообрядцев, последователей протопопа Аввакума, сторонников иконописания по канону, а не с реального человека. Вот как описывает поэт, увлеченный живописью, процесс создания древнегреческим художником портрета языческой богини: «Зевксис – художник в мире знаменитый... // Чтоб написать портрет Юноны, // Достойный богини и безупречный, // Пять выбрал дев с прекрасным лицом. // Из которых глаз его составлял образец. // Итак, что в какой из них представлялось ему красивым, // То на доске кистью писалось. // Таким способом сотворил он образ, // Которому весь мир изумлялся» [2, с. 177]. В виршах «8 чудес света» Симеон называет Фидия – знаменитого афинского ваятеля (500–432 гг. до н. э.), одного из создателей статуй Акрополя, автора курии Зевса Олимпийского.

За свою пятидесятилетнюю жизнь Симеон, судя по всему, успел побывать только в трех знаменитых городах, кроме Полоцка, – Вильно, Киеве и Москве, но величими путешественниками искренне восхищался. Недаром в небольшой поэме «Новооткрытия» поэт целый раздел озаглавил «Америка», где подробно рассказал о великом испанском и португальском мореплавателе Америго Веспуччи (1451–1512) из Флоренции, который с 1499 по

1504 г. участвовал в четырех экспедициях к берегам нового континента, названного по его имени Америкой, и открыл созвездие Южный Крест в 1449–1450 гг.: «Доблестный Америго нашел эту страну, // Где тела людские ели, как животных, // Королеву страны той в простой колыбели // Без всякой одежды на теле нашел он... // Крест из четырех звезд, прежде неизвестный, // Америго в небе разыскал... // В южных краях, а также на Западе // мудрый Америго, плывя по воду, // Немало ужасов от морских животных // Претерпел, пока достиг неизвестных стран...» [2, с. 121, 125]. Другой герой стихотворения «Новооткрытия» – Христофор Колумб (1451–1506) – выдающийся мореплаватель, совершивший четыре экспедиции к западному побережью Америки (с 1492 г.), открывший Малые Антильские острова, острова Кубы. Вот как представляет его читателям белорусский просветитель: «Христофор Колумб вокруг света обошел, // От чудовищ морских мучений натерпелся, // Кои переживя, королю испанскому, // Господину своему, раздобыл чужие страны» [2, с. 125]. Вспоминает Симеон Полоцкий и еще одного знаменитого мореплавателя – Фернана Магеллана (около 1470–1521): «Фердинанд пресек океан глубокий, // Самым первым узнал, каков мир широкий» [2, с. 125]. Так силлабическими виршами на польском языке рассказывал поэт любознательным читателям о том, что Магеллан стал первым европейцем, пересекшим Тихий океан (от Америки к берегам Азии). Возглавляемая им эскадра из пяти испанских кораблей прошла вдоль побережья Южной Америки и вышла к проливу, который ныне носит имя мореплавателя.

В стихотворении «Новооткрытия» молодой поэт воспевает мудрость писателя-философа Флавия Филострата (170–247), которого историки философии сегодня считают представителем новой софистики. Пройдет время, и Симеон во многом повторит судьбу столь ценимого им литератора. Древнегреческий писатель долго учился и жил в

Афинах, а потом переехал в Рим (некоторые позднейшие авторы будут называть его «Афинским»): подобным образом переехавшего в Москву и учившегося в Вильно и Киеве Симеона назовут Полоцким.

Флавий Филострат вошел в кружок приближенных императрицы Юлии Домны, дочери главного жреца, увлекавшейся философией и искусствами, стал ее придворным ритором. Так и Симеон вскоре после переезда в Москву из Полоцка стал придворным поэтом в кругу царя Алексея Михайловича, а затем – у своего бывшего ученика царя Федора Алексеевича.

Так же, как Флавий Филострат, работавший много лет над романом «Жизнь Аполлония Тианского» и написавший, по поручению императрицы, капитальный труд о неопифагорийце – 8 книг, каждая по 40 глав, Симеон Полоцкий создаст для царской семьи монументальные сочинения объемом в 1,5 тыс. страниц каждое – стихотворные книги «Вертуграff многоцветный» и «Рифмологион».

В стихотворной энциклопедии «Вертуграff многоцветный» будут также прихотливо перемешаны, как и в биографии Аполлония Тианского в трактовке Флавия Филострата, описания различных царей, вельмож, мудрецов, религиозно-философские рассуждения, сказочные мотивы, чудеса и суеверия, восхваления Фидия и Праксителя и даже естественно-научные достижения типа магнита («о камне, притягивающем другие камни» – М., 1985, кн. 3, с. 46–47, 71). Уже в ранних виршах белорусского поэта читаем: «Магнита достоинство – указывать на север, // Потому его ремесленник в компасы вставляет: // Флавий по своей мудрости свойства его уразумел, // Благодаря ему мореплаватели дорогу знают» [2, с. 121].

Пройдут годы, и в семьях венценосных патронов Флавия Филострата и Симеона Полоцкого произойдут похожие трагедии в борьбе за власть и первенство в государстве с детьми-потомками: старший брат Каракалла убил млад-

шего Гету, пытавшегося спрятаться в объятьях матери-императрицы Юлии Домны – это случится в Риме. А в Москве стрельцы, вдохновляемые царевной Софьей, так напугали ее младшего брата Петра, будущего императора, что он бежал из Москвы в Сергиев Посад, прятался в Троице-Сергиевой Лавре, а чуть позже, не забыв свой испуг, насилино постриг властолюбивую сестрицу в монахини и на долгие месяцы повесил напротив окна ее кельи в Новодевичьем монастыре труп стрельца с подметным письмом в мертвый руке.

Среди литературных авторитетов Симеона Полоцкого необходимо отметить знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского (1530–1584), который был приближен ко двору польского короля Сигизмунда II Августа и в 1564 г. был назначен королевским секретарем. Симеон Полоцкий и здесь повторит судьбу своего литературного кумира: ровно через сто лет после возвышения Яна Кохановского, в 1664 г. приехав в Москву, он в 1667 г. будет назначен придворным поэтом и наставником детей царя Алексея Михайловича и, по свидетельству иностранных послов, иногда на важных приемах сидел по правую руку от царя, принимая участия во многих важнейших государственных событиях. Уже в ранних стихах белорусского поэта – все в тех же «Новооткрытиях» – можно найти скрытые цитаты, реминисценции из известной «Сатиры или дикого человека» Яна Кохановского, где сказано: «Пахаря дело – блюсти поле, а шляхта бы тешилась рыцарским ремеслом». У Симеона Полоцкого читаем: «Паши, сей, коси... с господами не садись...» [2, с. 224].

Как минимум дважды будет Симеон Полоцкий обращаться к текстам Яна Кохановского: когда будет писать «Трены» (Плачи) на смерть царицы Марии Милославской, ориентируясь на «Трены» Яна Кохановского 1580 г., посвященные смерти дочери и состоящие из 12 надгробных плачей, и когда будет работать над «Псалтырью Рифмот-

ворной» (издана в 1680 г.), вспоминая переложения «Псалмов Давида» Кохановского, сделанные за сто лет до этого – в 1578 г.

Кроме Яна Кохановского, для Симеона Полоцкого существовал еще один авторитет – римский поэт и философ Тит Лукреций Кар (около 99–55 гг. до н. э.): в виршах «Презрение достоинства и желание почета» Симеон Полоцкий использует скрытую цитату из его дидактической поэмы «О природе вещей» (гл. V, 1117–1130), в которой автор в поэтической форме излагает свое материалистическое мировоззрение.

Виртуальное пространство, которое выстраивает в своей ранней поэзии Симеон Полоцкий, населено царями, полководцами, писателями, художниками, прославленными ораторами. Очевидно, судьбы именно этих выдающихся людей по-настоящему волновали молодого поэта, именно в подобный избранный круг мечтал он попасть, именно такого уровня людьми страстно хотел быть услышанным и замеченным.

Пройдет не так много времени, и честолюбивые мечты молодого полочанина, одаренного, трудолюбивого и образованного, станут реальностью в непростых условиях Московского царства 60-х гг. XVII в., где он займет достойное место среди самых знатных и образованных людей, составлявших окружение его ровесника, царя Алексея Михайловича Романова (1629–1676).

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогожин, Н. П. У государевых дел быть указано... / Н. П. Рогожин. – Москва : РАГС, 2002. – 285 с.
2. Симеон Полоцкий. Carmina Varia / составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии: Л. У. Звонаревой, Д. Л. Маркова ; рецензент доктор филологических наук А. К. Kovko. – Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Татиции, 2014. – 352 с.

ТВОРЧЕСТВО СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БАРОККО

*Игнатов В.К.
(г. Минск, Республика Беларусь)*

Симеон Полоцкий – одна из самых ярких интеллектуальных звезд на небосводе культуры эпохи барокко. Его творчество стало воплощением глубоких, интенсивных и драматических поисков восточнославянским духом новой картины мира, призванной внести спокойствие и гармонию в лишенный традиционной средневековой стабильности XVII в. европейской истории.

В эту эпоху умственная жизнь Старого Света была пронизана стремлением к отысканию универсальной мировоззренческой формулы, способной отсрочить «похороны» Европы, раздираемой трагическими религиозными, социальными и политическими конфликтами.

Особую остроту проблема будущего христианской цивилизации обрела в Великом княжестве Литовском, коему издревле было предназначено судьбой осуществлять особую миссию – быть уникальным средоточием многовекового состязания разноликих проявлений европейской культуры.

Среди претендентов на звание устроителя общеевропейской интеллектуальной архитектоники эпохи барокко было и культурно-просветительское движение православной конфессии Великого княжества Литовского, возглавляемое митрополитом Киевским Петром Могилой. Символом нового облика восточного христианства в XVII в. стал основанный им Киево-Могилянский коллегиум. Преподаватели и воспитанники этого учебного заведения в центр своей деятельности поставили идею развития европейского диалога цивилизаций. Бережно сохраняя духовное

наследие православного мира, киевские мыслители искусно прививали на отечественной почве умственные плоды западной культуры. Среди идейных чужестранок особым расположением ученых коллегиума пользовалась теория остроумия, окружавшая фигуру поэта ореолом «второго Бога», чей творческий гений подобен созидательной силе Господа [3, с. 140; 4, с. 103; 14, с. 29–30]).

Одним из самых даровитых выпускников коллегиума был Симеон Полоцкий. Главной духовной опорой белорусского мыслителя стал привитый ему в стенах «Киево-Могилянских Афин» культ учености, библиофильства, энциклопедической эрудиции. По мнению преподавателей коллегиума, приобщение к европейскому культурному универсому давало право обладателю широкого умственного кругозора считать себя избранником, посвященным в таинства высших сфер бытия, харизматической персоной, достойной звания апостола, пророка, призванного просвещать и воспитывать род людской, формировать совершенного человека и идеальное общество [6, с. 188–190]. Мировоззренческая палитра молодого поклонника познания стала еще богаче после прохождения Симеоном Полоцким обучения в Виленской иезуитской академии.

Первые пробы пера белорусского поэта состоялись уже в студенческие годы. Но с особенной силой его литературный и педагогический талант проявился после возвращения молодого полочанина в родной город, где в июне 1656 г. [1, с. 113] он по предложению своего бывшего киевского наставника, игумена Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатия (Иевлевича), вступил на путь монашества. В этом же году в жизни 27-летнего преподавателя братского училища монастыря произошло событие, глубочайшим образом изменившее всю его последующую судьбу. Во время торжественной встречи с монастырской братией московского царя Алексея Михайловича поэтическое мастерство Симеона Полоцкого произвело

самое благоприятное впечатление на его венценосного сверстника.

Игнатьй до самых последних дней покровительствовал своему ученику. Положив начало огранке таланта Симеона Полоцкого в стенах Киево-Могилянского коллегиума, он продолжил развивать творческие дарования молодого поэта в его родном городе, поощряя активное участие своего киевского питомца в просветительском движении православного иночества Полоцкого Богоявленского монастыря. Не в последнюю очередь обязан своему наставнику Симеон Полоцкий и умением создавать и декламировать приветственные речи, посвященные русскому монарху. Внимать ораторскому мастерству Игнатия и воочию лицезреть эффект, производимый на московскую знать произносимыми им хвалебными панегириками, Симеон Полоцкий мог во время пребывания Алексея Михайловича со свитой в Полоцке в 1656 г. [7; 8; 13]. Спустя несколько лет на приеме у российского государя воспитанник Игната произнес приветствие, названное им «*Oracja, która miałem do Cara J.M. na Moskwie A. 1660 19 Januarii*» («Торжественная речь в честь его милости царя, имевшая место в Москве года 1660 19 января») [9, л. 42 об.], а также стихотворные славословия.

Белорусский период творчества Симеона Полоцкого завершился в 1664 г., когда он навсегда покинул свою родину и переехал в столицу Российского царства. Однако знакомство с ранним литературным наследием мыслителя дает ясно понять, что духовный фундамент его творческих свершений в Москве был заложен им еще на белорусской земле.

Представим себе воображаемого читателя XVII в., открывающего для себя творчество Симеона Полоцкого белорусского периода.

Ранняя поэзия мыслителя предоставляла читателю сведения из области натурфилософии, мировой истории,

знакомила его с учениями античных и христианских мыслителей, содержала изложение педагогических теорий, историософские концепции.

Читатель ранних произведений Симеона Полоцкого невольно проникался ощущением, что он является посетителем своеобразного музея истории глобальной интеллектуальной мысли, вслед за автором примеряя на себя мировоззрение монастырского отшельника, последователя схоластики, поклонника гуманизма, проповедника реформации и других ключевых персонажей летописи мировой культуры.

Те, кто желал погрузиться в глубины мистических переживаний православного верующего, мог обратиться к таким стихотворениям Симеона Полоцкого, как «Akaphist najświętszej Pannie, wierszami przełożony w roku 1648 przez mię, Piotrowskiego Sitnianowicza» («Акафист Пресвятой Деве, виршами переложенный в 1648 году мною, Петровским-Ситняновичем») [11, с. 136–148], «Априль 27. Взенто образ насвентшэй Богородицы з Полоцка до Москвы» [11, с. 62–64] и «Стихи краесогласные, сложенные во срение иконы Пресвятыя Богородицы...» [9, л. 34–36]. Эти образцы религиозной поэзии проникнуты идеей духовного единения всех христиан и пафосом культуры молчания.

Внимание поклонника традиций западноевропейской мистики могли обратить на себя такие произведения Симеона Полоцкого, как «Modlitwa w utropieniu» («Молитва в скорби») [11, с. 191–192] и «Молитва в скорби сущего и клевету терпящего» [2, с. 115 – 116 об.]. Для современника поэта это были не только примеры стихотворного описания единения с Богом благодаря вспышке сверхъестественного озарения, но и свидетельства проникновения в содержание мистического опыта традиций схоластической юриспруденции, сохранения в культуре барокко идеалов эпохи Возрождения, слагавших гимны человеческой личности и воспевавших ценность земной жизни людей.

Читая стихотворение «*Modlitwa do najświętszej Panny*» («Молитва пресвятой Деве») [9, л. 66 – 67 об.], любители неосхоластики вслед за автором получали возможность подвергать экстатическое созерцание божественной истины рациональной рефлексии.

Обратившись к такому стихотворению Симеона Полоцкого, как «*Caesarem defens et fortunam eius*» («Защита Цезаря и судьбы его») [11, с. 169–171], содержащему поэтическую декларацию верности поэта идее главенства богооткровенной истины над философской мудростью, приверженцы христианской ортодоксии, несомненно, могли обрести в лице автора произведения своего единомышленника.

И у неофита, и у наследника христианской веры предков неподдельный интерес могли вызвать стихотворные диалоги Симеона Полоцкого, являющиеся художественной иллюстрацией христианских догматов. Знакомство с «мессиадами» и «христиадами» поэта позволяло уяснить и то, как он достигал цели, выдвинутой мышлением эпохи барокко в качестве одной из самых главных, – объединить в единое целое живопись, литературу и музыку.

Однако если бы мировоззренческий стиль барокко был лишь идейным оружием воспрявшего духом после Тридентского собора католического Рима, он никогда бы не заслужил звание «стиля эпохи», навсегда оставшись в истории интеллектуальной мысли Европы в роли заурядного эпигона Средневековья. В картине мира эпохи барокко новые краски обрели не только наследие классической схоластики, но и философская мысль Ренессанса, жаждавшая охватить своим умственным взором культурное достояние человечества.

В XVII в. культ книги поднял на небывалую прежде высоту фигуру интеллектуала, библиомана и энциклопедиста. Глубокая эрудиция книжника эпохи барокко не являлась самоцелью, а была подчинена миссии просвещения и нравственного воспитания. Подтверждение этих

мыслей можно обнаружить в стихотворении «*Siedm nauk wyzwalonych*» («Семь свободных наук») [11, с. 120–122], где краткое описание поэтом всех свободных искусств указывало на их значение для достижения человеком высокой образованности и моральной добродетели.

Еще одним примером просветительской тематики являются стихотворения «*4 żywioły y skutki onych*» («4 стихии и их действия») [11, с. 112–113], «*Siedmiu planet znaki y ich operatie następują*» («Знаки семи планет и характер их воздействия») [11, с. 122–123], «*4 przemagające complexie*» («4 преобладающих темперамента») [11, с. 116, 117], «*Miesiąci 12 następują*» («Следуют 12 месяцев») [11, с. 127–130], где молодой поэт излагал учение о первоосновах мира, идеи арифмологической доктрины, описывал воздействия небесных тел на человека и природу. В таких поэтических произведениях духовно-поучительного характера, как «*4 części dnia*» («4 части дня») [11, с. 110–111], «*O czterech części goscu pogody*» («О четырех временах года») [11, с. 111–112], явления природы наделены символическим значением, а их изображение окрашено в тона нравственной назидательности и морализаторства.

Стремление расширить круг знаний читателя обнаруживает себя и во многих других образцах ранней поэзии Симеона Полоцкого. Если стихотворение «*4 świata wieku*» («4 эпохи») [11, с. 113–115] давало возможность ознакомиться с мифологическими представлениями Античности о четырех веках в истории человечества – золотом, серебряном, медном и железном, то произведение «*8 dziow świata*» («8 чудес света») [11, с. 123–127] – это поэтический рассказ об архитектурных шедеврах древности (пирамидах, Александрийском маяке, статуе Зевса, Колоссе Родосском, храме Артемиды в Эфесе, Галикарнасском мавзолее, садах Семирамиды, Колизее), а написанные в духе барочной экзотики стихотворения «*Rzemiosła zrzędne, a uczciwe*» («Ремесла строптивы, но достойны уважения») [11, с. 131–132]

и «Nowoznalezione rzeczy» («Новооткрытия») [11, с. 101–102, 107–108] погружали читателя в мир античной культуры, библейских сюжетов, европейской истории.

Но просветительская деятельность Симеона Полоцкого не сводилась только к традиционному преподаванию духовных благ. Его главная цель – открыть своим ученикам путь к земному преображению христианского человечества, к становлению творческой и высоконравственной личности, вовлеченной в процесс созидания грядущего облика Европы. Открывая многие страницы ранних поэтических сборников Симеона Полоцкого, его современники, вовлеченные в водоворот бурных и трагических событий XVII в., могли обнаружить созвучные своим умонастроениям поиски поэтом морального идеала человека.

Для тех, кто испытывал тоску по христианскому духовному наследию, мыслитель предлагал стихотворные размышления на популярные темы культуры барокко – «Vanitas» («Суeta») и «Memento mori» («Помни о смерти»), воскрешавшие средневековые представления о бренности земного бытия, тщете человеческих желаний и скоротечности жизни.

В произведении «Nagrobek kaznodzieji» («Эпитафия проповеднику») [11, с. 156–157], посвященном теме завершения земного пути человека, Симеон Полоцкий в полной мере использует весь арсенал художественных приемов искусства барокко, направленных на достижение максимального воздействия на умы и воображение читателей. Но, заставив трепетать их души при мысли о смерти, поэт вносит в них ощущение умиротворения и покоя, навеянное православными канонами в изображении перспективы загробной жизни.

В стихотворении «Widok żywota ludzkiego» («Картина человеческой жизни») [11, с. 132–134] Симеон Полоцкий делал достоянием читателя восходящее к Античности воззрение о существовании различных периодов формирова-

ния человеческой личности и широко распространенное в эпоху барокко представление о человеческом уделе как скитании от колыбели к могиле.

В произведении «*Piosnka o śmierci*» («Песенка о смерти») [11, с. 148–152] мотив «пляски смерти» служил напоминанием читателям о мирской суете и равенстве всех представителей рода человеческого перед лицом неизбежности земной кончины.

Поэтические назидания Симеона Полоцкого «*Złe poswari*» («Злые раздоры») [9, л. 116], «Лекарство на гжэхы» [11, с. 85–86], «Око» [9, л. 113], «Язык» [9, л. 113], «*Usty mię chwałą, a serce ich daleko ode mnie!*» («Устами меня хвалят, а сердце их далеко от меня!») [11, с. 189–190], «*Na leniwca*» («На лентяя») [11, с. 97–98], «*Na pijanice*» («На пьяницу») [11, с. 98–99], «*Na grzesznika*» («На грешника») [11, с. 100] посвящены изобличению человеческих слабостей и пороков, способных лишить нечестивца милости Всевышнего.

В своем стремлении оградить читателя от неправедных поступков Симеон Полоцкий опирался не только на проповедь традиционного христианского идеала человека. В стихотворениях «*Czystości strożow 6*» («6 стражей чистоты») [11, с. 118–120] и «*Prętkość na złe*» («Готовность ко злу») [11, с. 194–195] он стремился внушить читателю гуманистические представления о таких свойствах человеческой добродетели, как умеренность и великодушие. Вслед за мыслителями Ренессанса главным проводником человека на пути к достижению им подлинно совершенного состояния Симеон Полоцкий объявлял разум, ограждающий людей от потакания низменным страстям и увлекающий их на путь благородства, сострадания и терпения. В произведении «*Odmiany wszech rzeczy ludzkich*» («Перемены всех дел человеческих») [11, с. 88–89] поэт возносил хвалу мирной жизни, создающей необходимые условия для процветания культуры и достижения социального благополучия.

Стихотворная педагогика Симеона Полоцкого знакомила читателя с принципами обучения и воспитания идеальной личности. В стихотворении «*Początkowi zabiegaj*» («Старайся пресечь вначале») [11, с. 134–135] поэт излагал мысль гуманистов о том, что плоды совершенства сможет вкусить лишь тот, кого наставляли на путь истинный с младых ногтей. В произведении «*Nobilitas raga*» («Благородство редкостно») [11, с. 91–92] Симеон Полоцкий следовал гуманистической идеи о том, что ни божественное происхождение, ни принадлежность к высшему сословию, а только лишь личные качества человека способны вознести его на вершину подлинного достоинства.

В своей ранней поэзии Симеон Полоцкий не остался равнодушным и ко взглядам последователей идей религиозной реформы. Тема возрождения первоначального облика христианства, проповедь всеобщего равенства, кротости и смирения стали лейтмотивом стихотворения «*Czasu odmiana u różność*» («Переменчивость и многообразие времени») [11, с. 174–178].

Выходец из городской среды, Симеон Полоцкий не мог не откликнуться и на духовные запросы бюргерства. В стихотворении «*Szczęście bogaczów opłakane*» («Счастье богачей плачевно») [11, с. 95–97] поэт выводит на авансцену общественной жизни человека, проникнутого духом зарождающейся эпохи модерна.

Провозглашая новый идеал человеческой личности, Симеон Полоцкий отдал литературную дань изложению взглядов европейских мыслителей Возрождения и барокко на государство и право. В стихотворной притче «*Wzgarda godności u czci pragnienie*» («Презрение достоинства и желание почета») [11, с. 159–169] мыслитель создал образ тирана, поправшего все нормы человеческой морали. Полной противоположностью облику жестокого правителя в произведении выступает личность гуманиста, культивирующего мудрость, добытую неустанными трудами на ниве познания.

Произведение «Фронн истинны, еже есть о ближайшем судии беседование избраннейшими некими образы судебными на меди прехитростне и преизрядне нарезанными изъяснен» [11, с. 22–25] Симеон Полоцкий посвятил теме истинного правления. Идеал государства, созданный поэтом, олицетворен фигурой монарха, воспринимающего собственную власть как могущественный инструмент для достижения блага подданных. Царственные полномочия государь осуществляет, опираясь на законы и мнение добродорядочных и неподкупных советников.

Судьбоносная встреча Симеона Полоцкого с московским царем предоставила мыслителю уникальный шанс реализовать свои представления об идеальном правителе. Однако зачинатель русского барокко, подгоняя интеллектуальный костюм западного первообраза по духовной фигуре Российского государства, вынужден был не единожды обращаться к барочным формулам «сближения несближаемого», «соединения несоединимого», «совмещения несовместимого».

Внимая панегирическим «виршам» молодого поэта, русский царь и его приближенные слышали в них интеллектуальное звучание тем, традиционных для миросозерцания высшего слоя восточной державы: «Москва – Третий Рим»; «симфония властей»; «царь – главная фигура земной иерархии, созданной Богом в соответствии с небесной иерархией высших существ». Стихотворное осмысление ранневизантийских идей гармонического единства империи и церкви, античного круговорота и христианского эсхатологизма, языческой мудрости и библейской веры содержит произведение Симеона Полоцкого «Стихи на Рождество Христово» [11, с. 45–50].

В декламациях «Wierszy na szczęśliwy powrót cara jego miłości z pod Rygi» («Стихи на счастливое возвращение его милости царя из-под Риги») [11, с. 33–38], «Витане боголюбивого епископа Калиста Полоцкого» Витебского од

детей школы брацкое Богоявленское мовеное пры въезде его милости до Полоцка А° 1657, июня 22» [11, с. 42–45] поэт создает картину распространения духовного света в земном мире посредством высших персон светской и духовной власти, располагающихся на различных ступенях иерархической лестницы.

В обращении к московскому царю, занимающему верхнюю ступень социальной лестницы, Симеон Полоцкий в приветственной речи, произнесенной им во славу русского монарха 16 января 1660 г. во время своей первой поездки в Москву, в «Стихах к осудару цару Алексию Михайловичу Великия и Малыя и Белыя Руси самодержцу» [11, с. 40–41], в «Диалоге кратком о государе царевиче и великом князе Алексие Алексиевиче» [11, с. 69–70], следовал традициям российского придворного поклонения «живой иконе Бога».

Но раболепие перед монархом, выраженное в панегирических произведениях мыслителя, не стало прологом к забвению им своей миссии просветителя и воспитателя. В стихотворениях «Диалог краткий» [11, с. 66–67], «Стихи к осудару царевичу» [11, с. 42] Симеон Полоцкий вплетал в освященную обычаем церемониальную риторику мысли о мудром, просвещенном и гуманном правителе. В привычной для царя и его окружения форме славословий, приветствий, восхвалений поэт создавал идеальный образ будущего России, пробуждая в московской знати стремление к переменам, восприятию новых взглядов, признанию ценности разума, высокой образованности и безупречной нравственности.

Очевидно, что в фокусе размышлений в ранний период творчества Симеона Полоцкого были не только духовные запросы социальной верхушки, но и культура «безмолвствующего большинства». В стихотворной молитве «Прилог к преподобной матери Евфросинии» [11, с. 77–78] поэт обратился к одному из самых глубоких проявлений народного мироощущения – почитанию праведников. В глазах простонародья

святая покровительница Полоцка играла роль всесильного заступника «малых мира сего», благодетеля, пребывающего в соединении с Богом, защитника родного города и его жителей. Для человека, находящегося у подножия социальной пирамиды, образ святого служил соединительным звеном между миром незримого, непостижимого и потустороннего высшего существа и повседневной земной реальностью, окружающей представителя социальных низов.

Следует сказать, что народное мирочувствие XVII в. не было всецело поглощено мыслями об ублажении святых. С культом святых соседствовала смеховая культура «низового» барокко, которая изобиловала примерами профанации сакральных символов и религиозных персонажей, критики государственных деятелей и священнослужителей, пародии на образцы элитарной культуры.

Так, в сатире Симеона Полоцкого «Виншоване именин пресвященному его милости господину отцу Амфиногену Крыжановскому...» [11, с. 65–66] предметом обличения стал игумен Полоцкого Воскресенского монастыря. В этом произведении мирская стихия вторгается в сакральную сферу, описание возвышенного насыщается натуралистическими деталями, а носитель священного сана приобретает весьма неприглядный облик.

В стихотворной пародии «Стихи утешные к лицу единому» [11, с. 25–26] Симеон Полоцкий использовал средневековую традицию шутовства. Главным героям этого произведения стал сам автор, обыгрывающий основной парадокс шутовского мировосприятия, провозглашающий шута единственным обладателем истинной мудрости в мире человеческой глупости, зависти и абсурда [5, с. 305]. В XVII в. смеховая культура нередко становилась последним интеллектуальным убежищем перед лицом грозной, непредсказуемой и трагической реальности. Поначалу добродушное иронизирование автора над собой постепенно сменяется горькими размышлениями интеллектуала эпохи барокко,

лишенного надежды на обыкновенное земное счастье, на стабильное, безопасное и благополучное существование.

Именно поэтому у современников Симеона Погоцкого, живущих в атмосфере ожесточенных социальных потрясений, религиозных конфликтов и войн, должны были вызвать сочувственные отклики такие его поэмы, как «Desperatia króla szwedzkiego» («Отчаяние короля шведского») [11, с. 198–209] и «Król szwedzki oficerów swych szuka» («Король шведский офицеров своих ищет») [11, с. 209–214], посвященные событиям Северной войны 1655–1660 гг.

В этих стихотворениях созданная поэтом картина бесмысленности происходящего проникнута не только духом ренессансного пацифизма, но и острым чувством незащищенности человеческой жизни, мотивом безнадежности человеческого существования. В авторских размышлениях о силах, правящих миром, упование на Бога уступает место суждению о покорности Судьбе. Отчаяние и утрата надежды рождают обращение за помощью к всесильному Дьяволу, являющемуся последней спасительной инстанцией.

Завершая наше путешествие по страницам раннего творчества Симеона Погоцкого, мы не можем не отметить его главную черту – мировоззренческую полифонию. Она стала отражением мятущегося, беспокойного, переменчивого духа эпохи барокко, исполнявшей свою историческую миссию культурного моста между Средневековьем Старого Света и Европой Нового времени.

Для восточнославянского мира внутренняя напряженность культуры барокко имела еще более высокую степень, нежели на его духовной родине. В умственной лаборатории отечественных интеллектуалов западные идеи редко сохраняли неизменный вид, приобретая новый облик под влиянием местных традиций мышления и культурного канона.

Творчество Симеона Погоцкого стало венцом интеллектуальных трудов нескольких поколений восточнославянской культуры.

вянских книжников, развивавших идею синтеза культур Запада и Востока Европы. Духовная почва, взрастившая литературный талант белорусского мыслителя, была как нельзя более благоприятна для формирования книгочая и любомуудра. Особую роль в становлении мировоззрения Симеона Полоцкого сыграли Киево-Могилянский коллегиум и братская община Полоцкого Богоявленского монастыря. Профессора киевской альма-матер юного белоруса Сильвестр (Коссов), Иосиф (Кононович-Горбацкий), Иннокентий (Гизель), Лазарь (Баранович), Игнатий (Иевлевич) дали поэту уроки искусного сопряжения культурных ценностей западной цивилизации и православной духовности. Вступая в интеллектуальное соперничество с идеями Контрреформации, киевские мыслители не расставались с идеалами европейской «республики ученых», отдавая все свои духовные и жизненные силы делу устроения универсальной христианской картины мира.

Мировоззренческий стиль барокко, отразивший дерзновенное желание человеческого разума проникнуть во все тайны творения божественного Логоса, отвечал этим устремлениям наилучшим образом. Мышление барокко чутко улавливало новые веяния времени, проникаясь и духом первых ростков капитализма, и страстью научных достижений, и пафосом великих географических открытий. Но оно не отрекалось и от культурного наследия минувшего. Мыслители эпохи барокко черпали свое творческое вдохновение в трудах античных авторов, придавали новые смыслы традиционным символам Средневековья – «мир – книга»; «мир – живописное полотно»; «Творец мира как художник». Но мироощущение барокко, отражая стремление его теоретиков к беспрестанному расширению границ творческой свободы, рождает символ «писатель как творец мира». Литература, искусство, наука, философия расценивались теоретиками барокко как воплощение созидательных актов людей, уподобляющих человеческое творчество

акту божественного творения. Поклонники стиля барокко полагали, что люди, погруженные в глубины духовного универсума, достигшие необъятной учености, владеющие широчайшим сводом знаний, – это «аристократы духа», «властители дум», духовные учителя, обладающие ключами от врат будущего человеческой цивилизации. «Также называет Господь Христос святых апостолов, – писал Симеон Полоцкий в “Жезле правления”, – а через них и всех архиереев, “Вы – свет мира” [Матф. 5 : 14] по той причине, что как солнце освещает Вселенную своими лучами, так и епископы своим учением и благочестивым толкованием Божественного Писания освещают разумы словесного стада, изливая на него свет. Называет и солью: “Вы – соль земли” [Матф. 5 : 13], ибо как всякая пища теряет сладость от соли, так духовный хлеб слова Божия приобретает сладость от архиерейского учения» [12, с. 83–84].

В своем последнем поэтическом труде «Вертоград многоцветный» (1676–1680) Симеон Полоцкий в стихотворении «Вера и дела» провозгласил, в чем он видел смысл своей жизни [15, с. 196–199]. Свет знаний, озаряющий ум мудреца, должен осенить души всех христиан, поэтому просветительское подвижничество, формирование «совершенного человека, на всякое дело уготованного» [10, л. 55–56], объявлено мыслителем главной миссией знатока культуры.

Творчество Симеона Полоцкого стало духовной основой для развития идей сближения православного мира и западнохристианской цивилизации, религиозного и социального компромисса, уважения культурной самобытности, совершенствования человека и общества. Его деятельность явилась блистательным продолжением традиций отечественного просветительства, представленного именами таких знаменитых уроженцев родного города белорусского мыслителя, как Евфросиния Полоцкая и Франциск Скорина.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Голубев, С. Т.** Отзыв о сочинении В. О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в. – I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича» / С. Т. Голубев // Записки Императорской академии наук по ист.-филол. отд.-нию. – 1902. – Т. 6, № 2. – С. 87–137.
2. **Государственный Исторический музей.** Отдел рукописей. Синодальное собрание. – № 731.
3. **Конон, В. М.** От Ренессанса к классицизму (Становление эстет. мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв.) / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 156, [2] с.
4. **Ничик, В. М.** Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII века / В. М. Ничик. – Киев : Наукова думка, 1978. – 298 с.
5. **Панченко, А. М.** Парадоксы русской истории / А. М. Панченко. – Санкт-Петербург : Союз писателей Санкт-Петербурга : Журнал Звезда, 2012. – 501, [2] с.
6. **Панченко, А. М.** Русская стихотворная культура XVII века / А. М. Панченко. – Ленинград : Наука, 1973. – 280 с.
7. **Речь от Пречестного Господина, отца Игнатия Иовлевича с братиею, Игумена монастыря Богоявленского Братского Полоцкого, за Борисоглебским монастырем в поле, в день субботний пред вечернею, Июля 5 дня 1656 года, при въезде во град Полоцек Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексия Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, говоренная // Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российкия касающиеся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. – 2-е изд. – Москва : В Тип. Компании Типографической, 1788. – Ч. 3. – С. 309–312.**
8. **Речь от Пречестного отца Игнатия Иовлевича, со братиею, Игумена монастыря Богоявленского Полотского, на въезд вторичный из-под Риги в Полотск Его Царского Величества, Государя Царя, Алексия Михайловича, за Полотском в поле, Октября 12 дня тогож 1656 года говоренная // Древняя Рос-**

сийская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российкия касающиеся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. – 2-е изд. – Москва : В Тип. Компании Типографической, 1788. – Ч. 3. – С. 316–318.

9. **Российский** государственный архив древних актов. Собрание Синодальной типографии. – Ф. 381. № 1800.

10. **Симеон** Полоцкий. Вечеря душевная / Симеон Полоцкий. – Москва : Тип. Верхняя, 1683. – [1] тит. л., 1–8, [1] грав., 1–522, 1–2, 1–182 л.

11. **Симеон** Полоцкий. Вирши / Симеон Полоцкий. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 446, [1] с.

12. **Симеон** Полоцкий. Жезл правления = Посах кіравання = The Governing Grosier / Симеон Полоцкий. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2013. – 398, [1] с.

13. **Того ж** года, Октомврия 30 дня, прииде весть о перемирии людей Польских и Литовских с Русскими, по съезде, бывшем под Вильною, на нем же Царь православный, Алексий Михайлович (и наследники Его), избран на Королевство Польское, и Великое Княжение Литовское, и проч. да по смерти Казимира Короля, сам, и наследники Его, вечно державствуют... // Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российкия касающиеся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. – 2-е изд. – Москва : В Тип. Компании Типографической, 1788. – Ч. 3. – С. 319–322.

14. **Łużny, R.** Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII–XVIII ww. / R. Łużny. – Kraków : Nakł. Un-ta Jagiel., 1966. – 172 s.

15. **Simeon Polockij.** Vertograd mnogocvětnyj / Simeon Polockij ; ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Foreword by Dmitrij S. Lichačev. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1996. – Vol. 1 : “Aaron” – “Dětem blagoslovenie”.

Граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви «Период переосвящения» (1656–1667)

Калечиц И.Л.
(г. Минск, Республика Беларусь)

Полоцкие граффити, которых в настоящее время в полоцкой Спасо-Преображенской церкви найдено около 4 тыс., четко распределяются по пяти временным периодам. Первый из них начинается со времени постройки храма в XII в. и длится до захвата города войсками Ивана Грозного. Этот период можно условно назвать «монастырским». Второй, который прослеживается по датированным граффити, начинается в 1578 г. и заканчивается в 1584 г., судя по датированному списку воинов, процарапанному слева от царских врат, обозначен нами как «период воинов и наемников». Затем идет «иезуитский» или «школьярский» период, который заканчивается в 1820 г. Время от 1820 г. до появления самого позднего граффити, датируемого 1842 г., названо нами «периодом восстановления». «Школьярский» период разбивается отрезком времени, условно названным нами «периодом переосвящения». Начало его связано с переосвящением церкви, а окончание – подписанием Андрусовского перемирия.

В 1654 г. в Полоцк вступили войска Алексея Михайловича и деятельность иезуитов на территории монастыря прекратилась. Церковь Спаса была переосвящена в Спасо-Преображенскую 9 июля 1656 г. Изначально предполагалось, что граффити, которые начинают процарапываться с этого времени, должны быть представлены надписями на кириллице. Однако их изучение дало не совсем ожидаемые результаты. Систематизация граффити показала, что в храме есть записи этого периода, и они делятся на две группы: автографы и молитвы. Первая группа определяет-

ся точно, ее можно выделить и проследить по годам, обозначенным в надписи. Молитвенные и поминальные надписи предположительно относятся к этому периоду. В них в силу их характера год не указывался.

Большинство надписей составляют автографы. Они ничем не отличаются от граффити конца XVI – начала XIX в., то есть состоят в большинстве своем из имени, фамилии и года. Иногда такого рода надписи представлены монограммами. Изредка записывается точная дата – день и месяц написания автографа.

Рассмотрим датированные автографы по годам их написания. Первый год этого периода (1656) мы берем условно, потому что не знаем, было ли граффито процарировано до или после переосвящения храма. Так, первый автограф из рассматриваемых нами записывался в течение нескольких лет. Он был начат в 1656 г., а последняя запись была сделана в 1677 г. Граффито читается как¹ |Кали/ст/
Лапи/ц/кї 1656²| 1671³ | 1672 1673 1677 Kalist. Надпись начинается именем автора на кириллице, а заканчивается его же именем, но уже на латинице. Граффито находится на северной части четырехгранника северо-западного столба. Еще одна надпись находится на противоположном, юго-западном, столбе и читается как «Heraty mysla 1656». Слева от царских врат есть, предположительно, женский автограф, записанный по-польски: ¹|Ro 1656 Mroz²|zicka. Таким образом, в 1656 г. были оставлены три автографа: два из них по-польски, один кириллицей, но позже был продолжен на латинице.

Автографов, записанных в 1657 г., сохранилось больше. Некоторые из них процарированы в так называемом верхнем ярусе церкви – на хорах и в кельях.

Так, например, автограф Александра Буллгака на латинице был процарирован на северной стене северного рукава северного компартимента в 1657 г.: ¹|Alexan: ²|der ³| Bullhak ⁴| A D 1657 – Александр Буллгак, год 1657. Надпись

Jan Sitnianowicz 1657 – Ян Ситнянович, 1657 находится на западной стене южного рукава южного компартимента. Фрагмент автографа, принадлежащего Самуилу Сварацкому, находится на восточной стене хор: ¹|Samuel Swar[----] ²| Anno 1657. Несколько надписей есть и в нижнем ярусе. Это, например, монограмма: Ano 1657 B.S., расположенная на южной грани юго-восточного столба, и автограф Leon Bonicz 1657 Awg 8 – Леон Бонич, 1657, 8 августа, процарапанный на восточной грани юго-западного столба. Интересное по содержанию граффито находится на северной стене алтаря. Оно уже публиковалось ранее [2, с. 148–149]. Двойственность прочтения осталась и после более тщательного изучения граффито. Надпись можно прочитать следующим образом: ¹|Рокъ, ахнз ²| священ/н/оиню/к/ Кали/ст/ ³| сове/ρ/ша/л/ съ/д/ъ [ρ]езню – «В 1657 году священноинок Каллист совершил здесь резню». С одной стороны надпись можно рассматривать как автограф, который оставил священноинок Каллист. «Резня» – прорезывание букв по штукатурке. С другой стороны, возможно, здесь упоминаются события, связанные с личностью Каллиста Дорофеевича-Риторайского, полоцкого епископа с 1656 по 1662 г., с именем которого связывают разрушение иезуитского костела: он велел разломать деревянный костел, а из дерева построить себе дворец. Епископ известен «репрессиями» не только «против иноверцев», но и против православных. В апреле 1659 г. он посадил в тюрьму пятерых законников, которые участвовали в получении от патриарха Никона привилея на ставропигию Полоцкого Богоявленского монастыря [1, с. 193]. Вполне вероятно, что на территории резиденции иезуитского ордена, куда входила и Спасо-Преображенская церковь, также происходили какие-то «активные действия», связанные с личностью данного епископа.

Таким образом, 1657 г. датируются пять надписей, они процарапаны в нижнем и верхнем ярусе, только одно

из граффити процарапано на кириллице, и оно находится в алтаре.

Две надписи, датируемые 1658 г., находятся на столбах. Это граффито Арсения Краснодубца, расположенное справа от автографа Калиста Лапицкого на четырехграннике северо-западного столба: ¹|((A)r)senius Krasnodubec ²| 1658. Особенностями надписи являются написание первых двух букв имени в виде лигатуры, буква d фамилии повернута в другую сторону. Другое граффито(¹|Ions kukszyn ²| A 1658) находится на западной грани юго-восточного столба.

Несколько надписей датируются 1659 г., одна из них, на латинице (¹|Konstanty ²| Zaba ³| Ao 1659) процарапана на западной грани юго-западного столба. Остальные граффити находятся на западной грани северо-восточного столба и расположены в непосредственной близости. Первое из них представляет наибольший интерес. Оно читается как: ¹|na sim Mestu [w] 21 dnia Sbrā A 1659 ²| z Preoswiecony/m/ Ео^м М Oyce/m/ ArchiEpiskope/m/ Pl – на этом месте 21 сентября 1659 г. с преосвещенным его милостью отцом архиепископом п(о)л(оцким) (рис. 1). Далее идут два намеренно зацарапанных фрагмента надписи и продолжение граффито, которое сочетает кириллицу и латиницу: **многогре/ш/ны/и/** Р. Kuharsky. Вероятно, архиепископ, упомянутый в

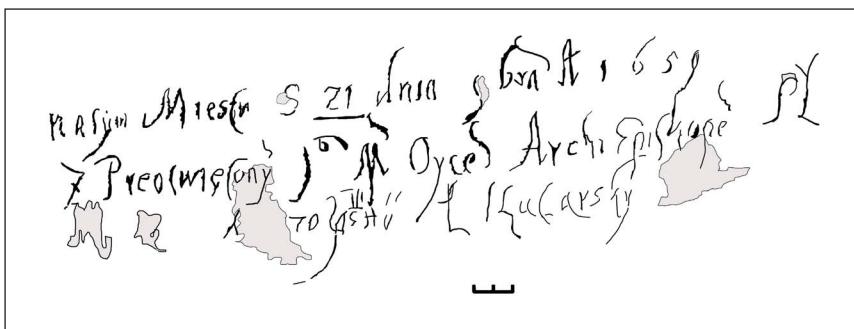

Рис. 1

ГРАФФИТИ ПОЛОЦКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ «ПЕРИОДА ПЕРЕОСВЯЩЕНИЯ»

граффито, – это Каллист Дорофеевич-Риторайский. Сложно представить, что в православной церкви в это время мог оказаться католический или униатский архиепископ. Слова «преосвященный отец» несомненно относятся к православному архиепископу.

Под данным граффито находится запись, процарапанная ранее, в июле: В. Prasolowicz 1659 Juli (рис. 2). Справа от данной надписи процарапано граффито, которое по всей вероятности, соотносится с граффито об архиепископе: ¹|Paweł Okuszka ²| того/ж/ числа – Павел Окушка того же числа (рис. 3). Обращает на себя внимание написание в обеих граффити, где сочетается кириллица и латиница, имени и фамилии на латинице, а остального текста – на кириллице.

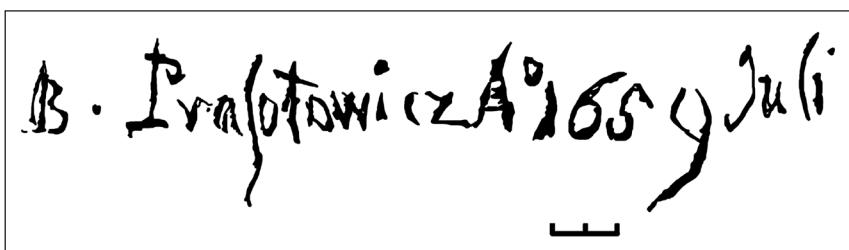

Рис. 2

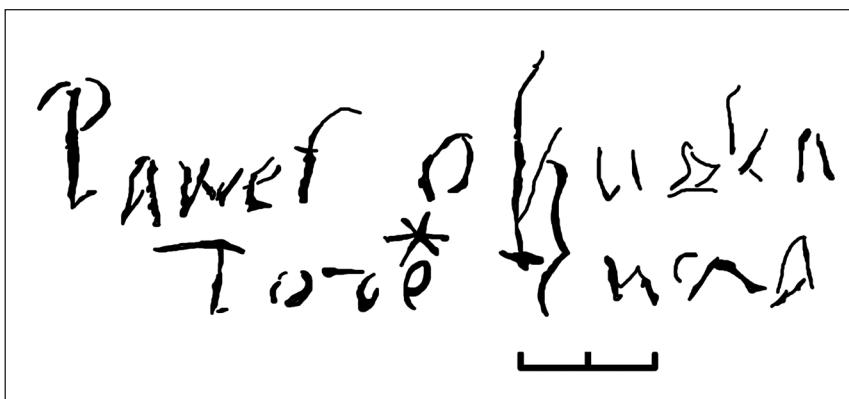

Рис. 3

Надписей, датируемых 1660 г., в храме пока не найдено. А вот все граффити, датируемые 1661 г., выполнены рукой одного человека. Это автографы Гелиаша Шевердзица, который оставил наибольшее суммарное количество надписей в храме. Его автографы есть как на верхнем, так и на нижнем ярусе церкви. Датированных из них три. Первая надпись находится на юго-восточной грани юго-западного столба, в нем не записаны имя и фамилия. Однако по почерку и манере письма можно установить, что этот автограф принадлежит Гелиашу. Граффито читается как ¹|Ao Dni 1661 ²| 15 marca – год 1661, 15 марта. На западной грани этого же столба он записал такую же дату, но уже с автографом: ¹|Ao Dm ²| 1661 mscia marca ³| dnia 15 ⁴| Heliasz Szewe/r/dzic – В год 1661, месяца марта 15 дня, Гелиаш Шевердзиц. На соседнем юго-восточном столбе, на западной грани, есть еще один его датированный автограф: A 1661 Heliasz Szewerd/.

Пояснение, данное самим автором, рассказывает, для чего он приходил в храм. На том же столбе, но уже на южной грани, есть два граффити, одно из которых читается как ¹|Helliasz Szewerdzic mp Fuit hic ²| за odpuszczennie hrechow swo[ih] – Гелиаш Шевердзиц собственноручно, тут был за отпущением грехов своих (для прощения грехов) (рис. 4). Надпись процарпана очень тонкими поверхностными линиями, вероятно, иглой, ее вторая строка практически не

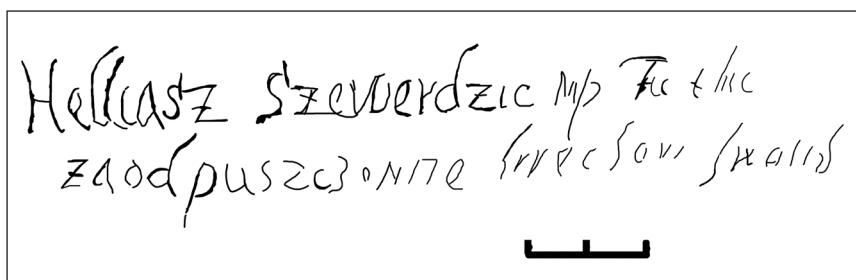

Рис. 4

читается. Вторая надпись расположена выше. Она читается как H S Fuit hic pescata – Г(елиаш) Ш(евердиц) был тут (грешный) (рис. 5).

Таким образом, на латинице записаны не только дата, имя и фамилия автора, но и причина, по которой человек пришел в храм.

Граффити 1662 г. есть на северной стене западного рукава: |Basilius²| Ioannes Harbuz³| Ano Dm 1662. Интересно, что им же восемнадцать лет спустя, в 1680 г., оставлен еще один автограф, но уже на восточной стене лестницы. Там же, на восточной стене лестницы, в 1662 г. оставил автограф Людвик Дорогинич: ¹|Ludwik²| Dor/o/h/inicz³| Ano 1662.

Довольно необычная надпись с автографами двух человек определяет какой-то промежуток, возможно, время совместной учебы: ¹|Michał Szpakowicz²| Paulus Karczewsky³| 1662–1669. Данное граффито процарпано в 1669 г. на западной стене южного рукава южного компартимента. Граффито, последняя цифра даты которого испорчена, находится на северной стене алтаря. Оно читается как 1662/7 Jerzy Wiskowsky – 1662 (1667) Ежи Висковски. Год, 1662 или 1667, вписывается в выделенный нами временной интервал.

Граффити, датируемых последующими двумя годами, пока не найдено, зато 1665 г. представлен тремя надписями. Одна из них находится на западной стене южной арки хор и читается как ¹|Kazimierz²| Buuywinsky³| A 1665 – Казимеж Буйвински, год 1665. Вторая процарпана на восточной грани юго-восточного столба и читается как ¹|Andrzey Wo²|iewodzky³| M cze 9 A 1665. Граффито имеет точную дату – 9 июня 1665 г., оно заключено в рамку, процарпанную вокруг надписи. На западной грани подкупольно-

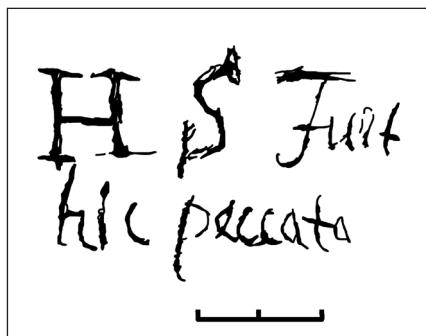

Рис. 5

го столба, около царских врат, также есть автограф этого года: ¹|Tieorus ²| Grobow Ao 1665.

Надпись, датируемая 1666 г., только одна. Она практически не сохранилась. Правая часть безвозвратно утеряна из-за выбоины в штукатурке. В прямоугольную рамку вписан автограф, который читается как ¹| [- - - -]ns ²| [- - - -]ewicz ³| A□no D 66.

По Андрушовскому перемирию Погост вошел в состав Речи Посполитой в 1667 г., поэтому последний год для рассматриваемого периода, 1667, мы берем условно, так как не знаем точно, принадлежала ли церковь православной конфессии во время написания граффито. Это касается автографа Андрея Войцеховича, где присутствует только год: Andreas: Woyciechowicz Anno 166/7, процарапанного на восточной стене южного рукава южного компартимента и граффито An. MC. 1667, процарапанного на восточной стене алтаря. Автограф ¹|Kristopher Sztrunk ²| Anno 1667 ad 1671., процарапанный на южной грани юго-восточного столба был записан в 1671 г., однако 1667 г. указывается в нем как начало какого-то определенного временного интервала, возможно, начала и окончания учебы.

Еще одна надпись была процарапана после заключения перемирия и датируется 15 мая 1667 г.: [Johanes] Wno[ro]wicz 1667 maia 15. Это граффито находится на северной стене диаконника. Таким образом, все граффити, датируемые 1667 г., записаны латиницей.

Еще одна группа представлена поминальными и молитвенными надписями. Большинство из них находится на северной грани северо-восточного столба. Самым первым записано граффито-обращение к Богу на кириллице и латинице: ¹|Помени ²| Го/с/поди ³| Pomin Hospody. Ниже другой рукой записаны имена, однако второе граффито может быть продолжением первого: R. Hryksu N. Jakub – помяни(?) (или пана(?) Гриксу, небожчик(?) Якуб. Еще ниже находится молитвенное прошение, записанное уже рукой

ГРАФФИТИ ПОЛОЦКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ «ПЕРИОДА ПЕРЕОСВЯЩЕНИЯ»

третьего человека: ¹|J Myloscie Jezefa ²| Jana Bene/[di]kta Joana ³| Antoniya Car Niebie ⁴| duszy ich izbav – *Его милости Езефа, Яна, Бенедикта, Иоана, Антония кар небесных души их избавь* (рис. 6). На восточной стене алтаря есть список имен поминаемых людей, процарапанный очень тонкими поверхностными линиями: ¹|Feodor ²| Hanna ³| Ulia ⁴| Anufia ⁵| Wincentya – *Федор, Ганна, Улия, Ануфия, Винцентия*. Имя *Винцентия* нет в православных святыцах. Остальные имена могут быть как православными, так и католическими. Данные надписи могли быть оставлены за живых или умерших людей. По палеографическим признакам граффити датируются XVII в. Мы можем только предположить, что они были оставлены в то время, когда в храме совершались православные богослужения. В результате археологических исследований было выявлено большое количество погребений. Возможно, некоторые из имен, записанных в граффити, принадлежат людям, захороненным около храма, что было бы вполне логичным.

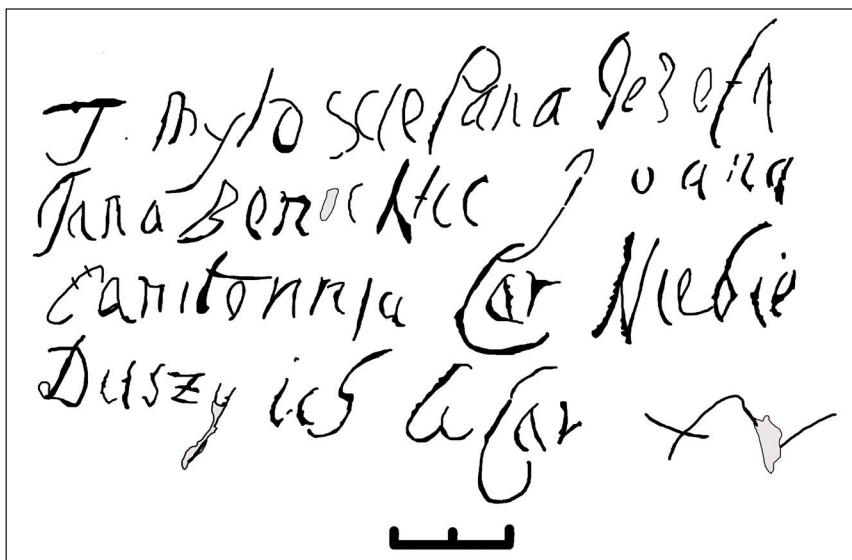

Рис. 6

Таким образом, мы видим, что даже после переосвящения церкви и во время проведения в ней православных богослужений, в храме продолжают появляться автографы на латинице. Они процараются везде, как в нижнем, так и верхнем ярусах храма, что говорит о сравнительно легкой доступности практически всего пространства храма в это время. В алтарной части – кириллическая надпись и автографы 1667 г.

Подавляющее большинство граффити этого периода – надписи на латинице. Они практически ничем не отличаются от автографов предыдущего и последующего столетий.

Мы видим, что польский язык и латиница прочно вошли в это время в письменную практику людей. Об этом свидетельствуют две надписи на северо-восточном столбе, в которых имена и фамилии привычно записываются латиницей, а пояснения к ним – слова «многогрешный» и «того же числа» – кириллицей. Даже при использовании в надписи кириллицы автограф более привычен в написании латиницей. В то же время, причину своего прихода в храм Гелиаш Шевердиц записывает на латыни и польском. Так же записываются и молитвенные просьбы за определенных людей, и поминальный список в алтаре. Все это свидетельствует о том, что польский язык во второй половине XVII в. настолько прочно вошел в употребление, что он служит не только для самоидентификации, но и для молитвенного общения с Богом в православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Баўтовіч, М. М.** Епархі Полацкай праваслаўнай епархii часоу «Патопу» (спроба групавога партрэту) / М. М. Баўтовіч // Полацкі музейны штогоднік (зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НПГКМЗ], 2015. – С. 193–205.
2. **Калечыц, І. Л.** Эпіграфіка Беларусі X–XI стст. / І. Л. Калечыц. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 271 с.

ЧАЛАВЕК ІНШАЙ ВЕРЫ Ў МЕМУАРЛЯХ МІКЛАЛЯ КРЫШТОФЛ РЛДЗІВІЛА І СЛІЛМЕІ ПЛЫШТЫНОВАЙ

Комлік М.А.
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Праблемы адносін да рэлігіі, а таксама ўспрымання іншай веры і людзей, якія яе вызнаюць, становяцца ўсё больш актуальнымі ў сучасным глабалізаванным свеце. У першую чаргу гэта датычыць краін постсавецкай прасторы. Пасля дзясяткаў гадоў гвалтоўнага адчужэння ад веры людзі паступова пачынаюць шукаць шляхі да ўласнага, самастойнага разумення глыбокага сэнсу рэлігіі, аднак па інэрцыі часта захоўваючы некаторы скептыцызм. На нашу думку, у такой сітуацыі варта звярнуцца да вопыту людзей мінулага, здзейсніць падарожжа ў іншыя часы, калі для большасці вера была адзіным маяком, які натхняў, супакойваў і даваў магчымасць развівацца. І чалавек таго часу ведаў, што свято гэтага маяка не згасне нават на вялікай адлегласці.

У гэтым рэчышчы для беларускай культурнай прасторы каштоўнай спадчынай з'яўляюцца помнікі паломніцкай літаратуры. З часоў Сярэднявечча да нас дайшли хаджэнні – апісанні паломніцкіх пілігрымак у Святую зямлю. Да кантэксту даўняй беларускай літаратуры традыцыйна адносяць «Хаджэнне ігумена Даніла», «Хаджэнне архімандрыта Графенія», «Хаджэнне Ігнація Смаляніна ў Царград» і інш. І самі гэтыя падарожжы, і іх апісанні былі накіраваны на паглыбленне ведаў па гісторыі сваёй веры, на ўдасканаленне ў ёй, але перадусім – на пазнанне самога сябе. Пераадоленне перашкод на шляху, сутыкненне з унутранымі і знешнімі канфліктамі ўспрымалася як спосаб

самавыхавання і спробы знайсці галоўнае, каб адкінуць дадатковае.

Адметным помнікам паломніцкага падарожжа з'яўляецца мемуарны твор «Перагрынацыя, або Паломніцтва яснаасветленага князя ягамосці Мікалая Крыштофа Радзівіла ў Святую зямлю». У ім апісваецца паломніцкае падарожжа князя Мікалая Крыштофа Радзівіла Сіроткі, якое ён здзейсніў у 1582–1584 гг. Польскамоўны тэкст, напісаны самім яснавяльможным князем, быў апублікованы толькі ў пачатку XX ст. Рэдакцыю гэтага помніка, якая набыла агульнаеўрапейскую вядомасць, стварыў вучоны езуіт Тамаш Трэтэр на лацінскай мове. У XIX ст. ксёндз Анджэй Варгоцкі пераклаў лацінскі тэкст Трэтэра на польскую мову, а Сяргей Шупа стварыў сваю беларускамоўную версію «Перагрынацыі» на падставе гэтага перакладу.

Менавіта Тамаш Трэтэр выбраў для апісання паломніцкага падарожжа М.К. Радзівіла ў Палесціну і Егіпет арыгінальную літаратурную форму – лісты да сябра, у якіх ён не толькі дае падрабязныя апісанні прыродных і культурных багаццяў святых мясцін, але і выказвае ўласныя ўражанні і меркаванні, робячы аповед больш асабістым і шчырым.

Ужо пазней, у XVIII ст., з'явіцца мемуарны твор Саламеі Рэгіны Пільштыновай (Русецкай) «Пададзенае свету рэха заняткаў, падарожжа і жыцця майго авантураў на чесць і хвалу Пану Богу, у Святой Тройцы Адзінаму, і самой Святой Маці Хрыста, Пана майго, і ўсім святым», вядомы сучаснаму чытачу паводле перакладу на беларускую мову М. Хаўстовіча пад скарочанай назвай «Авантуры майго жыцця». Твор апісвае падарожжа лекаркі Саламеі Пільштыновай па землях Асманскай і Расійскай Імперый, а таксама ў краіны Еўропы. У 1760 г. са Стамбула жанчына накіравалася паломніцай у Святую зямлю, у яе планы ўваходзіла наведванне Палесціны і Егіпта. Аповед «Авантур» рэзка абryываеца і дагэтуль лёс аўтаркі застаецца невядомым.

Падчас падарожжа і Мікалай Крыштоф Радзівіл, і Саламея Пільштынова не раз сутыкаюцца з проблемай шматлікасці нормаў і каштоўнасцей, харктэрных для іншых народаў і адрозных ад звыклых аўтарам. Часта светабачанні і традыцыі прадстаўнікоў іншых веравызнанняў становяцца незразумелымі пісьменнікам, што патрабуе ад іх перадолення этнацэнтрычнага і рэлігіяцэнтрычнага мыслення, падчас чаго адбываеца працэс успрымання і асэнсавання асаблівасцей, якія належаць рэлігійнай або канфесійнай парадыгме Іншага.

Так, у сюжэтнай перспектыве «Перагрынацыі» М.К. Радзівіла назіраеца некаторая трансфармацыя поглядаў аўтара на замежную рэчаіснасць. На пачатку свайго падарожжа аўтар, сутыкаючыся з разбойніцкім нападамі арабаў і туркаў, засяроджвае ўвагу чытача на бязлітаснасці, харктэрнай для гэтых народаў. У тэксце перакладу «Перагрынацыі» на сучасную беларускую мову Сяргея Шупы часта ўжываеца слова «паганцы». Аднак з кантэксту застаеца незразумелым, маюцца на ўвазе арабы, туркі ці ўсе іншаверцы, якія не з'яўляюцца хрысціянамі. Акрамя того, аўтар відавочна не надзяляе слова «паганцы» негатыўным значэннем, нібы імкнучыся выключна за сведчыць наяўны факт. Ужыванне выразу «паганцы» ці блізкага да яго можа тлумачыцца спецыфікай аўтарскага пазіцыянавання або прынятай у той час традыцыяй абазначэння людзей іншай веры. Дадзены аспект патрабуе дадатковага даследавання шляхам больш глыбокага вывучэння культурных асаблівасцей эпохі, а таксама звароту да арыгінальнага тэксту помніка.

З іншага боку, аўтар апісвае шмат сітуаций, калі туркі прыходзілі яму на дапамогу. Так, у падарожжы Мікалая Крыштофа Радзівіла дзеля аховы суправаджалі некалькі янычараў (салдаты асабістай арміі султана), знаходзячыся з ім побач амаль увесь час, што таксама сведчыць пра ўзаемны давер паміж князем і іншаверцамі. Не аднойчы

на шляху князя сустракаліся мусульмане, якія выклікалі ў аўтара сімпатыю. Так, правёўшы невялікі час у дарозе з выпадковымі спадарожнікамі-туркамі, М.К. Радзівіў адзначаў, што пазней іх слугі «калі нас у Дамашку дзе сустракалі, праводзілі нас, людскасць выяўляючы» [4, с. 197].

Таксама М.К. Радзівіл звяртае ўвагу на арабска-турэцкія канфлікты, якія настолькі невырашальныя, што нават хрысціянам часам прасцей вызваліцца з арабскай няволі: «<...> арабы, як ужо пісалася, да туркаў літасці не маюць і лягчэй хрысціянаў, чым іх, вольна адпускаюць» [4, с. 212–213].

Шмат увагі ў «Перагрынацьі» надаецца мірнаму сусідаванню розных рэлігій і канфесій. Так, па дарозе ў Святую зямлю, праязджаючы праз Кандыю (тагачасная назва вострава Крыт), М.К. Радзівіл прымае ўдзел у належэнстве ў адным з мясцовых касцёлаў, дзе знаходзіліся адразу два алтары: «Тамсама пасярод касцёла калі другога алтара імша па-грэцку адпраўлялася. Бо ж даўнімі дэкрэтамі айцоў Святых папаў тое прадугледжана і загадана, каб у некаторыя святы ўрачыстыя ўрад і кіраўніцтва гэтае выспы на літургіі Грэцкай прысутнічалі, што і іншым католікам бяспечна чыніць і ў Грэцкія храмы хадзіць належыць, калі няма касцёлаў паводле нашага абраду» [4, с. 185].

У Іерусаліме Мікалай Крыштоф Радзівіл сутыкаеца з адметнай культурнай асаблівасцю. У святых мясцінах ён знаходзіць вялікую колькасць рэлігій і канфесій, вернікі якіх маюць права наведаць спецыяльна адведзеную для іх рэлігіі ці канфесіі капліцу. Так, паломнікі свабодна візнаюць сваю веру, адначасова знаходзячыся побач з прадстаўнікамі іншых вер.

Шматлікія гісторыі, якія апавядываюць князю спадарожнікі, сведчаць пра тое, што большасць людзей імкнецца не да вядзення рэлігійнай барацьбы, а да пошуку шляхоў да паразумення.

Так, М.К. Радзівіл пераказвае гісторыю татаркі-паломніцы, якая прыехала ў Святую зямлю, каб ушанаваць адразу двух Прарокаў – Ісуса Хрыста і Магамета: «За тры месяцы да нашага прыезду ў Дамашак <...> прыехала была сюды нейкая татарка, якую царыцай Азійскаю называлі, маючы пры сабе чатыры тысячи татараў. То ж яна спачатку ў Бэтлеем, а пасля і ў Мекку, дзе магіла Магаметава, на набажэнства ездзіла, хочучы тыя мясціны наведаць, з якіх у адной Прарок вялікі нарадзіўся ад Панны, а ў другой таксама Прарок вялікі пахаваны ляжыць» [4, с. 197–198].

М.К. Радзівіл сустракае шмат прадстаўнікоў іншай веры, якія цікавяцца набажэнствамі розных народаў. Так, аднойчы ўвайшоўшы ў царкву, аўтар пазнаёміўся там з маладым армянінам, сынам біскупа: «Калі я трэці раз у царкву ўвайшоў з законнікамі, седзячы з сынам адным нейкага біскупа армянскага, гаварыў з ім праз тлумача, дык той, пачуўшы, што мы з далёкіх краін прыйшлі, шмат са мною пра набажэнствы розных народаў у гэтых мясцінах гаварыў і пытаяўся, як мне тое падабалася. Адказаў я, што падабаецца. Бо хоць рознымі мовамі і абрацамі, але ж аднаго Господа Бога хваляць» [4, с. 276–277].

Здзейніўшы запланаванае падарожжа, М.К. Радзівіл выпраўляеца ў адваротны шлях, трапляючы на адзін карабель з туркамі і арабамі ў час вялікага масульманскага посту Рамадан, які прадугледжвае адмаўленне ад ежы і пітва напрацягу дня, да моманту заходу сонца: «А як таго дня вераснёўскі маладзік меўся туркам паказацца, янычары, якіх мы з сабою трох мелі, ды арабаў паезднікаў або маракоў дваццацёра, цэлы дзень не еўшы, прасілі нас: як самі яны ўбачыць не маглі, дык каб мы, як толькі заўважым, адразу ім паведамілі. То і сапраўды неўзабаве далі мы ім знак, за што яны нам з радасцю дзякавалі» [4, с. 363].

Багатую інфармацыю з пункту гледжання камунікацыі з прадстаўнікамі іншай веры прадстаўляе помнік

XVIII ст. «Авантуры майго жыцця» Саламеі Пільштыновай, якая вялікую частку жыцця правяла ў Асманской Імперыі. У творы асобны раздзел прысвечаны вывучэнню і характарыстыцы веравызнаўчай парадыгмы іслама: «Калі я Богу на славу, а добрым людзям на пацеху чытання распавядала пра асобныя рэчы, якія бачыла альбо пэўнае пра іх чула, дык хачу апісаць тут і пра рэлігію турэцкую так, як ёсьць папраўдзе (а не так, як я ў некаторых кнігах у Польшчы чытала), як з Карана мне чыталі» [5, с. 249].

З мемуараў вядома, што Саламея Пільштынова ў 14 гадоў была аддадзена замуж за нямецкага лекара Якуба Гальпіра, з якім яны адразу накіраваліся ў Стамбул. Гэта значыць, што мемуарыстка з маладых гадоў знаходзілася ў турэцкім асяроддзі. Нягледзячы на тое, што пісьменніца ў моцнай пазіцыі твора (прадмове «Да ласкавага чытача») называе сябе полькай, з агульнага настрою аповеда вынікае, што мусульманская вера не была для яе чымсьці варожым. Яна годна вызнавала каталіцтва, аднак добразычліва ставілася і да мусульман, і да прадстаўнікоў іншых веравызнанняў, з якімі сутыкалася падчас падарожжаў у Расійскую Імперию і Еўропу. Калі ў размове хтосьці даводзіў ісціны сваёй веры, з якімі яна не была згодна, аднак і не была ўпэўнена ў слушнасці сваіх ведаў, Саламея Пільштынова адказвала: «Я гэтamu не пярэчу, але праўды не ведаю» [5, с. 306].

Рыхтуючыся накіравацца ў паломніцтва да святых мясцін, Саламея Пільштынова размясціла ў сваім мемуарным творы невялікі дарожны даведнік, дзе апісала перашкоды, з якімі можа сутыкнуцца паломнік. Адпаведную інфармацыю Саламея засвоіла са слоў сваіх знаёмых. Акрамя таго, аўтарка коратка характарызуе рэлігійныя традыцыі шматлікіх прадстаўнікоў розных веравызнанняў, якія часцей за ўсё наведваюць Святую зямлю. У дадзеных нататках адчуваецца непадробная цікавасць пісьменніцы не толькі да скарбаў Святой зямлі, але і веравызнанняў людзей, якія яе наведваюць.

ЧАЛАВЕК ІНШАЙ ВЕРЫ Ў МЕМУАРАХ МІКАЛАЯ КРЫШТОФА РАДЗІВІЛА І САЛАМЕІ ПІЛЬШТЫНОВАЙ

Разгледжаныя ў рабоце помнікі беларускай літаратуры XVI–XVIII стст. з'яўляюцца не толькі каштоўнымі крыніцамі для вывучэння гісторыі і геаграфіі, традыцый хрысціянскіх і мусульманскіх народаў. Яны сведчаць пра тое, што нават у эпоху барока, калі пісьменства было засяроджана на дыскурсах рэлігійных канфліктаў, літаратары імкнуліся паказаць шляхі да ўзаемапаразумення паміж прадстаўнікамі розных веравызнанняў. Прыведзеныя прыклады з мемуараў Мікалая Крыштофа Радзівіла і Саламеі Пільштыновай сведчаць, што глабальны пошук узаемапавагі паміж цэлымі рэлігіямі і канфесіямі ўнутры іх пачынаецца з імкнення зразумець Іншага.

ЛІТАРАТУРА

1. **Багдановіч, І. Э.** «Перагрынацыя» Мікалая Крыштофа Радзівіла Сіроткі ў літаратурным кантэксце эпохі / І. Э. Багдановіч // Залатая Горка : вершы, пераклады, артыкулы. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 400 с.
2. **Грыцкевіч, В. П.** Адысэя наваградскай лекаркі: Саламея Русецкая / В. П. Грыцкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 53 с.
3. **Мальдзіс, А.** Незвычайныя авантury наваградскай лекаркі / А. Мальдзіс // Авантury майго жыцця / С. Пільштынова ; перакл. М. Хаўстовіча. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – С. 5–16.
4. **Кніга** жыцці і хаджэнняў / уклад., прадм. і камент. А. Мельнікова. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – 503 с.
5. **Пільштынова, С.** Авантury майго жыцця / Саламея Пільштынова. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2008. – 333 с.

ПАБУДОВА ПЕРШАЙ ПАЛОВЫХ ХІІІ СТ. З РАСКОПАК 2016 Г. НА ВЕРХНІМ ЗАМКУ Ў ПОЛАЦКУ

Коц А.Л.

(г. Полацк, Рэспубліка Беларусь)

Верхні замак з'яўляецца цэнтральным гісторычным помнікам Полацка з XI па XVII ст. Ён з'яўляўся адміністрацыйным, культавым і ваенным цэнтрам горада. Культурная напластаванні сведчаць аб актыўным гарадскім жыцці на тэрыторыі Верхняга замка. Археалагічныя раскопкі на Верхнім замку праводзяцца з 1950-х гг. На працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў даследаванні праводзіліся толькі шляхам назірання ўзаўважнення пракладкай камунікацый. Гэта абумоўлена складанасцю арганізацыі і правядзення даследаванняў.

Тым не менш экспедыцыяй Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2016 г. былі праведзены археалагічныя раскопкі ва ўсходній частцы помніка. Раскоп размяшчаўся на вянцы, у межах прыватнага участка, побач з сучасным узвозам. Памеры раскопу 6x8 м (мал. 1:1). Даследаванні 1959–1963 і 1967 гг. паказалі, што ва ўсходній частцы Верхняга замка магутнасць культурнага пласта можа дасягаць 6 м. Магутны культурны слой і яго ўласцівасці захоўваць арганічныя рэчывы вызначаюць унікальнасць Верхняга замка як археалагічнага і гісторычнага помніка. Пляцоўка, якая дамыкае да паўночна-ўсходняга схілу Верхняга замка ніколі даследчыкамі не вывучалася. Раскоп 2016 г. быў даведзены да глыбіні 3,5 м ад дзённай паверхні. На дадзенай глыбіні зафіксаваны пласты XVI – першай палове XVII ст. Далейшыя даследаванні былі спынены з прычыны небяспечных умоў працы.

Галоўным чынам у раскопе былі выяўлены два буйна-маштабныя аб'екты: фрагмент абарончага вала Верхняга

замка і частка драўлянай зрубнай пабудовы першай паловы XVII ст. Выяўленне абарончага вала стала значным адкрыццём. Археалагічных дадзеных папярэднікаў, якія павярджалі б наяўнасць тут вала няма. Візуальна рэшткі вала можна прасачыць на мясцовасці, але на дадзеным участку яны падобныя да насыпаў зямлі, ссунутых пры будаўніцтве гаражоў былой хуткай дапамогі мясцовай бальніцы.

Наяўнасць вала пры схіле замка абумовіла размяшчэнне драўлянай пабудовы на паўночны-захад ад першага. Улічваючы, што вал насыпаны з суглінку, ён з'яўляецца выдатным кансерватарам арганічных рэчываў. Выяўленая драўляная пабудова была маркіравана як 2A. Яна захавалася на 4 вянцы ва ўсходняй сценцы і па 3 вянцы – паўночная і паўднёвая сценкі (мал. 1:2,3).

Падчас узвядзення зруба часткова быў пашкоджаны насып вала, дакладней падсыпка з заходняга боку, яна была скапана. Такім чынам, атрымліваецца, што пабудова пастаўлена паралельна насыпу вала і ўрэзана ў яго схіл паўднёва-ўсходняй (усходняй) сцяной (мал. 1:4). Ніжнє бервяно ўсходняй сцяны на 0,2 м заглыблена ніжэй узору ю падлогі ў слой. Ва ўнутранай прасторы на яго ўзору фіксуецца шмат шчапы і трэсак – гэта слой адыходу будаўнічых матэрыялаў. Відавочна, што глініста-пясчаны слой насыпу вала станоўча ўздзеянічаў на кансервацыю драўляных сцен пабудовы. Падлогай падклета з'яўляўся светла-шэры пясок з украпінамі чорнага, які сфарміраваўся пры падсыпцы вала (узровень умоўнага пласта 18). Ад насыпу вала пабудову аддзяляе траншэя шырынёю да 0,2–0,4 м. Яна запоўнена слоем, які быў выкананы падчас скопвання вала: пераважна гэта светлы пясок з украпінамі чорнага культурнага слоя або светла-шэры слой. Знаходкі з дадзенай траншэі прадстаўлены нешматлікімі фрагментамі керамікі, кавалкамі бярвенняў, дошак і драўлянай паraphнёй. Драўляны брус з сячэннем 9x9 быў выяўлены ў засыпцы траншэі ўздоўж паўночнай сцяны. Падклет раскапаны

часткова – зафіксаваны толькі тры сцяны. Відавочна, ускрыта каля 2/3 часткі ад агульной плошчы будынка. Астаяня частка засталася не раскапанай у паўднёвай сценцы раскопу. Стан захаванасці канструкцыі выдатны. Вуглы рубленыя без астатку ў ластаўкін хвост (мал. 1:5). Па матэрыялах раскопак Віцебска пабудовы, рубленыя ў «чысты вугал» з'яўляюцца на мяжы XV–XVI стст., і іх распаўсюджанне прыпадае на перыяд XVI–XVII стст. Прычым дамы з «малым астанцом» і ў «чысты вугал» з'яўляліся пераважна ніжнімі паверхамі дамоў і былі заглыблены ў глебу [1, с. 34].

Бярвенне, з якога рублена пабудова 2А, зачэсанана ў выглядзе брусоў, вышыня якіх да 30–35 см пры шырыні каля 20 см. Пазы паміж бярвеннем не праканапачаны. Вышыня ацалелага зруба да 1,2 м. Яго шырыня 4,25 м па знешнім баку, даўжыня не менш за 2,9 м па знешнім баку (паўночная сценка), унутраная прастора мае шырыню 3,9 м (па трасе ўсходній сценкі). Агульная вышыня, на якую прасочваюцца фрагменты пабудовы (разам з культурнымі напластаваннямі), дасягае 1,9 м (мал. 1:4). У Полацку ў XVII–XVIII стст. былі шырокі распаўсюджаны дамы на падклетах. Апошняя выконвалі функцыю склепа і адначасова вылучалі пабудову ўладальніка з ліку шараговых [2, с. 205].

У запаўненні зруба выяўлены завал драўляных канструкцый (дошкі і бярвенне) ад верхній часткі пабудовы. Таксама знаходкі з дрэва прадстаўлены разнастайнымі дэталямі будаўнічых канструкцый: дошкі, кроква (?), калодкі і інш. Сярод знаходак прысутнічаюць калочкі, адпілаваныя дэталі вырабаў, фрагментаваныя рэчы і г. д.

Найбольш цікавай знаходкай з'яўляецца драўляная прысценная лава (мал. 2:1). Яна выяўлена цэлай. Але пры выманні адзін яе канец на даўжыню каля 40 см быў адламаны. Яна ўяўляе сабой тоўстую і шырокую дошку, канцы якой танейшыя. Паверхня дошкі з усіх бакоў старанна апрацавана: дошку якасна загаблявалі пасля расколвання нарыхтоўкі. Канструктыўных элементаў ног на лаве не

ПАБУДОВА ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII ст. З РАСКОПАК 2016 г. НА ВЕРХНІМ ЗАМКУ Ў ПОЛАЦКУ

Мал. 1.

1 – месца размяшчэння ракопу; 2 – агульны выгляд пабудовы 2А ў раскопе; 3 – агульны выгляд пабудовы пры прамалёўцы (мастак В.А. Коц); 4 – характар культурнага пласта пры пабудове 2A;
5 – вугал без астатку

зафіксавана. Верагодна, што затоненая канцы былі прыстасаваны пад зарубкі ў сценах пабудовы. Таўшчыня лавы дасягае 7–8 см, на канцах каля 5 см, шырыня – 0,4–0,45 м, даўжыня ацалелай часткі 2,6 м, натуральная даўжыня лавы не перавышала 3 м. Такім чынам, прысценная лава была амаль на ўсю шырыню пабудовы.

Шэраг дошак і бярвенняў з завалу мае пэўныя запілы, зарубкі і іншае, прызначэнне якіх не вызначана. Культурны слой у запаўненні пабудовы пераважна чорны гумусавы з украпінамі вуглю.

Падклет мог выкарыстоўвацца для гаспадарчых мэт. Тут знайдзена рассыпанае зерне (8 калекцый) і таксама ў вялікай колькасці скуранныя адыходы ад пашыву абутку, яго фрагменты, разнастайныя шнуркі, кавалкі скury, дэталі іншых прадметаў і г. д. На дне пабудовы скура ляжала спрасаваным слоем магутнасцю 10–15 см.

Знаходкі са скury прадстаўлены пераважна фрагментамі абутку, нарыхтоўкамі і абрэзкамі скураной вытворчасці. Выяўлены таксама асобныя вырабы¹.

Найбольш адметнай знаходкай з'яўляецца кавалак скуранога рэмня з 11-цю адтулінамі, які мог выкарыстоўвацца для конскай вупражы (мал. 2:2). Цікавай з'яўляецца знаходка са скury, якая мае ромбападобную форму. Яна была складзена ў чацвёра. Унутры знайдзена насенне раслін. Прадмет зроблены з тонкай скury. Відавочна, што гэта дэталь спецыяльнай сумкі. Калекцыя знаходак скуранога абутку ўяўляе сабой адыходы ад шавецкай вытворчасці (абрэзкі ад раскрою ліста скury і дэталей пры рамонце і перашыве абутку). Рэдкія знаходкі можна вызначыць як нарыхтоўкі дэталей абутку. Фрагменты абутку прадстаўлены падэшвамі і іншымі дэталямі ботаў, чаравікаў, поршняў (мал. 2:3), скураннымі раменьчыкамі, абрэзкамі, халявамі ботаў і інш. На прафесійныя характеристыкі апрацоўкі ўказываюць

¹ Вырабы са скury апрацаваны I.С. Камінскім.

стандартызаваныя формы раскрою для вырабаў і раскрой гатовых вырабаў. Гэта праяўляеца ў зрэзаных пад вуглом падэшвах для другаснага выкарыстання, абрэзе швоў дэталей верху абутку, раўнамерным выкананні швоў. Стан захаванасці набораў пятачных вузлоў, асобных дэталей задніка і падэшваў дазваляе часткова рэканструяваць склад набору задніка і характар злучэння дэталей верху і нізу абутку. Фрагментаванасць знаходак не дазваляе казаць аб наяўнасці берасцяных ці скураных дэталей задніка, якія не змацоўваліся з падэшвай агульным швом.

Шмат знаходак прадстаўляюць дэталі верхній часткі абутку. Інтарэс выклікаюць знаходкі абрэзкаў ад раскрою халяў ботаў з круглымі адтулінамі ў верхній частцы (мал. 2:4). Халавы ботаў і абрэзкі ад іх раскрою з ідэнтычнымі адтулінамі вядомы па матэрыялах расійскіх гарадоў XVI – пачатку XVII ст. (Ноўгарад, Пскоў, Івангород і інш.). Яны маглі выконваць як дэкаратыўную, так і прагматычную функцыі. Так, існуюць выпадкі іх знаходжання з узмакнільнымі пракладкамі па акружнасці. Гэта абудавала меркаванні аб выкарыстанні адтулін для нацягвання халяў пры абуванні ботаў.

Разам са скурай трапляеца шмат лямцу і кавалкі ваўняных сцелек (не менш за чатыры знаходкі). Адна сцелька захавалася на 50–60%. Астатнія знаходкі з воўны прадстаўлены толькі кавалкамі збітага лямцу рознага памеру ад 20x10 см да 3,5x1,3 см. Таўшчыня захаваўшыхся фрагментаў каля 0,5 см. Адзін з кавалкаў знайдзены разам з зернем на дне пабудовы 2A каля ўсходняй сценкі. Усе знаходкі лямцу карычневага колеру.

Уесь набор знаходак скуранога абутку дазваляе датаваць калекцыю ў межах першай трэці XVII ст. Такім чынам, калекцыя знаходак са скуры вызначае пабудову 2A як гаспадарчае памяшканне, дзе, акрамя рэчаў хатняга ўжытку, захоўваліся адыходы шавецкай вытворчасці. Можна меркаваць, што пабудова ўваходзіла ў склад сядзібы май-

стра-шаўца. Адсутнасць значнай колькасці нарыхтовак і рамеснага інструменту не дазваляюць лакалізаваць месца майстэрні ў межах раскопу.

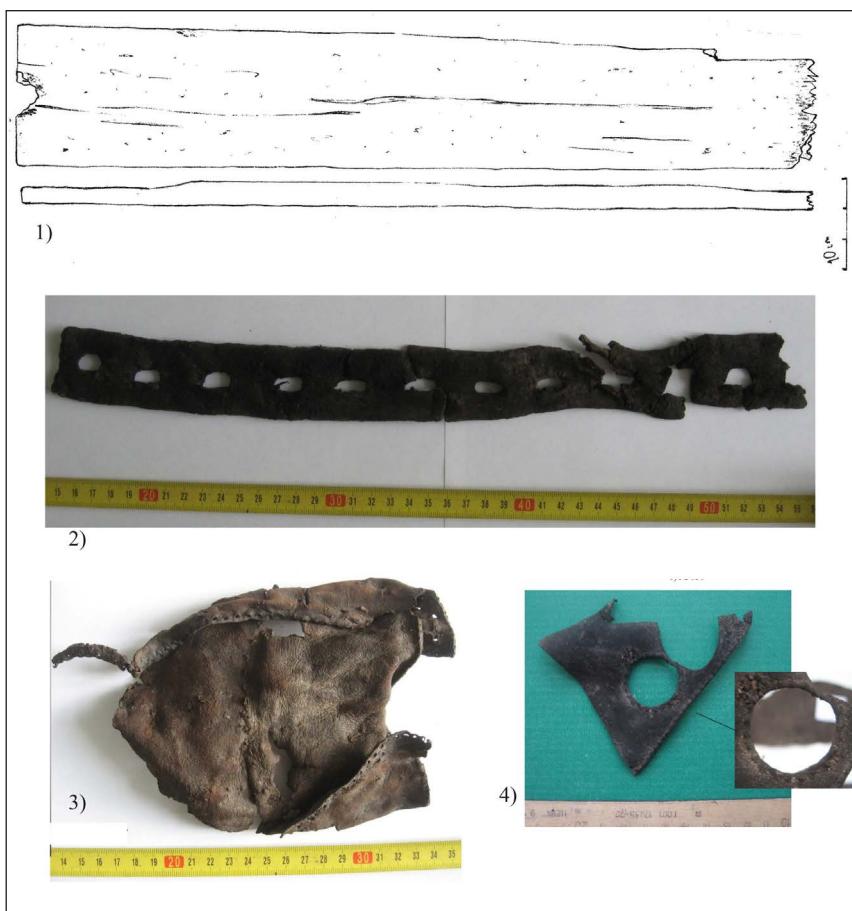
На поўнач ад залежаў скуры пры ўсходній сцяне пабудовы 2А выяўлена вялікая колькасць зерня – сабрана каля 10 літраў (калекцыя 8)². Зверху слоі зерня выяўлены кавалкі лямцу. Па ўсёй плошчы пабудовы трапляюцца шкарлупіны лясных арэхаў і выяўлены дзве палавінкі шкарлупін грэцкіх арэхаў.

Вырабы з дрэва прадстаўлены часткамі ёмістасцей і рэчамі гаспадарчага ўжытку. У межах харектарызуемага жыллёва-гаспадарчага комплексу (пабудова 2А) выяўлены адна бандарная клёпка і донца бандарнага начыння (мал. 3:1,2). Бандарная клёпка мае даўжыню 24 см (вышыня начыння), шырыню 5 см. Зарэз для донца на вышыні 2,1 см. Дыяметр закруглення каля 20–25 см. Паводле класіфікацыі Б.А. Колчына, зробленай на падставе аналізу драўляных знаходак з Ноўгарада, бандарная клёпка паходзіць ад невысокага вядра [3, табл. 4]. Дыяметр донца бандарнага начыння 11 см, таўшчыня яго каля 0,5 см. Донца з'яўляецца часткай кубка [3, табл. 4].

Затычка захавалася цэлай. Яна мае ў сячэнні круглу форму. У верхній частцы яна роўная, у цэнтральнай – плаўны пераход да ніжнай часткі, якая значна танейшая і паступова завастраеецца. Дыяметр у верхній частцы 2,8 см, ніжній – каля 0,9 см. З аднаго боку значна пашкоджана зарубкай, зробленай сякерай (?). Падобныя знаходкі шырока распаўсяджены ў старажытнарускіх гарадах [4].

У часе раскопак выяўлены адзін драўляны дзіцячы кубік. Яго памер $4,8 \times 4,8 \times 6,5$ см. Зроблены ён ахайна, паверхні старанна загладжаны. На адной з іх фіксуюцца дыяганальныя насечкі ў розных накірунках, якія інтэрпрэтаваць немагчыма.

² На монант публікацыі атрыбутацыя зерня не праведзена.

Мал. 2.

1 – драўляная прысценная лава. Вырабы са скуры: 2 – рамень; 3 – поршань; 4 – прыклад адтуліны на халявах ботай

Цікавай заходкай з'яўляецца дэталь нявызначанага прыстасавання. Яна ўяўляе сабой палачку роўнай цыліндрычнай формы (у сячэнні дыяметрам 3,8–4 см). Адзін край завершаны рэзкім пераходам да больш тонкай (дыяметр 1,3–1,4 см) акруглай ножкі вышынёю 1,3 см. Другі канец адсечаны (абламаны). Відавочна, што на дадзенай ножцы прыстасаванне павінна было паварочвацца.

У раскопе выяўлены два кліны. Адзін паходзіць з пабудовы 2А і мае наступны памер: таўшчыня 1,9–2,3 см, даўжыня 12 см, максімальная шырыня 4,8 см. Артэфакт вельмі добрай захаванасці.

З шэрага вырабаў з дрэва варта адзначыць фрагмент дэталі навызначанага прыстасавання. Знаходка ўяўляе сабой палачку (авальную ў сячэнні – 1,5 см), адзін канец якой мае прамавугольную адтуліну (памерам 1,3x0,6 см). Другі канец акуратна закруглены. Даўжыня ацалелага прадмета 13,7 см. На баку вырабу маецца засечка (пашкоджанне ад рыдлёўкі?). Магчыма, што ў першапачатковым выглядзе прадмет быў раўнаплечы.

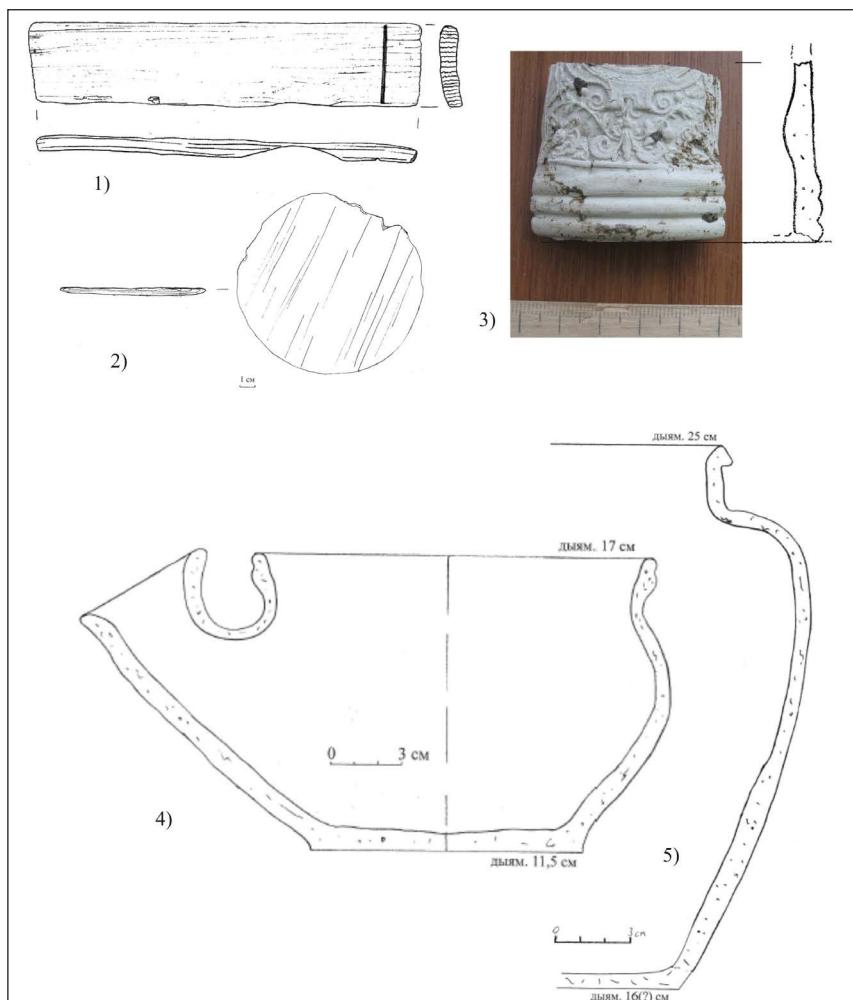
У раскопе выяўлена шмат ручак рознага прызначэння. Адна з іх мае акруглую (у сячэнні) форму дыяметрам каля 3,8 см. Адзін канец акуратна завершаны, другі адсечаны (абламаны). Даўжыня ацалелай часткі 14,5 см. Знешняя паверхня ручкі старанна выглажана. Яшчэ адна ручка з аднаго канца абламана, другі акуратна закруглены і адпілаваны. У сячэнні мае паўкруглую форму (дыяметр 2,5 см). Даўжыня ацалелай часткі 21 см.

У межах пабудовы 2А выяўлена шмат фрагментаў аконнага шкла зеленаватага колеру. Таўшчыня шкля нога палатна 1,5–2 см. Аконная рама складалася з невялікіх шкельцаў, якія ўстаўлялася ў свінцовыя перагародкі – пераплёты. Падобнага выгляду вокны маглі выкарыстоўвацца ў верхнім памяшканні пабудовы 2А.

Знаходкі з жалеза прадстаўлены дзвярным начыннем, лязом нажа, абутковымі падкоўкамі. Цікавай знаходкай з'яўляецца кавалак крыцы.

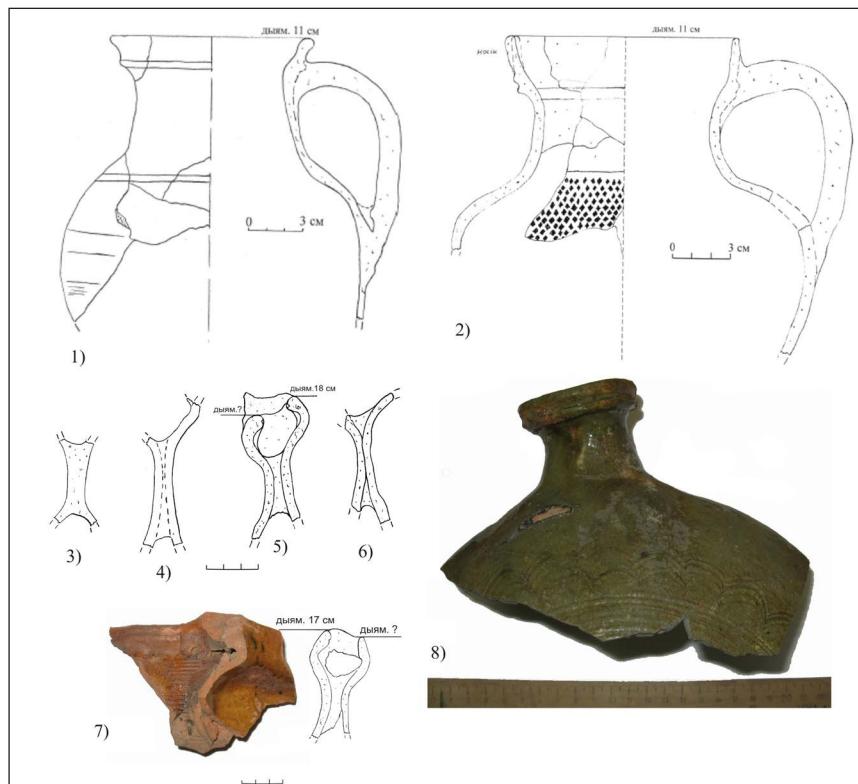
Культурны слой пабудовы насычаны фрагментамі керамічнага посуду. Калі ў верхніх пластах (умоўны пласт 8, 9, 10) канцэнтрацыя керамікі была вельмі вялікая (сярод яе прысутнічае шмат паліванага посуду і развалы керамічных гаршкоў), то ў межах драўлянага зруба пераважае непаліваны посуд і канцэнтрацыя яго зніжаецца.

Найбольш адметнай знаходкай з гліны з'яўляецца прыдонная частка кубачка (мал. 3:3). Зроблены ён з белай гліны. Памеры ацалелай часткі 4x5 см. Дыяметр донца (не захавалася) 7,5 см. На знешняй паверхні зроблена рэ-

Мал. 3.

Вырабы з дрэва (1, 2) і гліны (3–5): 1 – бандарная клёпка ад вядра; 2 – донца бандарнага кубка; 3 – фрагмент керамічнага кубачка; 4 – рукамыянік; 5 – профіль керамічнага гаршчка

Мал. 4.

Вырабы з гліны: 1, 2 – паліваныя збаны,
3–7 – фрагменты спарышоў; 8 – фрагмент флягі

льефная выява радавога герба. Верхняя частка кубачка аблатамана, таму вызначыць прыналежнасць герба немагчыма. Азначаная імпартная кераміка сведчыць аб высокім статусе гаспадароў сядзібы. Падобныя рэчы для Полацка з'яўляюцца замежным імпартам.

Найбольш вызначальныя масавыя заходкі з пабудовы – гэта развалы керамічных начынняў і кафлі: развал гаршчковай кафлі № 6, фрагменты гаршчка (мал. 3:5), рукамынік (мал. 3:4), развал керамічнага збана № 5 (мал. 4:2), развал вялікай місы № 4, развал збана № 10 (мал. 4:1), развал флягі № 9 (мал. 4:8). Асобна варта адзначыць зна-

ходкі фрагментаў спарышоў. Тут іх зафіксавана не менш за пяць (мал. 4:3–7). Прысутнічаюць тут таксама фрагменты гаршчковай і міскавай кафляў.

На дне пабудовы 2А выяўлена каменнае ядро. Каменнае ядро наўрад ці магло патрапіць у дадзеную пабудову і стаць прычынай яе разбурэння, бо падчас ваенных канфліктаў XVII ст. падобная зброя ўжо не выкарыстоўвалася. Каменнае ядро захавалася цэлым, мае шарападобную форму. У сячэнні мае памер 31 см. Зроблена з каменнай пароды белаватага колеру (вапняк). Знешняя паверхня шурпатая, з дробнымі сколамі.

Такім чынам, выяўленую пабудову з раскопак на Верхнім замку ў 2016 г. можна вызначыць як падклет, у які захоўваліся гаспадарчыя рэчы і адыходы шавеецкай вытворчасці. Калекцыя артэфактаў і харектар будаўніцтва дазваляюць датаваць зруб першай паловай XVII ст. Асобныя знаходкі з падклета выяўлены ў Полацку ўпершыню: прысценная лава, фрагменты керамічных гаршчкоў-спарышоў і інш. Выяўленыя рэшткі скуранога абутку вызначаюцца як сляды шавеецкай вытворчасці.

ЛІТАРАТУРА

1. **Археалогія Беларусі** : у 4 т. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад. рэд.: В. М. Ляўко [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – 597 с.
2. **Дук, Д. У.** Полацк XVI–XVIII стагоддзяў : нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.
3. **Колчин, Б. А.** Новгородские древности. Деревянные изделия / Б. А. Колчин // Археология СССР. Свод археологических источников. – Москва : Наука, 1968. – Вып. Е1-55. – 217 с.
4. **Торопова, Е. В.** Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2015 г. : в 3 т. / Е. В. Торопова. – Великий Новгород, 2016. – Т. 2 : Приложение II. Альбом иллюстраций (рис. 1–186). – 161 с.

ВІБРАЗ СТАРОГА ЧЛЛІВЕКА У ТВОРЫ ЯНІА ПРАТАСОВІЧА «КОНТЕРСЕТ СЭЮШІЕКА СТАРЕБО»

Лявоненка Г.Ю.
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Барока – перыяд, які падарыў беларускай літаратуры тытанаў, што ўзрошчвалі і гадавалі нацыянальны кампант. Сімёон Полацкі з'яўляецца адной з такіх постацей. Ягоныя тэксты, створаныя пад уплывам розных падзеяў і напісаныя з розных нагод, вылучаюцца інтэлектуальнай вытанчанасцю, мудрасцю і гістарычнай абазначанасцю. Бяспрэчны і той факт, што Сімёон Полацкі – шматмоўны пісьменнік. Сярод яго твораў беларуска-, лаціна- і польска-моўныя.

Прадстаўніком ранняй эпохі барока на тэрыторыі беларускіх земляў з'яўляецца малавядомы беларускі польскамоўны пісьменнік Ян Пратасовіч.

Артыкулаў, прысвечаных жыццю пісьменніка, а таксама аналізаў яго творчай спадчыны, вельмі мала. Найбольш змястоўная інфармацыя размешчана ў «Польскім бібліографічным слоўніку» Генрыха Люлевіча [4, с. 521–522]. Але асобай Яна Пратасовіча займаюцца як польская, так і беларуская даследчыкі. Артыкулы па творчасці пісьменніка можна знайсці сярод прац такіх навукоўцаў, як С.В. Кавалёў, прафесар Люблінскага ўніверсітэта імя М. Кюры-Складоўскай і У.Г. Кароткі, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай літаратуры БДУ.

Ян Пратасовіч пакінуў нашчадкам разнастайныя па тэматыцы творы, у якіх праявіў сваю інтэлектуальнасць, самабытнасць, светапогляд. Пры гэтым творчасць пісь-

менніка адлюстравала змены, якія адбываліся ў жанравай сістэме Вялікага Княства Літоўскага. Сярод яго тэкстаў можна знайсці верш на паходанне, верш на вяселле, верш-суцяшэнне. У творчасці Пратасовіча ёсць і «эпіграммы», якія ў канцы XVI ст. толькі пачыналі набіраць папулярнасць.

Дэбют Яна Пратасовіча адбыўся віншавальным вершам «Paranimphus» («Паранімфус»), створаным з нагоды шлюбу. З назвы твора вынікае, што Пратасовіч выконваў пачэсную ролю свата на вяселлі (грэч. «paranimphus» – сват). Калі б паэт не з'яўляўся сватам, ён быў бы вымушаны выдаць свой твор ананімна, бо гэтага патрабавала традыцыя напісання матрыманіальных (звязаных з вяселлем) вершаў. Твор мае прадуманую кампазіцыю і адмысловы барочны стыль. Ян Пратасовіч абапіраецца на біблейскія матывы. Таксама «Paranimphus» адпавядае патрабаванням рыторыкі: спалучае ў сабе змястоўнасць, яснасць, выразнасць [2, с. 307].

Праз год Ян Пратасовіч трапляе на паходанне сваёй швагеркі Марусі, жонкі Яна Калантая. Паэт выказаў свае спачуванні вершам, які быў адрасаваны бацьку памерлай жанчыны – Рыгору Войне. На адрасата твора трэба звярнуць увагу. Як і папярэдні твор, паэма «Epicedium» («Верш на скон») (1597) уяўляе сабой прамову, але больш змястоўную і разгорнутую.

Адным з выбітных твораў з'яўляецца «Kształt poczciwej Białygowy» («Узор сумленнай белагаловай») (1597), які прысвечаны Кацярыне з Ласкіх, жонцы Фёдара Скуміна, падскарбія літоўскага, а таксама матцы Януша Скуміна. Асноўная частка – дыдактычны верш, у якім пісьменнік звяртаецца да жонкі наваградскага ваяводы як да сваёй «міласцівой сястры». Ян Пратасовіч амаль не апісвае жанчыну, якой прысвечаны твор. Тэкст падштурхоўвае да думкі, што, магчыма, пані Кацярына і не была тым самым ідэалам прыгажосці. Гэты элемент паказвае чарговы ады-

ход ад кананічнага напісання верша-ўсхвалення. На думку аўтара, жаночымі годнасцямі з'яўляюцца богабаязнасць, працавітасць, плоднасць, разважлівасць, сціласць, лагоднасць, паслухмянства не толькі перад мужам, але і перад ягонымі бацькамі. Сваёй лагоднасцю і пакорлівасцю жанчына павінна дабратворна ўздзейнічаць на мужа, супакойваць яго. Такім чынам, вершаваны трактат «*Kształt roczciwej Białylogłowy*» мае значэнне як чарговая крыніца звестак аб уяўленнях нашых продкаў пра жанчын.

Ян Пратасовіч выступіў таксама ў якасці перакладчыка, перапрацаваўшы ў 1597 г. сачыненне італьянскага вучонага Юлія Фолька «*Jałmużnik*» («Ахвярадаўца») (лацінскі арыгінал твора Ю. Фолька пабачыў свет у 1574 г. у Рыме). Але Пратасовіч не прытрымліваўся першаўзору і зварнуўся да інтэрпрэтацыі біблейскіх матываў і антычных сюжэтаў. З прысвячэння ў да *Mixaila Kazimira Radzivila* і прадмовы да чытача выразна відаць, што паэт баяўся нядобразычлівых водгукau і нападак на сваю кнігу.

Твор «*Jałmużnik*» – адзін з тыповых прыкладаў маральна-дыдактычнага трактата, які створаны на падставе антычных і хрысціянскіх крыніц. Дадатковымі элементамі кампазіцыі з'яўляюцца некалькі дэдуктыўных і прэфацыйных вершаў у пачатку і ў канцы кнігі [2, с. 308].

Апошнім вядомым творам з'яўляецца «*Inventores rerum albo Krótkie opisanie kto co wynalazł i do używania ludziom podał*» («*Inventores rerum* або Кароткае апісанне хто што стварыў і да ўжывання людзям даў») (1608). Тут Ян Пратасовіч таксама выступае ў якасці перакладчыка. «*Inventores rerum*» (у перакладзе з італьянскай «уласцівасці вынаходак») па структуры нагадвае энцыклапедыю. За аснову кнігі ўзята лацінская сачыненне італьянца Палідора Вергілія «*De inventoribus rerum*» («Аб вынаходніках рэчаў») (Венецыя, 1499). Немагчыма адназначна адказаць, чаму польскамоўная версія папулярнай кнігі не зацікавіла чытачаў Рэчы Паспалітай і нават ні разу не была перавы-

дадзена. Як і ў папярэдніх выданнях Ян Пратасовіча, перад асноўнай часткай твора змешчаны ўступ. Празаічны тэкст пісьменнік адаптаваў пад вершаваны. Твор змяшчае ў сабе замалёўкі шляхецкіх нораваў і звычаяў. Гэта сачыненне адносіцца да эўрыстычнай паэзіі [1, с. 184].

Адным з найбольш даследуемых твораў з'яўляеца «Konterfet człowieka starego» («Вобраз старога чалавека») (1597). Згадкі аб ім можна знайсці ў работах наступных аўтараў: Міхаіла Вішнеўскага, Хераніма Юшыньскага, Сяргея Кавалёва, Уладзіміра Кароткага. Таксама некаторую інфармацыю можна знайсці ў кнігах, якія датычаны Яна Карцана (ён быў друкаром амаль усіх сачыненняў Яна Пратасовіча). Твор паўнавартасна ўзгадваеца ў артыкуле Уладзіміра Георгіевіча Кароткага «Starość w literaturze białoruskiej i ukraińskiej XVI–XVII wieku» («Старасць у беларускай і ўкраінскай літаратуры XVI–XVII стагоддзяў») [3, с. 83–86], змешчанага ў навуковым зборніку Люблінскага ўніверсітэта «Dojrzewanie do pełni życia» («Паспяванне да паўнаты жыцця»).

«Konterfet człowieka starego» жанрава адносіцца да верша-прысвячэння. Датаваны 1597 г. Перакладу на беларускую мову не існуе. Твор прызначаны Аляксандру Палубенскаму, дзядзьку Яна Пратасовіча. Князь Аляксандр Іванавіч Палубенскі (памёр да 1608 г.) – ваенны і дзяржаўны дзеяч Вялікага Княства Літоўскага, кашталян навагрудскі (з 1586 да 1608 г.), удзельнік Лівонскай вайны. На той момант, калі была выдадзена кніга, князь знаходзіўся ў сталым узросце. Магчыма, такім чынам Я. Пратасовіч хацеў не столькі звярнуць увагу на старасць дзядзькі, колькі хацеў правесці паралелі, адлюстраваўшы два бакі гэтага стану. Пісьменнік разглядзеў адмоўны бок і вынікі, а таксама адзначыў супрацьлеглыя бакі становішча старога чалавека. «Już mniejszysły słuch, mniejszy smak w starości swej czuję, Oczy mgliste, ledwo co otacnie najduję» («Ужо горшы слых і меншы смак ў старасці сваёй адчуваю, вочы туманныя, ледзь што

навобмацак знаходжу») [5, с. 5]. Па сутнасці чытач сам можа вызначыць, да якой пазіцыі схіліцца. Аўтар не навязвае свайго пункту гледжання. «*Do tego, komu stary człowiek błogosławi, Wnetże błogosławieństwo nad onym się stawi; A komu zaś złorzeczy, złorzeczeństwo miewa*» («Таму, каго стары чалавек благаслаўляе, адразу благаславенне прыйдзе, а каму злое прадракае, той зло і атрымае») [5, с. 17].

У «Konterfecie człowieka starego» Ян Пратасовіч не паўстае перад чытачом як першаадкрывальнік новай літаратуразнаўчай плыні, ён трапна ўжывае добра вядомыя яшчэ з антычнасці топасы і матывы, якія ўжо паспелі замацавацца ў літаратуры. Тут прасочваюцца рысы ранняга барока: пісьменнік актыўна ўжывае метафары, параўнанні, звяртаецца да пачуццяў асоб, іх перажыванняў. На прыкладзе кантрастаў дэмансtruе чытачу пазіцыі персанажаў. Характэрная для барока ўрачыстаць адлюстроўваецца ў фармальных праявах (верш на герб, малітоўны зварот). Тэкст надрукаваны гатычным шрыфтам.

У творы прысутнічаюць спасылкі на Кнігу Быцця, прадстаўлены творы як згадкамі пэўных псалмоў, так і частковым цытаваннем. Ужываючы дакладныя звесткі з Бібліі, Ян Пратасовіч дэмансtruе сваю адукаванасць і эрудыцыю: «*Jozue w obiecaną ziemię wprowadzony, który był po Mojżeszowi wodzem zostawiony, Samuel sędzia, Dawid król i prorok święty, Tobijasz Stary i Job u wszech ludzi wzięty – Wszyscy mieli od Boga swój wiek przedłużony, A każdy z nich był hojnie ubłogosławiony*» («Ісус, уведзены на зямлю абыцаную, які пасля Маісея правадыром стаў, Суддзя Самуіл, Давід – кароль і прарок святы, Тавіт Стары і Іоў ва ўсіх людзей узяты – Усе мелі ад Бога свой узрост падоўжаны, I кожны з іх быў шчодра благаслаўлены») [5, с. 15].

Законы старасці, відавочна, не такія, як законы фізікі. Іх нельга даказаць, але яны падпарадкоўваюцца законам прыроды (закон хуткаўліннасці і смерці). Пры гэтым у літаратуры тэму старасці ніколі не разглядалі аднабакова.

Хутчэй можна казаць аб станоўчых і негатыўных аспектах, што і адлюстраваў Ян Пратасовіч у сваім творы, узнёшы тэму паважнага ўзросту.

Пісьменнік выкарыстоўвае кантрасты. Структура літаратурнага помніка выглядае як дыялог. Але перад тэкстам, як і належыць прысвячэнню, размешчаны верш да герба сям'і Палубінскіх і выява герба. А таксама ёсць гравюра, на якой і адлюстраваны змест твора – размова двух старых.

Першая частка твора называецца «*Lament*», у перакладзе «лямант, нараканне». Першы старац скардзіцца на дрэны слых, на здзек слуг праз яго старэчую някемлівасць. З выкарыстаннем розных мастацкіх сродкаў Ян Пратасовіч прыводзіць апісанне старога: маршчыны, якія па твары рассыпаны нібы араты прайшоў: «*Po twarzy wszędzie zmarski, jakoby zorane, Włosy jako śnieg biały, różno roszczosane, Na czele mi się jakieś fałdy poczynił, Czerstwość ciała i gładkość już mię odstąpiły. Głowa mi sie kołysze*» («Па твары ўсюды змаршчкі, быццам бы ўзараны, валасы белыя як снег, па рознаму расчасаныя, на ілбе маршчыны зрабіліся, крэпасць цела і гладкасць ўжо ад мяне адступілі. Галава мая гайде-еца») [5, с. 5]. А супяречнасць назіраеца, калі другі старац у частцы пад назвай «*Wysławienie starości*» расказвае пра мудрасць, якую можна набыць толькі з гадамі, пра шчасце ўбачыць новае жыццё. «*Tak też starzy siłami acz nie dokazują, Lecz radą i rozumem nad inszych przodkują*» («Таксама і ста-рыя сілай не дакажуць, але парадай і розумам іншым пака-жуць») [5, с. 23].

«*Bo iż w starym poważność i mądrość dojrzala Jest, a snota w nim gniazdo swe prawie usłała, Ani tu żadne zbytki już mogą panować*» («Таму што ў старога ўжо паважнасць і мудрасць накопленая, а дабрачыннасць у ім гняздо сваё звіла, над ім ужо ніводныя здабыткі не пануюць») [5, с. 16].

Сэнс апошняга этапа жыцця ў «Konterfete człowieka starego» Яна Пратасовіча таксама вызначаецца праз хрыс-

ціянскую культуру, амбівалентнасць і праблему ўспрымання працэсу старасці. Асноўная мэта старасці, як вынікае з тэкstu, – клопат аб выратаванні. У рэлігійна-этычным кантэксце прызвычаенне чытача да жорсткасцей старасці адбываецца праз прадбачанне вечнага жыцця пасля смерці. У хрысціянскай перспектыве няма месца думкам пра адчай або пустэчу існавання. Жыццё – як поры года, таму пасля перараджэння будзе наступнае жыццё, як пасля зімы заўсёды надыходзіць новая вясна.

Актуальнасць помніка бяспрэчная, улічваючы факт важнасці тэмы старасці і сёння. Пісьменнік жа вельмі слушна даводзіць чытачу, што старасць – гэта не загана і не пакаранне, а чарговы і ў гэты ж момант важны этап жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. **Кавалёў, С. В.** Станаўленне польскамоўнай паэзіі ў полілінгвістычнай літаратуры Беларусі эпохі Рэнесансу / С. В. Кавалёў. – Мінск : БДУ, 2002. – 218 с.
2. **Кавалёў, С.** Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу : манографія / Сяргей Кавалёў. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 376 с.
3. **Dojrzewanie do pełni życia: starość w literaturze polskiej i obcej** / red.: Kruk S., Flis-Czerniak E. – Lublin : Uniwersitet Marii Curie-Skłodowskiej, 2006.
4. **Lulewicz, H.** Protasowicz Jan / H. Lulewicz // Polski słownik biograficzny. – Wrocław [i inn.], 1985. – T. XXVIII, 3. Zesz. 18. – S. 521.
5. **Protasowicz, J.** Konterfet człowieka starego / Jan Protasowicz. – Wilno, 1597.

ТЭХНАЛОГІЯ ВЫТВОРЧАСЦІ ПОЛАЦКІХ ЮВЕЛІРДАЎ ХVІІІ ст.

*Магалінскі І.У.
(г. Полацк, Рэспубліка Беларусь)*

Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Полацка далі багаты матэрыял для рэканструкцыі розных аспектаў матэрыяльнай культуры старажытнага насельніцтва горада. У ходзе работ былі выяўлены сляды касцярэзной, бандарнай, ганчарнай, кавальскай, гарбарнай і іншых відаў рамеснай дзейнасці [3, с. 117].

У гэтым шэрагу для вызначэння агульнага ўзоруно рамеснай вытворчасці вялікае значэнне мае даследаванне ювелірнага рамяства, якое традыцыйна лічыцца асноўным маркерам развіцця старажытнай тэхналогіі, бо акумулюе найбольш прагрэсіўныя і эфектыўныя метады і прыёмы апрацоўкі каштоўных і іншых каляровых металаў.

Існаванне ювелірнай вытворчасці на тэрыторыі горада фіксуецца ўжо з перыяду X-XI стст. [14, с. 205]. Менавіта гэтым часам датуецца першы вядомы вытворчы комплекс, які быў знайдзены на тэрыторыі Ніжняга замка Полацка падчас даследаванняў С.В. Тарасава. Акрамя таго, ювелірныя майстэрні выяўлены падчас раскопак на Верхнім замку, Вялікім і Запалоцкім пасадах. Усяго за перыяд археалагічнага вывучэння Полацка было выяўлена не менш за шэсць розначасовых майстэрняў, а таксама значная колькасць сведчанняў існавання мясцовай каляровай металаапрацоўкі, не звязаных з комплексамі канкрэтных пабудоў [4; 8, с. 115].

Адной з важнейшых задач, якая стаіць сёння перад даследчыкамі старажытнага рамяства, з'яўляецца вылучэнне мясцовых адметнасцей металаапрацоўкі, што магчыма прасачыць толькі на падставе аналізу матэрыялаў

з вытворчых ювелірных комплексаў надзеяна лакалізаваных на тэрыторыі той ці іншай мясцовасці. У сувязі з гэтым для ўстанаўлення асаблівасцей тэхналогіі металаапрацоўкі XVII ст. асаблівую цікавасць мае выяўленне ў ходзе выратавальных раскопак у 2005 г. на тэрыторыі былога Вялікага пасада Полацка рэшткаў ювелірнай майстэрні, якая аўтарам даследаванняў Д.У. Дукам датуецца першай паловай XVII ст. [2, с. 6].

У межах раскопу 2005 г. былі знайдзены рэшткі частакола, які размяшчаўся па лініі поўнач – поўдзень. Дадзеная канструкцыя ўяўляла сабой рэшткі агароджы дзвюх сядзіб. У гэтым жа стратыграфічным гарызонце знайдзены рэшткі апечка з кавалкамі керамічнага друзу і вапны, а таксама фрагменты драўлянага насцілу [5, с. 6]. Характар канструкцыі дазваляе аднесці іх да адной сядзібы, а выяўленыя ў межах знаходкі даюць падставы для атрыбуцыі пабудовы ў якасці вытворчага ювелірнага комплексу [2, с. 6].

Цікавасць выклікае асартымент рэчаў, якія былі знайдзены ў межах сядзібы. Усяго выяўлена 96 прадметаў. Сярод іх 32 цэлья «пус епі», 20 нарыхтовак, 5 кручкоў ад кафтана, 10 іголак, 2 мініяцюрныя іголачкі і інш. [4, с. 173]. Высокая канцэнтрацыя вырабаў, якія валодаюць аналагічнымі фізічнымі і хімічнымі характеристыкамі, дазваляе з упэўненасцю сцвярджаць пра іх выраб у межах адкрытай падчас раскопак сядзібы [10, с. 79].

Асаблівую ўвагу трэба засяродзіць на адметнасцях тэхналагічных аперацый, якія выкарыстоўваў мясцовы рамеснік. Знаходкі спецыялізаваных ювелірных інструментаў указваюць на той факт, што ў межах майстэрні шырокая выкарыстоўвалася ліццё і коўка. На карысць гэтага сведчыць выяўленне ў межах сядзібы ювелірнага малаточка і больш чым 50 фрагментаў ёмістасцей для плаўкі каляровых металаў [4, с. 173].

Керамічныя тыглі, знайдзеныя падчас даследавання комплексу, адносяцца да тыпу кругладонных конусападоб-

ных ёмістасцей (мал. 3). Падобная форма найбольш мэтазгодна для тыгляў: вузкія, невысокія пасудзіны з нешырокім вусцем да мінімуму абмяжоўвалі доступ паветра да распластованага металу і не дазвалялі яму акісліцца [13, с. 14]. Фармовачная маса большасці гэтых ёмістасцей зроблена са светлай, аднаслойнай, добравымучанай гліны і амаль не ўтрымлівае ў сваёй структуры дамешак буйной жарствы. Акрамя таго, гэтыя тыглі маюць больш тонкія сценкі і вузкае дно ў параўнанні з пасудзінамі, знайдзенымі падчас даследаванняў іншых вытворчых комплексаў [9, с. 191].

Асабліва трэба адзначыць знаходку тыгля-талерачкі (памеры 5,9x3,7x0,7 см). Тыгель фрагментаваны, зроблены з добравымучанай, аднароднай гліны, унутраная і зневядная паверхні слабашлакованыя. На вонкавай паверхні пераважаюць шлакі чырвонага колеру, на ўнутранай – чорнага і чырвонага. Падобныя пасудзіны выкарыстоўваліся ў працэсе купеляцыі (аддзялення каштоўных металаў ад дамешкаў), а таксама пры вызначэнні чысціні серабра ці золата. Гэта быў вельмі складаны працэс, які патрабаваў тэхнічных навыкаў і матэматычных ведаў [2, с. 22–23; 6, с. 60].

У ходзе вывучэння археалагічных матэрыялаў з раскопак 1987 г. на тэрыторыі Вялікага пасада быў выяўлены фрагмент ліцейнай формы, якая, верагодна, прызначалася для адліўкі ваксовых мадэляў для вытворчасці крыжоў-цельнікаў, тыповых для перыяду XVII–XVIII стст. (мал. 4). Можна меркаваць, што форма адносілася да даследуемага вытворчага комплексу, які быў выяўлены ў непасрэднай блізкасці ад месца правядзення работ у 1987–1988 гг.

Нягледзячы на знаходку ліцейнай формы, найбольш верагодна, што большая частка тыгляў, знайдзеных падчас вывучэння комплексу, выкарыстоўвалася для прыгатавання адмысловых сплаваў, якія пазней ужываліся для вырабу гатовых прадметаў пры дапамозе механічнай апрацоўкі металу.

Трасалагічнае вывучэнне часткі артэфактаў з даследаванняў 2005 г. указвае на шырокое распаўсюджванне ў мясцовага ювеліра тэхнікі валачэння, якая фіксуецца па слядах выкарыстання валачыльных дошак на шпільках тыпу «пус епі», завушніцах, нарыхтоўках і інш. (мал. 1, 2).

Акрамя ліцця і валачэння рамеснік актыўна выкарыстоўваў коўку, пра што сведчыць знаходка ювелірнага малаточки, а таксама сляды на гатовых прадметах (мал. 2). Ювелірныя малаточки адразніваюцца сваімі неявлікімі памерамі, прыстасаванымі для дробных аперацый [9, с. 201, 224]. Малаточак XVII ст. уяўляе сабой цэльнаметалічны прадмет з чатырохграннай у сячэнні ручкай і перпендыкулярна ёй размешчанай рабочай часткай з пляскатым байком на адным канцы і раздвоеным насном для выцягвання цвікоў на другім [2, с. 6].

Артэфакты, якія былі атрыманы падчас вывучэння гэтага вытворчага комплексу, з'яўляюцца сведчаннем спецыялізацыі і вузкапрофільнасці ювелірнага рамяства ў пачатку XVII ст. Такая сітуацыя ў цэлым характэрна і для іншых сінхронных комплексаў, выяўленых на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Так, падчас даследавання «квартала» ювеліраў на Зацьмацкім пасадзе ў Цвяры было ўстаноўлена, што рамесныя майстэрні другой паловы XV – першай паловы XVII ст. вызначаюцца вузкай спецыялізацыяй і абмежаваным наборам інструментаў [11, с. 165; 12, с. 278].

У актавай кнізе Палацкага магістрата 1650 г. у сувязі з маёмаснымі справамі два разы сустракаецца імя толькі аднаго палацкага ювеліра Стэфана Мандрыкі. У справе ад 15 лютага 1650 г. майстар набываў агарод «в месте Полоцъкомъ, за паръканомъ месъкимъ ... на улицы, назъваной Великой» [1, с. 127]. Падобная лакалізацыя агарода можа ўказваць на той факт, што сядзіба ювеліра размяшчалася ў непасрэднай блізкасці ад яго, на Вялікім пасадзе. Гэта можна лічыць ускосным доказам таго, што выяўленая ў 2005 г. майстэрня належала менавіта рамесніку.

ТЭХНАЛОГІЯ ВЫТВОРЧАСЦІ ПОЛАЦКІХ ЮВЕЛІРАЎ XVII СТ.

У выніку праведзенага даследавання магчыма зрабіць наступныя высновы адносна асаблівасцей тэхналагічных аперацый ювеліраў у XVII ст.:

1. Найбольш распаўсюджанай тэхналогіяй апрацоўкі каляровых металаў з'яўлялася ліццё, якое фіксуецца па

Мал. Сведчанні вытворчай дзейнасці з ювелірнай майстэрні XVII ст.: 1 – сляды валачэння на шпількі тыпу «пус епі»; 2 – сляды валачэння і коўкі на завушніцы; 3 – конусападобны кругладонны тыгель; 4 – форма для вытворчасці ваксовых мадэлей

шматлікіх заходках фрагментаў плавільных ёмістасцей, а таксама ліцейнай формы. Ліццё ў даследуемы перыяд выкарыстоўвалася пераважна для прыгатавання сплаваў, а таксама для атрымання адлівак па ваксовых мадэлях са стратай формы.

2. Асноўнымі фармуочымі аперацыямі з'яўляліся валачэнне і коўка, якія выкарыстоўваліся для вытворчасці абсалютнай большасці вырабаў, знайдзеных у межах вытворчага комплексу XVII ст.

3. Ювелірная вытворчасць XVII ст. вызначаеца выразнай спецыялізацыяй і вузкапрофільнасцю, што знайшло адлюстраванне ў асартыментным складзе прадукцыі, выкарыстоўваемай сыравіне і тэхналагічных прыёмах яе апрацоўкі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Актавая** кніга полацкага магістрата 1650 г. : зб. дак. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; склаў і падрыхтаваў да друку М. Ю. Гардзееў. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – 270 с. : іл.

2. **Дук, Д. У.** Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д. У. Дук // Веснік «ПДУ». – 2007. – № 1. – С. 5–23. – (Серыя А. Гуманітарныя навукі).

3. **Дук, Д. У.** Полацк і палаchanе (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.

4. **Дук, Д. У.** Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і організацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.

5. **Дук, Д. У.** Справаzdча аб археалагічных раскопках і наглядзе ў горадзе Полацку ў 2005 годзе / Д. У. Дук // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2284.

6. **Ениосова, Н. В.** Тигли Гнёздовского поселения / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян // Труды ГИМ. – Москва, 1999. – Вып. 111 : Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер. – С. 54–63.

7. **Коц, А. Л.** Ювелірная майстэрня XII стагоддзя на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2013 года) / А. Л. Коц // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 18–26. – (Серия А. Гуманітарные науки).
8. **Магалінскі, І. У.** Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 115–121.
9. **Магалінскі, І. У.** Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X–XVII стст. / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 184–193.
10. **Магалінскі, І. У.** Шпількі «пус епі» з тэрыторыі Полацка: класіфікацыя, храналогія і праблема паходжання / І. У. Магалінскі // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : у 2 ч. – Наваполацк, 2011. – Ч. 1. – С. 78–83.
11. **Персов, Н. Е.** Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху средневековья / Н. Е. Персов, Т. Г. Саракева, В. В. Солдатенкова // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – Москва, 2011. – Вып. 7. – С. 155–167.
12. **Персов, Н. Е.** Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2001–2006 гг.) / Н. Е. Персов, Т. Г. Саракева, В. В. Солдатенкова // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – Москва, 2009. – Вып. 5. – С. 268–280.
13. **Рындина, Н. В.** Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. / Н. В. Рындина // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва, 1963. – № 117 : Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 3. – С. 200–247.
14. **Тарасаў, С. В.** Полацкая ювелірная вытворчасць / С. В. Тарасаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя ў 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 205–206.

ИСТОЧНИКИ ПРОПОВЕДЕЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: ПЕРЕВОД, ПЕРЕСКАЗ, АДАПТАЦИЯ

Преображенская А.А.
(г. Москва, Российская Федерация)

Исследователями литературного наследия Симеона Полоцкого¹ не раз отмечалось, что при составлении своих сборников проповедей «Обед душевный» (1681)² и «Вечеря душевная» (1683) Симеон обращался к западноевропейским (Фабер, Меффрет, Беллармин) и польским (Петр Скарга, Фабиан Бирковский) проповедникам, чьи сочинения хранились в его библиотеке³. Тем не менее детальное сопоставление конкретных текстов проповедей на латинском и церковнославянском языках и анализ использованных Симеоном стратегий перевода, компиляции и адаптации текста источника для московской православной аудитории не были сделаны.

Подобная работа, проведенная даже на небольшом количестве проповедей (все представленные ниже наблюдения основываются на анализе только 13 проповедей из составляющих «Обед душевный» 110 поучений), позволяет продемонстрировать исследовательский потенциал текста и указать на несколько любопытных и разноплановых (лингвистических, богословских) сюжетов для изучения. В частности, интересно «переводное богословие» Симеона,

¹ На источники проповедей Симеона указывала А. С. Елеонская [2], Л. И. Сазонова выявила источники стихотворений Симеона из «Вертограда многоцветного» (Simeon Polockij, Vertograd mnogocvetnyj, 1–3, Köln ; Weimar ; Wien, 1996) [11, с. 623, 667].

² Здесь и далее используется издание «Обед душевный» Симеона Полоцкого [6]. Номера листов второй пагинации приводятся в тексте в круглых скобках.

³ Исследование о сборниках проповедей и изданиях отдельных проповедей в библиотеке Симеона [17, с. 178–183].

использование им католической гомилетической традиции в православной проповеди⁴. Так как составленные на латинском языке проповеди Фабера и Меффрета неизбежно содержали элементы католической доктрины, цитаты из неизвестных на Руси и воспринимавшихся «западными» учителей и Отцами Церкви⁵, идеи, образы, аллегории и общие места, характерные для католической проповеднической традиции, то для их перевода на церковнославянский язык и адаптации для православной аудитории требовался осознанный, не механический подход.

Несмотря на то, что в своих сочинениях Симеон выступает не как теоретик-богослов, а скорее как эрудит и литератор, идея о различиях между вероисповеданиями и (не)приемлемости тех или иных идей и текстов для православной аудитории и для православного автора-проповедника, а также постоянная забота об адаптации иноязычных и инокультурных текстов часто обозначается в его методах работы.

И если (не)подражание техническому оформлению проповедей (например, цитаты у Фабера выделяются курсивом и почти всегда имеют ссылки на автора и сочинение, тогда как у Симеона эти пометы в целом непоследовательны) находится в области возможностей и традиций типографии и, возможно, некоторых случайных или не преднамеренных обстоятельств, а опора на структуру получений Фабера (сохранение списков и перечней в качестве каркаса) и характер самого перевода (условно дословный или условно литературный, компиляция, сокращение и

⁴ Об освоении Симеоном католической традиции писал М. А. Корзо [5].

⁵ М. С. Попов называл «западными» Киприана Карфагенского (именно в его текстах появляется одно из самых ранних упоминаний концепции Ecclesia militans, которая есть в проповедях Симеона) и Григория Двоеслова [7, с. 222]; к «западным» Отцам Церкви можно отнести и святых Августина, Амвросия Медиоланского и Иеронима Стридонского [4].

перестановка исходного текста) – в области технической стороны литературного мастерства, то заимствование или наоборот отказ от содержательных элементов текста, таких как толкование Писания, прилоги, библейские и святоотеческие цитаты и их контекст, литургические цитаты, позволяет судить о том, насколько релевантными оказываются догматические расхождения, на что именно распространяется идея о необходимости адаптации текста и как далеко простирается авторская свобода в работе с чужим текстом, с текстом другой конфессии и с текстом Библии. Так, предварительный анализ показывает, что Симеон выбирал проповеди, наиболее приближенные к гомилиям; опускаются рассуждения о еретиках и турках, цитаты заведомо неизвестных на Руси авторов вроде Беды Достопочтенного.

Так как на данный момент нам удалось выявить конкретные источники только для 13 слов из «Обеда душевного», наши приведенные ниже замечания и комментарии к отдельным фрагментам поучений Симеона не претендуют на всеохватность и системность изложенного материала и являются результатом первоначального сопоставления текстов 13 проповедей из «Обеда душевного» и соответствующих им *concio* Фабера из «Concionum opus tripartitum» [15]⁶.

В перечне рассмотренных проповедей Симеона и соответствующих им *concio* в косых чертах указано, были ли поучения Фабера использованы полностью (для составления одного слова Симеон мог пользоваться сразу двумя или более *concio*, выбирая только необходимые ему отрывки) или фрагментарно, а также отмечались те фрагменты поучений Симеона, для которых на данном этапе оказалось возможным определить текст источника только приблизительно и с долей сомнения:

⁶ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках [15].

- Слово 1, в недѣлю 3, по сошествии ста́го дхā (л. 134–140) – Dominica 14 post Pentecosten, Concio 6 (s. 901 и далее) /из этого поучения Симеон предположительно взял только некоторые фрагменты – элементы списка тех богатств, которые «не творят препятия спасению»/;
- Слово 1, в недѣлю 6, по сошествии ста́го дхā (л. 172 об.–178 об.) – Dominica 18 post Pentecosten, Concio 2 (s. 1025 и далее) /предположительно фрагменты/;
- Слово 1, въ ндлю 11, по сошествии ста́го дхā (л. 233–239) – Concio II Dominica 21 post Pentecosten, Concio (s. 1128 и далее);
- Слово 1, въ ндлю 13, по сошествии ста́го дхā. (л. 259 об.–264) – Feria Sexta post Reminiscere, Меффрет⁷ (s. 286–291) /фрагменты – элементы перечня/;
- Слово 1, в недѣлю 14, по сошествии ста́го дхā (л. 270–276) – Dominica 19 post Pentecosten, Concio 2–3 (s. 1057 и далее) /достаточно последовательно взяты фрагменты – элементы перечня/;
- Слово 1, в неделю 15, по сошествии ста́го дхā (л. 283 об.–289) – Dominica 18 Post Pentecosten, Concio 2 (s. 990 и далее);
- Слово 1, в неделю 18, по сошествии ста́го дхā (л. 319–325) – Dominica IV post Pentecosten, Concio X (s. 537 и далее);
- Слово 2, в неделю 18, по сошествии ста́го дхā. (л. 325 об.–332 об.) – Dominica IV post Pentecosten, Concio III (s. 511 и далее);
- Слово 1, в неделю 19, по сошествии ста́го дхā. (л. 333–338) – Dominica VIII post Pentecosten, Concio VIII (s. 675 и далее);
- Слово 1, в неделю 19, по сошествии ста́го дхā. (л. 338 об.–346) – Dominica VIII Post Pentecosten, Concio III. (s. 658)

⁷ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках [19].

- /из этой проповеди Симеон предположительно взял только начало/;
- Слово 1, въ ндлю 21, по сошествии стāго дхā (л. 359 об.) – Меффрет, с. 203 /фрагменты/;
 - Слово 1, въ ндлю 28, по сошествии стāго дхā (л. 452 об. – 459) – Dominica II post Pentecosten, Concio 10 (с. 466 и далее);
 - Слово 1, въ ндлю 33, по сошествии стāго дхā (л. 519 об.) – Dominica 10 post Pentecosten, Concio 10 (с. 759 и далее).

Заимствованную структуру поучения – чаще всего ей оказывается перечень чего-либо – Симеон заполняет содержанием по своему усмотрению, сохраняя отдельные важные элементы исходного текста. Перечисление по-видимому воспринимается им как экзегетический, толковательный прием, позволяющий донести до слушателя или читателя морально-нравственный и «прикладной» смысл Писания. Так, «Слово 1, в неделю 15, по сошествии стāго дхā» построено на нескольких перечислениях, в том числе на списке благодатей, которыми Господь оделил человека:

1. Первая [благодать. – A. П.] есть, яко созда ны изничесого, во образъ и подобие свое <...> (л. 287)

Cp.: Primo enim creauit cum e nihilo ad imaginem et similitudine suam (с. 992).

2. Вторая блгдть, яко всю вселенную сотвори чл̄ка ради, не себе деля, ибо самъ не требоваше ея <...> (л. 287)

Cp.: Secundo universam mundi machinam propter homine creauit (с. 992).

3. Третия блгдть, яко даде чл̄ку дш̄у, // разумомъ, волею <...> (л. 287–287 об.)

Cp.: Tertio. Dedit ei corpus et animam, sensibus et membris integris, quorum vel unicum non comutaret homo cum aureis montibus (с. 992).

Внутри пунктов появляется как собственно авторский текст, так и прилоги, библейские цитаты в качестве примеров и как объект толкования, цитаты из сочинений Отцов Церкви – в качестве поддерживающих аргументов, примеров или авторитетных утверждений, цитаты из античных авторов в качестве примеров и авторитетных аргументов.

Некоторые прилоги Фабера, бестиарные и иные, становятся для Симеона отправной точкой, материалом (как, собственно, и сам латинский текст проповедей), на основе которого он создает авторскую образность. Бестиарные прилоги могут заменяться на несколько подходящих стихов из Священного Писания, часто – с сохранением анималистической образности. Так, за следующим фрагментом из Фабера, вольно переведенным Симеоном, о том, что Бог не забывает и хранит свои creationes, следует не исходный пример с дельфинами, а две библейских цитаты. При достаточной образности текст Евангелия оказывается предпочтительнее дельфинов – экзотического и барочного образа, который, возможно, слишком открыто отсылает к античной традиции или просто недостаточно известен:

яже безчисленнаго существъ множества не забываетъ, содержитъ, хранить, и управляетъ, яко же не единому врабию пасти на землю без воли его. [пометы: лук: 12 / маф: 10. – А. П.]. Паче же и власы наши главнии сочтени суть у бг҃а (л. 284 об.).

Cp.: Ad haec cum tanta sit creaturum multitudo, nullius obtiuiscitur, ad singules attendit, dans eis necessaria, ita ut nec paster in terram cadat sine elus voluntare. <...> Sic videmus ludere in aquis et colludere Delphinos aliotque pisces, nec non aues quasdam (s. 991).

Наличие или отсутствие атрибуции цитаты из античного или святоотеческого сочинения в проповедях Симео-

на, в самом тексте проповеди или в маргинальных пометах, часто вызывает вопрос о возможном заведомом скрытии имени автора цитаты. Так как Симеон сохраняет отсылки даже на святого Августина и Аристотеля, то можно говорить о том, что только в некоторых отдельно взятых случаях имя автора действительно опускается сознательно. Цитаты из заведомо неизвестных на Руси отцов и учителей церкви – например, из Беды Достопочтенного – вообще исключаются из текста и не переводятся (см. например начало «Слова 1, в неделю 15, по сошествии стáго дхá», л. 283 об., и соответствующее начало проповеди «Dominica 18 post Pentecosten, concio 2», с. 990).

Решающее значение для сохранения цитаты и атрибуции имеет, по-видимому, не автор как таковой, а то, как высказанная им мысль согласуется с православными представлениями о предмете. Так, высказывание Сенеки, иллюстрирующее новозаветный текст, превращается в тексте Симеона в безличную «притчу» (1), потому что вряд ли Сенека известен русским читателям и слушателям, а сама фраза в то же время оказывается подходящей; в то же время ссылка на Аристотеля (без указания сочинения, присутствующего в проповеди Фабера) сохраняется (2):

1) Вторая, другъдруга любление, ибо видяй любовь къ себе нечию, взамъ любитъ его: любы о его возжигаетъ любовь, якоже огнь огня: чесо ради **во пртиче** глаголется: Аще хощеши любленъ быти, да любиши (л. 283 об.).

Deinde amor reciprocus, cum quia ab alio fe amari vider; amor enim amorem accedit, uti ignis ignem. Unde **Seneca epist. 9**, Sivis amari, ama, inquit (с. 990).

2) тъломъ **по Аристотелю** разслабленъ, иже не тако удесь своихъ оупотребляетъ, якоже хощетъ: но якоже не хощетъ, тако они движими бывають. Подобнъ разслабленъ есть дшёю тою, иже не то еже разумъ повелѣваетъ творить, но егоже плоть похотствуетъ, то дѣтъ. Мы же воистину

сицеви есмы, по оному избраннаго сосуда хрѣстова свѣдѣтелству <...> (л. 175).

Vidit hoc vel ipse **Aristoteles qui I i. Ethic.** Ostendit vitiosos istos affectus ita se habere ad imperium rationis et voluntatis, ut se habent membra paralytica ad voluntatem movere era cuperientis; non enim ea quando vult et quomodo et quanti vult, movere potest (s. 1025).

Нужно отметить, что цитаты из «западных» Отцов Церкви Симеон в основном сохраняет: вполне возможно, что русских переводов не существует, а латинских текстов в его библиотеке не было⁸: сохраняются цитаты из святых Августина, Амвросия Медиоланского, Григория Богослова (л. 284, 319, 324 и т. д.). Заимствования из сочинений Златоуста, к которому Фабер обращается нечасто, появляются в проповедях Симеона во множестве, причем переводит их сам с некоего латинского текста⁹.

Цитирование Священного Писания в рассматриваемых 13 проповедях устроено совершенно иначе, чем в оригинальном тексте Фабера. Фабер обращается к Библии умеренно, тогда как Симеон следует принципу польской барочной моды на цитирование Священного Писания¹⁰, стремясь включить в свой текст как можно больше библейских цитат: в целом в поучениях из «Обеда» насчитывается более 3000 библейских цитат¹¹.

Использованные Фабером цитаты из Священного Писания Симеон чаще всего опускает, самостоятельно подбирая взамен отдельные цитаты и цитатные ряды. Решая

⁸ Секция патристики в библиотеке Симеона совсем небольшая: у него имелись издания святых Августина, Иеронима, первый том сочинений святого Григория I, «Сумма теологии» Фомы Аквинского, сочинения святого Иринея и некоторые другие [17, с. 175–177].

⁹ Это наблюдение было высказано еще А. В. Горским и К. И. Невоструевым и нуждается в проверке [1].

¹⁰ Термин «mania cytowania» употреблен в [20].

¹¹ О цитатах в проповедях Симеона [9, с. 1, 7, 111–147].

сохранить исходную цитату, Симеон приводит стих полностью, тогда как Фабер часто приводит только часть стиха. Незаимствованные у Фабера библейские цитаты Симеон также часто дает фрагментарно, особенно если речь идет о цитате, вынесенной в девиз проповеди. Известно, что патриарх Иоаким не одобрял такой подход к тексту Священного Писания: «И приводятъ неискуснымъ на большее утверждение тоя своея прелести, свидѣтелства от Божественного Писания, и от Стыхъ Оцъ многая, все ложно: Ово не въ томъ разумѣ, въ которомъ Дхъ Стый написалъ, полагаютъ: ово лукаво толкуютъ: ово точию слова начало емлютъ: ово средину: ово конецъ: ово на стбѣ писание, и на Стыхъ Оцъ, яко бы тако писано, лгуть» [3].

В примере ниже Фабер неточно цитирует Мф 7:23, тогда как Симеон, сохраняя цитату, выбирает параллельный стих из Мф 25:12 и комментирует церковнославянское «не вемъ»: ср. «Reprobi enim audiunt: Non novi vos» (s. 537) и «к нимъ же речется: Не вѣмъ васъ, или не знаю васъ» [помета на полях – маф: 25. – А. П.] (л. 319 об.).

И у Фабера, и в авторском тексте Симеона встречаются цитаты из литургических текстов¹². В «Слове 1, в неделю 15» Симеон сохраняет использованную Фабером антифону «cuius pulchritudinem sol et luna mirantur» в переводе «Бжай красоте дивится луна, и чудится солнце» (л. 285). Эта антифона встречается в службе святой Агнессе Римской [14; 18]. Этот текст логично продолжает и развивает стих из 44 псалма (Красен добротою паче всех сынов человеческих), который в проповеди Симеона расшифровывает пункт «Si amamus pulchritudinem: quid pulchrius esse Deo potest <...>?». Таким образом, фраза из католического богослужения без указания на источник и использованная в паре с псалмом оказывается приемлемой для православной проповеди.

¹² О литургических цитатах в «Обеде душевном» [10].

Особый интерес представляет выполненный Симеоном перевод разнообразных элементов догматики, как в составе цитат из сочинений Отцов Церкви, так и собственных размышлений Фабера. В частности, рассмотренный ниже пример говорит о том, что знание Симеона о католическом богословии не ограничивалось проповедями Фабера. В «Слове 1, в неделю 18, по сошествии ста́го дхā» (л. 319), посвященном толкованию стиха Лк 5:3, читается следующий фрагмент со ссылкой на Августина:

Что же сия два чудная ловления, и рыбы ятыя знаменуютъ; внемлите: Первое сие ловление прилучившееся прежде воскрсения хр̄стова, по словеси Августинову знаменуетъ **цр̄ковь страдательную, или ратующую на земли.** Второе, еже бысть по воскрсении, знаменует **цр̄ковь торжествующую,** яже соберется въ цр̄ствии нбсномъ по общемъ всехъ вскрсении (л. 324).

Cp.: Quid significant haec piscatio et qui differ ab illa Ioan.21? Respondetur, primum hoc miraculum, quod contingit ante resurrectionem Christi, significare **Ecclesiam militantem**: alterum quod contingit post eius resurrectionem, significare **Ecclesiam triumphante**, quae colligetur in regnum coelorum, post commune resurrectionem (s. 539).

Этот фрагмент, как и практически вся проповедь, основан на Concio X из «Dominica IV post Pentecosten» (s. 539). Ссылка на Августина у Фабера отсутствует – очевидно, что эта концепция была ему хорошо знакома и представлялась ему скорее «общим местом» богословия и поэтому в ссылке не нуждалась. Это толкование широко использовалось европейскими средневековыми католическими богословами: Лк 5 традиционно толкуется в терминах церкви воинствующей (Ecclesia militans) и церкви торжествующей (Ecclesia triumphans). Первая означает весь «улов» апостолов: добрых, злых, крещенных и приведенных ко Христу,

всех, кто живет в этом мире и постоянно ведет борьбу с грехом и соблазном; вторая – это Царство Небесное, те избранные, которые вошли в Царство Христово¹³.

Вопрос заключается в том, зачем Симеону понадобилась «црковь страдательная» вместо прямого перевода Ecclesia militans, которая у него превращается в пояснение первого выражения. Конечно, Симеон мог просто не знать о существовании в католическом богословии такого конструкта как Ecclesia penitens/expectans – чистилища, которое бы соответствовало церковнославянской «церкви страдательной». Однако в конце поучения страдательная, «терпящая» церковь из новозаветного текста находит объяснение: «Потщимся же да будемъ яко добрыя рыбы, волны мира житейского терпяще, по увѣщанию Павлю: Во всемъ представляюще себе яко бжїя слуги, въ терпении мнозъ» (л. 325). Для Симеона и страдательная, и ратующая церковь – это одно: здесь, на земле, в церкви воинствующей, православные христиане не только борются против греха и соблазна¹⁴, но и «терпят» – гонения, мучения и притеснения от «злых», «терпят» за правду: «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф 5:10). Возможно, перед нами не что иное, как попытка приспособить католическую богословскую концепцию из проповеди Фабера к широко распространенному в православии культу святых, в том числе мучеников за веру в самом широком смысле.

¹³ Основоположником этого «разделения» церквей можно считать Августина Аврелия, который первым разделил церковь на видимую и невидимую [16]. Августин развивал эти идеи в нескольких сочинениях, прежде всего в «De civitate Dei». Однако сам Августин этих терминов не употребляет, используя вместо них Ecclesia in gloria и Ecclesia in via (pilgrim). Другие ранние указания на церковь воинствующую и церковь торжествующую встречаются в послании Киприана Корнелию [12] и в «Сумме теологии» Фомы Аквинского [13].

¹⁴ Значение внутренней борьбы есть у слова «брань», которое Симеон в своей проповеди не использует (Словарь русского языка XI–XVII вв., Москва, 1975).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский, А. В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, 2, 3 / А. В. Горский, К. И. Невоструев. – Москва, 1857.
2. Елеонская, А. С. Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечеря душевная» / А. С. Елеонская // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – Москва, 1982. – С. 170–171.
3. Иоаким (Савелов). Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников / Иоаким (Савелов). – Москва : Печатный двор, 1683. – Л. 73.
4. Калугин, В. В. «Житие Блаженного Августина» Поссидия Каламского в выговских Четиих Минеях / В. В. Калугин // Труды отдела древнерусской литературы. – № 5. – С. 168.
5. Корзо, М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века / М. А. Корзо. – Москва, 2011.
6. Полоцкий, С. Обед душевный [Электронный ресурс] / Симеон Полоцкий. – Москва : Верхняя типография, 1681. – Режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/656>.
7. Попов, М. С. Святитель Димитрий Ростовский и его труды / М. С. Попов. – Санкт-Петербург, 1910.
8. Преображенская, А. А. Авторские изменения в библейском тексте : цитаты в проповедях Симеона Полоцкого / А. А. Преображенская. – Slověne, 2018.
9. Преображенская, А. А. Переводные цитаты из Августина Аврелия в сочинениях Симеона Полоцкого / А. А. Преображенская // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : материалы междунар. научн. конф. Москва, 12–13 сентября 2019 г. – Москва, 2019. – С. 111–115.
10. Преображенская, А. А. Симеон Полоцкий – первый придворный писатель: практика создания образцовых текстов : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Преображенская. – Москва, 2018. – С. 47–53.
11. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – Москва, 2006. – С. 623.

12. **Christians** Classic Ethereal Library [Electronic recourse]. – Mode of access: https://www.ccel.org/ccel/schaff/anf05.iv.iv.liv.html#fnf_iv.iv.liv-p1.2.
13. **Christians** Classic Ethereal Library [Electronic recourse]. – Mode of access: https://www.ccel.org/ccel/aquinas/summa.XP_Q96_A12.html.
14. **Eadem.** «The Nun's Crown» / Eadem // Early Modern Women: An Interdisciplinary Journal. – 2009. – № 4. – P. 193.
15. **Faber, M.** Concionum Opus Tripartitum : Pluribus In Singula Evangelia Argumentis instructum, 2 / M. Faber. – Ingolstadt : Typis Gregorii Haelini, 1642.
16. **Handman, C.** Critical Christianity. Translation and denominational conflict in Papua New Guinea / C. Handman. – University of California press, 2015. – P. 13.
17. **Hippisley, A.** Simeon Polockij's Library : a Catalogue / A. Hippisley, E. V. Lukianova. – Böhlau, 2005.
18. **Hotchin, J.** Emotions and the Ritual of a Nun's Coronation in Late Medieval Germany / J. Hotchin, M. Bailey, K. Barclay (eds.) // Emotion, Ritual and Power in Europe, 1200–1920. – 2017. – P. 181.
19. **Meffreth.** Hortulus reginae, sive sermones Meffreth, fidei Catholicae in misnia praeconis quondam celeberrimi. De tempore. Pars aestivalis opus nunc denuo recognitum, & multis locis a mendis repurgatum; singulis vero partibus, suus cuique index proprius adiunctus est / Meffreth. – Henricus, 1614.
20. **Pawlak, W.** Koncept w polskich kazaniach barokowych / W. Pawlak. – Lublin, 2005. – S. 126.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ (1629–1680) И КНИЖНОСТЬ СЕРЕДИНЫ XVII в.

*Ракитянский А.Т.
(г. Рига, Латвийская Республика)*

До сих пор не утихают споры о том, была ли эпоха просветительства в России, именуемая Ренессансом, как в Западной Европе, или эти процессы в литературе и искусстве в большей степени подходят к следующей формации, а именно – эпохе барокко. Таковы выводы сделаны большинством ученых как в России, так и на Западе. Они же подтверждают, что барокко пришло в Россию из Украины и Беларуси, а ярким представителем этой эпохи был Симеон Полоцкий.

Середина XVII в. в России – время серьезных перемен. За короткий исторический промежуток она пережила междуцарствие, воцарение династии Романовых, воссоединение России и Украины, раскол, перемены в русской церкви. И тогда же у всех на устах было два имени: протопоп Аввакум и святейший патриарх Никон. Наряду с ними на политическом горизонте появилось и другое имя, которое войдет в историю белорусской и русской литературы, а именно – поэта, прозаика, драматурга и плодовитого издателя Симеона Полоцкого. «Симеон Полоцкий – живой, энергичный, неутомимо-деятельный, отзывчивый на все вопросы своего времени, умевший пользоваться всеми новыми течениями и прислушиваться к новым веяниям» [3, с. 280]. Так о Симеоне отзываются в своих работах и современники, а затем и многие исследователи его творчества. Кроме того, сам царь Алексей Михайлович был весьма расположен к нему и «...назначил его воспитателем к юному царевичу Феодору Алексеевичу, который полюбил своего учителя и выказывал ему свое постоянное расположение до конца жизни» [3, с. 280].

В 1666 г. в России был созван необычный церковный собор с участием восточных патриархов. Собор «судил святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси и за самовольный уход с престола, и за притязания на главенство церковной власти над царской» [4, с. 200]. Обвинителем был сам царь, а документы, раскрывающие преступления Никона по раскольническому движению, поручил подготовить ученому монаху из Полоцка, недавно прибывшему в Москву – Симеону Полоцкому.

Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович родился на белорусской земле, в Полоцке в 1629 г., при пострижении в монахи получил имя Симеона, а прозвище Полоцкий уже позже, в Москве. О родителях будущего монаха известно мало. Есть сведения о его учебе в Киево-Могилянской коллегии. Это было первое высшее учебное заведение в Украине, когда школа Киевского Богоявленского братства объединилась с духовной школой Киево-Печерской лавры во времена митрополита Петра Могилы. В это заведение принимались дети зажиточных горожан и лиц из духовенства, а родители должны были вносить за учебу определенную плату.

В Киево-Могилянской коллегии известные профессора того времени преподавали следующие предметы: славянский, греческий, латинский, польский языки, грамматику, риторику, пийтику, философию, математику, астрономию, музыку и богословие. Практиковались разные «писания», проводились диспуты. Обучали студентов и ораторскому искусству. За семь лет учебы в коллегии науки постигались на хорошем уровне. После коллегии Самуил решил переехать в Вильно, где он продолжил свое обучение в Виленской иезуитской академии.

Одним из решающих фактов биографии стала дата 8 июня 1656 г., когда Самуил в Полоцком Богоявленском монастыре при покровительстве игумена Игнатия Иевлевича принял иночество и стал Симеоном. «Отныне чер-

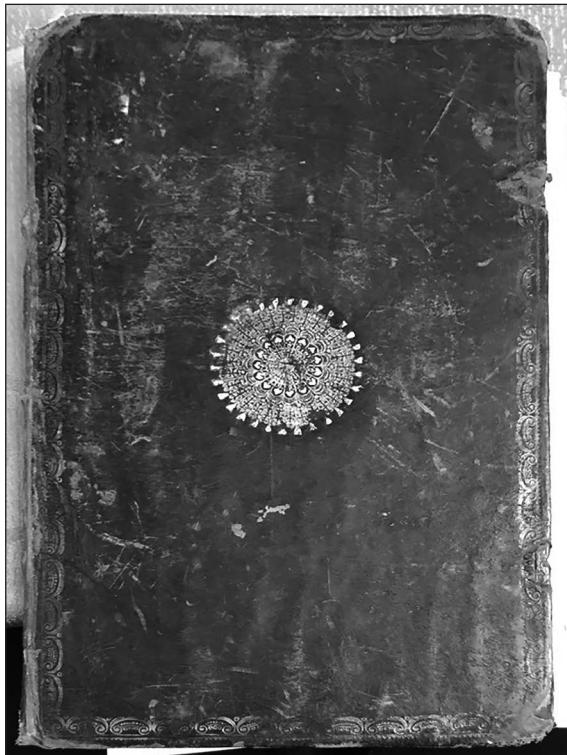
ная монашеская ряса станет его единственной одеждой, а крест и книга – его постоянными спутниками...» [4, с. 213]. В продолжение жизненного пути он еще испытал себя и как учитель младших классов.

Россия во времена царствования Алексея Михайловича нуждалась в грамотных, эрудированных людях, знающих латынь и европейские языки. В это время уже проходили встречи московских книжников с так называемыми западнорусскими, или как теперь чаще произносим балто-славянскими, носителями языка. И в России «они уже не совсем понимали друг друга, – были оттенки в богословских мнениях, в Москве совсем не понимали латинской учености, которая у западно-русских писателей становилась привычной литературной манерой, наконец, в Москве не умели иной раз понимать и «литовского» языка» [5, с. 346].

Не секрет, что такие представители учености юго-запада, как Епифаний Славенецкий и Арсений Сатановский, прибывшие в российскую столицу в 1649 г., «дали новое направление московской книжности и были предвестниками целого переворота, наступившего вскоре в целом русском просвещении» [5, с. 346]. В это же время ярко проявили себя как знатоки книжности побывавший в Греции и Иерусалиме Арсений Суханов и учившийся в Италии Арсений Грек.

При первом посещении царем Полоцка в 1656 г. игумен Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич радушно встретил высокого гостя, а Симеон преподнес ему свои поэтические поздравления «Метры» на пришествие великого государя Алексея Михайловича [4, с. 247]. Вот некоторые строки из «Приветства царю»:

Витаем тя, православный царю, праведное солнце,
Здавна бо век прагнули тебе души наше и сердце
Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшего
Белорусский же народ весь освобождашего [1, с. 97].

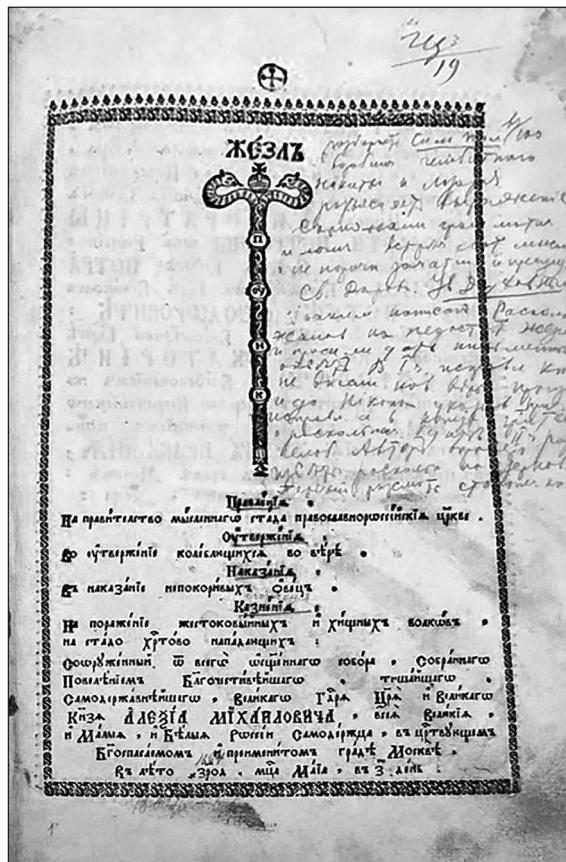
Симеон Полоцкий.
«Жезл правления».
2-е изд. 1753

Царь оценил их, а монастырь осыпал милостынями. При следующей встрече и чтении Симеоном новых произведений, царь, оценив его разностороннюю ученость, в 1660 г. пригласил его вместе с игуменом Игнатием Иевлевичем в Москву, куда они и отбыли в 1664 г. Чтобы понравиться царю, Симеон пишет свои поэтические тексты о военных победах русской армии под предводительством Алексея Михайловича, нередко преувеличивая их. Так, например, он посвятил ему «Стихи на счастливое возвращение его милости царя из-под Риги», хотя практически царю из-за восстания крестьян не удалось удержать осаду Риги и пришлось русской армии отступить в Полоцк. Но чтобы утешить царя, Симеон в своих виршах, вспоминает другой эпизод о «Денемборском граде», то есть о взятии

в Ливонии крепости Динебурга (Двинска, Даугавпилса), в котором царь велел построить церковь Бориса и Глеба, а город приказал именовать Борисоглебов.

Симеон в своем творчестве показал себе весьма разносторонним для того времени сочинителем произведений: это и басни («Частость»), и дидактические произведения («Рифмология»), и философско-богословские («Псалтиль рифмотворная»), и сочинение с российско-государственными мотивами («Орел Российский»).

Но весьма яркой и значительной вехой в деятельности С. Полоцкого явилась его первая печатная книга в Моз

Симеон Полоцкий.

Титульный лист
«Жезла правления»

ске «Жезл правления» 1667 г. [6]. Это одна из знаменитых русских печатных книг XVII в. Ее стали цитировать и обсуждать сразу после выхода [2, с. 60]. А церковный собор (1666–1667) провозгласил, что она написана «из чистаго сребра божия слова». «Жезл» главным образом был направлен против раскола и его главных основоположников: Никиты Пустосвята и Лазаря. Но в наше время исследователи обращают в большей части внимание на литературные особенности «Жезла» и как на образец старого книгоиздания. Это и помещенное вместе с архипастырским жезлом длинное название на всю страницу титульного листа, и посвящения царским особам, и торжественное послание патриарха Иосафа Второго, и два предисловия: одно краткое – стихотворное, другое многостраничное – прозаическое. Характерно для «Жезла» и краткость изложения мыслей автора, и множество афоризмов – как книжных, восходящих по смыслу к библейским, так и авторских. Отмечают исследователи афоризм «Зряй в солнце помрачается» [6, л. 23] с трактовкой, что раскольникам понимать истину в книгах не по их силам и разумению. Хотя в современной трактовке это можно перевести так: «Тот, кто смотрит на яркое солнце, помрачается разумом и слепнет». Следуют этому содержанию и другие афоризмы: «Благо есть ревновати по бозе, но с разумом» [6, л. 22 об.], «...солнце не приемлет от луны света», «...злое древо посекается и во огнь вметается» [6, л. 49].

Среди афоризмов, полемические соседствуют с наиздательными, некоторые из них носят философско-религиозный характер. По-своему интересно оформление книги. Цельнокожаный переплет венчает символический книжный знак – суперэкслибрис в виде солнца. На титуле гравюра архиерейского посоха, титул и послание к царю заключено в мелкоузорную наборную рамку; красным выделены буквицы, много в тексте гравированных заставок и концовок.

Кроме издательской деятельности, публикаций светских и учебных книг, Симеон создал по западным образцам «Верхнюю» типографию прямо в царском дворце. А также возродил чтение проповедей в храмах, основал школу и сочинил программу для Академии, содействовал написанию икон.

Труды Симеона Полоцкого и в наше время вызывают неподдельный интерес – он этого заслуживает как один из замечательных белорусских и русских писателей второй половины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вирши.** Силлабическая поэзия 17–18 веков / ред. П. Берков. – Ленинград : Советский писатель, 1935. – 324 с. – (Библиотека поэзии, малая серия).
2. **Дёмин, А. С.** «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого / А. С. Дёмин // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / изд. подг. В. К. Былин [и др.] ; под ред. А. Н. Робинсона. – Москва : Наука, 1982. – 351 с.
3. **Полевой, П. Н.** История русской словесности с древнейших времен до наших дней : в 3 т. / П. Н. Полевой. – Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1902. – Т. 1. – 650 с.
4. **Пушкарёв, Л.** Симеон Полоцкий / Л. Пушкарёв // Русские писатели XVII века / Д. Жуков, Л. Пушкарёв. – Москва : Молодая гвардия, 1972. – 334 с.
5. **Пыпин, А. Н.** История русской литературы : [в 4 т.] / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1898–1899. – Т. 2 : Древняя письменность. Времена Московского царства. Канун преобразований. – 1898. – 566 с.
6. **Симеон** Полоцкий. Жезл правления. – 2-е изд. – [Москва : Синодальная Типография, 1753]. – 127 л.

КОДЫ Ў ПЛЭТЫЧНЫХ ЭКСПЕРЫМЕНТАХ СІМЯОН ПОЛАЦКАГА

Сандалава Т.А.
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Літаратурная спадчына Сімёона Полацкага ацаляла, адлюстроўваючы з дастатковай паўнатой як эпоху і яе культуру, так і асобу выдатнага паэта, драматурга, публіцыста. Сімёон Полацкі імкнуўся да пастаянных эксперыменталаў. Гэты магутны эксперыментальны пачатак, закладзены пад этам яшчэ ў XVII ст., у барочнай паэзіі аказаў дзеясны ўплыў на характар эксперыменталаў у наступных стагоддзях.

Вывучаючы творчасць Сімёона Полацкага, даследчыкі адзначаюць імкненне паэта да спалучэння архітэктуры і паэзіі, зварот да незвычайных, мудрагелістых форм верша, да паэтычных кур'ёзаў з мэтай здзвівіць чытача, у чым прасочваецца не толькі вонкавае, але і глыбіннае генетычнае падабенства эстэтыкі барока і постмадэрнізму [2].

Некаторыя даследчыкі характарызуюць зборнікі Сімёона Полацкага «Вертоград многоцветный» і «Рифмологион» як своеасаблівія і ні з чым не параўнальныя «літаратурныя музеі, поўныя рарытэтаў і кур'ёзаў» [3, с. 125]. У гэтих зборніках ёсьць і вершаваныя анекдоты, і аповесці аб цудах, ёсьць вершы, якія можна чытаць і нават разглядаць, і тыя, якія нельга прачытаць без спецыяльнага ключа. Творчасць Сімёона Полацкага, на думку І.П. Яроміна, «абапіралася на акрэсленую сістэму паэтычнага стылю» [3, с. 146].

Беручы пад увагу галоўныя рысы, што адразніваюць барока не толькі як літаратурны напрамак, але і як філасофію, і эстэтыку – гэта містыцызм, песімізм, схаластыка, геацэнтрызм з пункту гледжання філософскіх асаблівасцей, можна сцвярджаць, што творчасць Сімёона Полацкага – гэта семантычная квінтэсэнцыя.

Важным этапам у творчым фарміраванні Сімяона Полацкага было знаходжанне яго ў Богаяўленскім манастыры (першая палова 50-х гг. XVII ст.) і асабістыйя кантакты з прадстаўнікамі мясцовай школы паэтаў – Філафеем Утчыцкім і Ігнатам Іяўлевічам. Менавіта ў іх творчасці пазначаеца паступовы пераход ад літургічных вершаў да больш універсальнага і дзейснага публіцыстычнага жанру дэкламацыі. Непасрэдна ў асяроддзі «палацкай школы» зараджаюцца пачатковыя формы ўсходнеславянскага барока, якое характарызуецца секулярызацыяй літаратуры, пашырэннем ідэй асветніцтва, паглыбленнем свецкіх тэм і матываў [1; 6].

Свецкае жыццё з яго абавязкамі перад дзяржавай і сям'ёй, на думку Сімяона Полацкага, магло толькі зашкодзіць навуковай і паэтычнай дзейнасці:

Ибо не будет мощно с книгами сидети,
Удалит от них жена, удалят и дети.
И Феофраст в книзе си того возбраняет,
Припятствие мудрости женитву вещает.
Ей неудобно книги довольно читати,
И хотение жены в доме исполняти.

У ранні перыяд (1648–1663) у кола яго паэтычнай апрацоўкі трапляе тое, што ён ведаў: звесткі з гісторыі і геаграфіі, старажытныя міфы, хрысціянскія легенды, асабістыйя рэлігійныя перажыванні, будова свету, астралагічныя звесткі – словам, усё, на што адгукалася душа і што было вядома з кніг. Патрыятычныя пачуцці Сімяона з асаблівай яркасцю адбіліся ў творах, напісаных з выпадку вяртання рускімі Полацку яго гарадской святыні – абраза Багародзіцы, а потым паўторнай страты яго [8, с. 7–8, 18].

Сімяон Полацкі першым з нашых суайчыннікаў звярнуўся да паліндромаў (твораў, радкі якіх могуць чытацца аднолькава ў абедвух напрамках, злева направа і справа налева), яшчэ падчас сваёй вучобы ў Кіева-Магілянскім калегіуме і Віленскай акадэміі, што прыпадае на 1640–

1653 гг. Яго вершы гэтага пэрыяду напісаны па-польску і па-лацінску, бо выкладанне ў тагачасных навучальных установах вялося пераважна на гэтых мовах. Гэтыя творы адметныя tym, што для перадачы «сур'ёзных» ідэй часам дапускалася выкарыстанне жартоўнага тону, мудрагеліста-забаўляльных форм, каб захапіць чытача, а разам з tym і навучыць. Таму выглядае цалкам натуральным тое, што верш, прысвечаны Панне Марыі, у якім закранутая ідэя значнасці хрысціянскай веры ў жыцці чалавека, Сімёён Полацкі выклаў паліндромным двухрадкоўем [4], напрыклад:

Co mi ey Maria oto ay ramie u mos
Co wo ney, ow pokoy u okor wojen owoc. («Cancer»)
У даслоўным перакладзе гэты верш гучыць так:
Што мне Марыя? – гэта і апора, і моц.
Што ў ёй? – і мір, і бою плод (г. зн. слава). («Рак»).

Сучасны ўкраінскі паэт Іван Лучук здолеў зрабіць ажно тры вельмі прыблізныя варыянты паліндрамічнага перакладу гэтага верша:

I

Мане то не Марія і рамено те – нам;
Марсе, мол и Марію – і рами ломе срам.

II

Мав віру я, Марія – і рам'я, у рів – вам;
Марсе, молитва – Діві, відав ти – ломе срам.

III

Чемно мол ися Діві, від яси – лом, он – меч;
Череп масу береже, жеребу сам переч.

Сімёён стаў называцца Полацкім менавіта ў Москве, дзе плённа развівалася яго літаратурная творчасць, адлюстроўваючы найбольыш перадавыя ідэі таго часу. Непасрэдна тут ім былі напісаны яго асноўныя сачыненні: філософскія і багаслоўскія трактаты, пропаведзі, гутаркі, настаўленні, драмы, камедыі, а таксама мноства вершаў, з якіх потым ён склаў два манументальныя зборнікі – «Ве-

ртоград многоцветный» і «Рифмологіон» па 1300 старонак кожны. Гэта былі першыя паэтычныя зборнікі ў Расіі.

Да пераезду ў Маскву Сімёён Полацкі пісаў свае творы на роднай беларускай мове, а ў сталіцы перайшоў на рускую і авалодаў ёю дасканала, пра што сам пісаў у прадмове да «Рифмологіона»:

Писах в начале по языку тому,
Иже свойственный бы моему дому.
Таже увидев многу пользу быти,
Словенскому ся чисту учити.

Вершаскладанне было галоўным захапленнем Сімёона. Ён пакінуў вялізную спадчыну – 50 тыс. радкоў, пісаў ва ўсіх жанрах і дасягнуў вытанчанасці формы. Першым у Расіі ператварыў паэзію з рамяства ў мастацтва. Большаясь вершаў Сімёона пабудавана па адной схеме: вобраз і яго мастацкі эквівалент маральнага зместу:

Колесо скрипяще путнику стужает,
Человек же ропотный – богу досождает.

Паэтычныя асацыяцыі Сімёона часта вельмі нечаканыя, рыфрамавацца могуць і паўрадкоў:

Не люби цела и будет цела
Душа, конечно, поживёт вечно.
Три жизни, хлебе, со Христом в небе...
Ці яшчэ больш рыфмаваныя па форме радкі:
Есть прелесть в свете, як в полном цвете, ту ты остави.
Возлюбленные, душе грешная, от зноб воспряни.
Приходит время, а грехов бремя тя угнетает,
демон же смелый на тебе в стрелы яд свой впущает.

Сімёён Полацкі ўпершыню ў рускай літаратуры ствараў так званыя амбівалентныя вершы, якія маюць некалькі спосабаў прачытання. Амбівалентны верш «Приветство Михаилу Тимофеевичу Лихачеву о поятии супруги второго» напісаны ў 1680 г. Адна частка тэксту адрасавана Лихачову, які пабраўся шлюбам, а другая частка прысвечана яго жонцы [1, с. 312–313]:

Бог сый в небе	Боже благий
Радость в тебе	Свете драгий
Да дарует	Да хранише
Честь и славу	Марфу зздраву
Мужу праву	За тваю славу
Да готуем	Юже зримее
За то, яко	Тя, любящу
Всем благ всяко	И служашу
Бываеши	Сердцем правым
Бедным милость	Умом десным
Скорбным радость	Словом честным...

Сам Сімяон называў гэты тэкст «узлом приветственным», гэта значыць, што ў гэтым вузле звязаны тры тэксты: віншаванне маладому, віншаванне маладой і агульнае віншаванне для маладых. Гэта барочны прынцып, калі тэкст і твор не супадаюць, калі існуе твор і нібы ў ім тры тэксты.

Ёсць у Сімяона Палацкага паэтычныя творы, якія належалаць да так званай макаранічнай паэзіі – злучаюць радкі на трох мовах – славянскай, польскай, лацінскай:

В мире не мирном мир ным бывает,
Егда царь мира врат побеждает.

Галоўны зборнік паэзіі Сімяона Палацкага «Вертоград многоцветный» выказаў усе дыдактычныя імкненні паэта, якія лічыў свае вершы дапаможнікам для выпраўлення нораваў: «Обрящет зде благородный и богатый врачевства недугом своим; гордости – смижение; Обрящет гневливец – крапость и прощение удобное; ленивец – бодрость; глупец – мудрость <...> ненавистник – любовь <...> безумник – воздержание». Ёсць там і творы сатырычнага зместу (вершаблічэнне «Манах»).

Размясціўшы вершы ў алфавітным парадку, Сімяон стварыў своеасаблівую энцыклапедыю, дзе перапляталіся царкоўныя легенды, анекдоты, звесткі з гісторыі, геаграфіі, погляды на ідэальнаага манаха, на абязвязкі начальніка,

выкryванне распustы і чараўніцтва і асабліва зайдроснікаў і паклёнікаў.

Былі ў Сімёона Полацкага і барочныя казанні. Для барочнай паэзіі характэрны асветніцкія тэндэнцыі. Менавіта ў творах Сімёона, якія складаюць яго зборнік «Верто-град многоцветный», гэтыя тэндэнцыі знайшлі найбольш яркае адлюстраванне. Зборнік змяшчае 1246 вершаў і часта парападобнае з энцыклапедычным даведнікам. Зборнік падзелены на тэматычныя рубрыкі, размешчаныя ў алфавітным парадку, пад кожнай рубрыкай аўяднаны цыкл вершаў. Тэмы яго вершаў разнастайныя – ад самых агульных: праца, закон, мараль, годнасць, слава, любоў, смерць, да канкрэтных, накшталт апісання звяроў, птушак, рыб, дрэў, кветак, мінералаў. Трактуюцца ў вершах і гістарычныя падзеі, асобы, апісваюцца палацы, цэркви. Сімёон імкнуўся раскрыць алегарычныя сэнсы рэчаў, перакладаў іх з мовы канкрэтных вобразаў на мову паняццяў і лагічных абстракцый, разбураў створаны ім рэчавы свет. Вершы Сімёона Полацкага адначасова адкутоўваюць і вучаць маралі, настаўляюць у дабрачыннасці. Гэта была ў першую чаргу паэзія дыдактычная, асветніцкая. На свае паэтычныя творы Сімёон глядзеў не як на гульню ці забаву – прызванні паэта і настаўніка былі для яго непарушна звязаны. Ён востра адчуваў адказнасць паэта, здольнага захапіць «думкі і сэрцы», за ўзровень культуры і маралі сваіх сучаснікаў [5, с. 657–659].

Стылю барока адпавядае і паэтычнай мове Сімёона Полацкага. Многія эпітэты, метафоры, парападобні вельмі тыповыя для эпохі Контррэфармацыі: «оплаканный мир», «тьма неверия», «ров отчаяния», «сынове тма», «меч еретика». Для яго стылю характэрна насычанасць біблейскімі цытатамі і антычнымі рэміністэнцыямі.

За 16 гадоў жыцця ў Москве (1664–1680) паэт напісаў вялікую колькасць вершаў, дзве п'есы, некалькі твораў царкоўна-рэлігійнага характару, пераклаў на вершы і ў 1680 г. выдаў «Псалтирь рифмотворную», якая з'яўляецца першым

друкаваным зборнікам у Маскоўскай Русі. Свае вершы маскоўскага перыяду Сім'яон Палацкі аб'яднаў у два зборнікі «Вертурад многоцветный» і «Рифмологион» (1678).

Адной з галоўных асаблівасцей барока ў літаратуры была гіпербалізацыя, гіпертрафіраваная эмацыянальнасць пачуццяў, тое ўздзеянне на псіхіку чалавека, якое выклікала ў чытача пэўны эфект, душэўнае перажыванне. Барочная літаратура, імкнучыся выклікаць у чытача патрэбны дыдактычны эфект, карысталася супастаўленнем супрацьлеглых паняццяў зямнога і вечнага, прыгожага і агіднага, высокага і нізкага. Такія прыёмы любіў ужываць і Сім'яон Палацкі, прычым пастаяннае нагрувашчванне кантрастаў пераходзіць у яго амаль у «любаванне» імі, робіцца самамэтай, нейкім «пляценнем» тропаў. Такім прыкладам служыць прадмова да «Вертурада многоцветного»: «Обрядет зуе благородный и богатый врачеества недугом своим: гордости смиреніе, сребролюбие благорасточение, скупости подаяние, всехвальству смиренномудрие обрящет худородный и нищий своим недугом целебная: роптанию терпение, татбе трудолюбие, зависти тленных презрение...»

Пашыранымі з'яўляюцца ў паэта алегарычныя супастаўленні. Такія антыгетэзы ў тэксле ўжываюцца побач: «сварнеласць лица» – «светлость ока»; Хрыстос «жаждую зморенны» – Хрыстос «без дна вод живых»; «Тма имглиста» – «солнечное променъе», падобная кантраснасць назіраецца не толькі ў духоўных, але і ў свецкіх вершах Сім'яона. Напрыклад, у прывітальнym вершы рускаму цару Аляксею Міхайлавічу:

Не всегда на воздухе бывает тма имглиста,
Аки вставичие трвает ночь чорно облачистая.
Але и солнечное променъи коло блестает.
Затым и самого сияющага светлость бывает.

Творчасці Сім'яона Палацкага ўласціва агульная тэндэнцыя ў імкненні да ідэалізму і містыкі з яе культам нябеснага, вечнага. Хуткаплыннасць часу, марнасць зямнога жыцця ён пацвярджае назіраннямі і над прыродай.

Сімяон Полацкі любіць часта і ўмела выкарыстоўваць «касмічную» і астралагічную сімволіку. Любімыя вобразы: Сонца (яно выступае ў вершах і ў прымым сэнсе – нябеснае свяціла, так і ў пераносным – сімвал дабрачыннасці, «истинной веры»), месяц, зоры, планеты, дзень і ноц:

Солнце на землю не само действует,

Но и луна с ним много изводствует.

Ты, царю, солнце, а луна Мария царица... («Стихи краесогласные...»).

Калі ж Сімяон выкарыстоўвае вобраз планет, стыхій і іншых касмічных з'яў нават у іх прымым сэнсе, то і тады яны набываюць алегарычнае адценне:

О яко ж стражуеш, кто ж может сказать?

Вспомнивши, мусит, сердце ся подати.

Немо створене и то тя рыдает.

Луна и солнце в кровь ся премънает.

Вси элемента в жалость ся прибрали,

Рвутся от жалю и твердыя скалы...

Адухаўленне нежывой прыроды на той момант у Сімяона Полацкага было даволі смелым наватарствам.

У «кніжыцах» Сімяона сустракаем так званыя фігурныя вершы (*carmina figurata*) – вершы, графічная кампазіцыя якіх нагадвае якую-небудзь геаметрычную фігуру ці нават прадмет (герб, кубак і інш.). Фігурныя вершы былі вядомыя ўжо ў античнай паэзіі [3, с. 145].

Сімяон ахвотна карыстаўся запрашэннем з'яўляцца ў царскі палац з любога ўрачыстага выпадку. Стаяў вядомым і як выхавацель царскіх дзяцей. Калі нарадзіўся царэвіч Сімяон, паэт паднёс усцешанаму бацьку свайго цёзкі нешта нябачанае дагэтуль ні царом, ні прыдворнымі: віншаванні мелі форму крыжа, восьміканцовай (калянднай) зоркі, ромба, сэрца, стужкі серпанціну [1, с. 103].

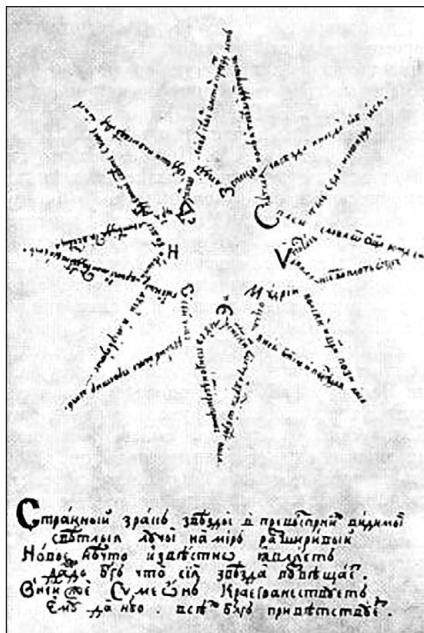
Контурныя вершы Сімяона Полацкага ўяўляюць сабой значную цікавасць. Так, верш у выглядзе зоркі, які адресаваўся Аляксею Міхайлавічу, уваходзіў у кампазіцыю «Бла-

гоприветствования». Гэты твор (зборнік «Рифмологіон») уяўляе сабой восьміканцовую зорку, кожны з канцоў-промняў якой змяшчае абавязковае барочнае двухрадкоўе (мал. 1) [9, с. 141]:

Светлая звезда иногда явися,
Спаситель егда мирови родися.
Ипостась слова от Отца рожденна
Изволением во плоть обличенна.
Мудрый волови и цари познаша
Моща в ней божию и последоваша
Персидских от стран Христа обретоша
Ему с поклоном дары принесоша.

Варт звярнуць увагу, што вытокі промняў зоркі – акраверш, у якім вялікія літары складаюць імя царэвіча Сімёона.

Увогуле, знак восьміканцовай зоркі быў пашыраны ў народнай арнаментыцы славян – беларусаў, украінцаў (але значна радзей, чым у беларусаў, і тым частцей, чым далей на поўнач Украіны), рускіх (радзей, чым ва ўкраінцаў, але даволі часта на поўначы Расіі, асабліва ў Наўгародскай вобласці), балтаў – літоўцаў, латышоў, скандынаваў – шведаў, нарвежцаў, фінуграў – эстонцаў, фінаў, карэлаў, марыйцаў, удмуртаў, мардвы, іншых фіна-уграў Паволжа, венграў.

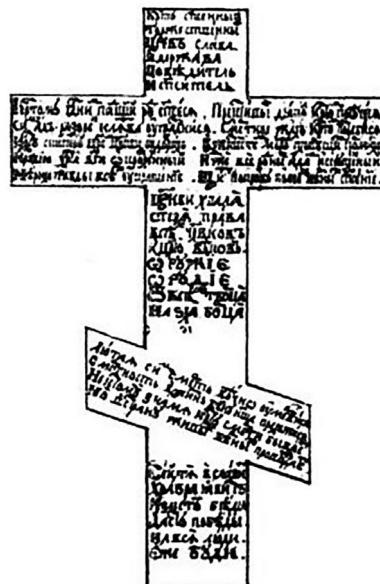
Мал. 1. Сімёон Палацкі. Верш у выглядзе зоркі «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона». 1665 г.

У беларускай арнаментыцы такая зорка вышывалася, пераважна чырвонымі ніткамі, на ручніках, абрусах, мужчынскай і жаночай вопратцы ў цэнтральнай Беларусі, Панямонні і інш.; часта выкарыстоўвалася ў ткацтве, вырабе рэчаў з саломкі, ва ўпрыгожванні яек-маляванак. У фіна-уграў арнаментальная васьміканцовая зорка азначала Месяц.

У беларусаў усведамленне знаку як азначэння Месяца было з цягам часу страчана, і бліжэй да нашых часоў такая зорка азначала маці або чалавека або ўраджай, а Месяц азначаўся ромбам.

Сімёон Палацкі дбаў пра форму сваіх вершаў, выкарыстоўваў гульню слоў, жангліраваў тропамі: для яго творчасці характэрны так званыя «барочныя фугі» – разгорнутыя перыяды. Часта пра змест твораў гаварыць не прыходзіцца: ён цалкам падпарадкованы вонкавай форме.

Форма крыжа была выкарыстана Сімёонам у адным з ранніх твораў. Верш быў напісаны на польскай мове і складаўся з двух радкоў. Першы радок – апора крыжа. Ён быў напісаны па вертыкалі. Перакладзіна крыжа ўяўляла сабой другі радок. Гэта быў рэлігійны верш, звязаны з вобразамі Дзевы Марыі і Ісуса Хрыста. Прыехаўшы ў Москву, такую ж самую форму крыжа Сімёон Палацкі выкарыстоўвае ў панегірычнай паэзіі і піша падобны верш ужо ў форме восьміканцовага крыжа ў гонар Аляксея Міхайлавіча (мал. 2).

Мал. 2. Сімёон Палацкі.
Верш у форме крыжа. 1665 г.

Верш у выглядзе крыжа нёс думку не толькі пра пакуты Хрыста, а і пра верагодныя і непазбежныя ахвяраванні манарха. Крыж бачыцца ўвасабленнем чалавечага лёсу, пэўным прадвызначэннем кожнага, хто нясе свой крыж. Верш у выглядзе крыжа мог таксама паказваць, што паэт – манах, а твор, прысвечаны каму-небудзь з царскай сям'і, з'яўляеца блаславеннем. І нават тое, што паэт, які жыве і працуе на чужыне, бачыць у сваёй адданасці мастацтву паятычнага слова, у сваёй педагогічна-асветніцкай і іншай дзейнасці пры двары сваю пэўную прароцкую патрыятычна-грамадзянскую місію. Гэта яго гонар, які прыглушае боль па сваім родным краі. Паэт паказвае ўсім творам хуткаплыннасць часу і вартасць шанавання і благаславення кожнага моманту жыцця.

Яшчэ адзін прыклад візуальнага верша – гэта верш у форме сэрца, які з'яўляеца таксама эксперыментальний барочнай формай.

Верш у выглядзе сэрца – гэта фрагмент паэмы «Орел российский». Панегірычныя радкі складаюцца ў форму сэрца, а над імі мы бачым евангельскую цытату: «От избытка сердца уста глаголют».

Варта адзначыць, што сэрца – гэта адзін з найважнейшых органаў арганізма, што сімвалізуе любоў (галоўным чынам ад сярэднявежча). У старажытнасці асцыіраваны з найглыбейшымі перажываннямі чалавека. Сімвалізуе цэнтр разуму, волі, памяці, найважнейшых духоўных здольнасцей чалавека. Біблія часта звязраеца да сімвала сэрца як унутранага свету чалавека («Бог глядзіць на сэрца», «зацвярдзелае сэрца фарысей» і інш.).

Верш у выглядзе сэрца – гэта сімвал душы чалавека, шчырасці, любові і прыгажосці. Хвалістыя радкі верша – гэта ідэя барока аб знаходжанні ўсяго ў вечным руху (мал. 3) [9, с. 46].

Як вядома, слоўныя лабірынты дазвалялі чытачу эпохі барока блукаць у пошуках ісціны па кнізе, але ў гэтым

Мал. 3. Сімяон Полацкі.
Верш у выглядзе сэрца. 1661 г.

чаць праслаўленню яго радзімы.

Ствараючы верш у выглядзе сэрца, яго аўтар падкрэслівае, наколькі моцныя пачуцці ім валодаюць.

Паэту цяжка быць арыгінальным, калі ён вымушаны будаваць тропы па ўжо прынятых узорах-матрыцах (узмацияльныя метафары з назоўніка ў назоўным склоне і назоўніка ў родным склоне – «тма неверия»), калі ён мае права мяніць вершаваныя формы, звязаныя стылёвымі ланцугамі правіл: абавязковым парадкам слоў з аднолькавымі канчаткамі, гэта значыць не можа карыстацца ўнутранай рыфмай. Верш «Лямант на смерць Леонтия Карповича»:

Доступил ли утехи, то подставит мехи
Под зреніцы кривавыи, немаш нам утехи.

Як гаварылася вышэй, паэт шырокая выкарыстоўвае барочныя прыёмы пісьма: уводзіць антычныя ўстаўкі і дэкарацыі, звяртаецца да зрокава-графічных эфектаў, ускладненых метафар, аллегорый, гіпербал. Значны ўплыў

выпадку правільны адказ (выход) толькі адзін. Варыянтаў-шляхоў з жыццёвых лабірынтаў шмат, але кожнаму варта знайсці свой. Зразумела, што паэт думаў пра сваю радзіму і працаў, не шануючы свайго здароўя, нібы апраўдаючы і суцяшаючы сябе, што ён усладуляе манарха Расійскай дзяржавы і яго сям'ю. Але ён быў перакананы, што яго разнастайная штодзённая праца абавязкова ацэніцца як плённая і неабходная, што яго імя будзе садзейні-

на барочную стылістыку аказала руская архітэктура і жывапіс. На заключным жа этапе ўсё большае ўздзейнне на паэтыку Сімёона аказвала фальклорная стыхія, бытавая сферы народнага жыцця. Гэта перапляценне разнастайных творчых упłyваў і арыентацый своеасабліва адбілася на метрычнай структуры сілабічнага верша Сімёона Полацкага.

Разнастайнасць метрычных форм, прынцыпы рыфмоўкі, ужыванне міжрадковых пераносаў сведчылі аб структурнай завершанаасці сілабічнай сістэмы Сімёона Полацкага, які ў сваіх пошуках не механічна пераносіў гатовыя ўзоры ці традыцыі суседніх літаратур, а імкнуўся да творчай самастойнаасці і арыгінальнаасці.

З метрычнымі асаблівасцямі вершаў Сімёона Полацкага звязана і яго строфіка. У адрозненне ад дасілабічных форм суцэльнага верша, які грунтаваўся на адзінстве паэтычнай фразы і цалкам залежаў ад сэнсава-сінтаксічнай завершанаасці. Сілабічная сістэма вершаскладання ў вершах на польскай мове змяняецца на сілаба-танічную. У творчасці Сімёона Полацкага назіраецца агульнабарочная тэндэнцыя да ўскладненай формы верша. У яго літаратурнай спадчыне мы можам сустрэцца з вершамі, напісанымі сапфічнай страфой, вершамі з даволі цікавымі для таго часу незвычайнімі рыфмоўкай і рытмам ААБВВБ, двухстопным харэем. Прыкладам такога твора з'яўляеца верш «Песенка аб смерці», адна з частак «Орла Российскаго»:

Господствует сие гадательствоватьвати,
Что Орёл в солнце хощет знаменати
Да провещают своими именами
Твоя камены,
Я же, пиющи от дивныя воды,
Стихотворными бывают с природы.
Вели начинати стиховещати...

А вось цікавы прыклад другога:

Хотят дело
Си весело
Совершити,
Должен быти
Креста чтитель
И любитель.

Сімяон Полацкі, творчасць якога значная і ў колькасных адносінах, і ў сваёй багатай жанрава-тэматычнай разнастайнасці, з'яўляеца найбольыш значным прадстаўніком «высокага» барока ў Беларусі, стваральнікам духоўнай паэзii, паэзii «вертыкальнага» руху – ад зямлі да бога [9, с. 138].

Візуальныя творы Сімяона Полацкага, ад якога і прынята весці гісторыю рускай візуальнай паэзii, можна суадносіць з авангарднай паэзіяй, у якой закранаюцца асноўныя ідэі постмадэрнізму. Адна з іх – магчымасць разумення тэксту і яго індывидуальнай трактоўкі кожным чытачом, што ўяўляе своеасабліве супрацоўніцтва з аўтарам. Візуальныя творы маюць «множнасць», пры іх аналізе-сінтэзе існуе адпаведная шматсэнсавасць. Гэта нязвыклая форма светаўспрымання. Празрыстасць для аднаго можа быць зусім іншай празрыстасцю для іншага. Для кагосыці твор застанецца незразумелым. Адгадка існуе для тых, каму цікава яе знайсці [7, с. 68].

Сімяон Полацкі, як і іншыя прадстаўнікі барока, лічыў, што сусвет – гэта таямніца, кніга, якую варта разглядаць, разгадваць. Таму і ў паэзii значным становіцца ўсё – почырк, шрыфт, колер чарніла і форма верша. Так, уся разнастайная творчасць, як і выяўленчыя вершы, што будуюцца ў выглядзе арнаменту ці фігур, нясе праз стагоддзі коды, што ўсведамляюцца як семантычная квінтэсэнцыя вобразу і сімвалу, якія варта спазнаць чалавецтву.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арлоў, У. А.** Таямніцы полацкай гісторыі / У. А. Арлоў. – Мінск : Папуры, 2008. – С. 295–316.
2. **Васючэнка, П. В.** Літаратурная мода або традыцыя? Паэзія Сімяона Полацкага і сучасны беларускі постмадэрнізм / П. В. Васючэнка // Адукацыя і выхаванне. – 1998. – № 3. – С. 3–7.
3. **Еремін, И. П.** Поэтический стиль Симеона Полоцкого / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт литературы (Пушкинский Дом) ; ред.: В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1948. – Т. 6. – С. 125–153.
4. **Жыбуль, В.** Гісторыя і тэорыя паліндрому [Электронны рэсурс] / В. Жыбуль. – Рэжым доступу: <http://belcollegium.by>. – Дата доступу: 03.04.2016.
5. **Званарова, Л. У.** Сімяон Полацкі / Л. У. Званарова // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імія Я. Купалы ; навук. рэд. тома В. А. Чамярыцкі. – С. 657–682.
6. **Мальдзіс, А. І.** На скрыжаванні славянскіх традыцый / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.
7. **Матвеева, М. С.** Визуальная поэзия – биологический вид творчества: статья первая / М. С. Матвеева // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 4 (7). – С. 64–84.
8. **Сімеон** Полоцкій. Виршы / Сімеон Полоцкій ; сост., подг. текстов, вст. ст. и comment.: В. К. Былиніна, Л. У. Звонарёвой. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 447 с.
9. **Сімеон** Полоцкій. Орел Российский / Сімеон Полоцкій ; изд. подг. Л. И. Сазоновой. – Москва : Индрик, 2016. – 376 с.

ЕВАНГЕЛИЕ ВАСИЛИЯ ТЯПИНСКОГО

Смирнова Е.А.
(г. Москва, Российская Федерация)

В настоящее время готовится к печати монография, посвященная Василию Тяпинскому, белорусскому реформатору XVI в., владельцу типографии и переводчику Евангелия на «просту мову». Сохранилось два экземпляра Евангелия Тяпинского (далее ЕТ): 1 экз. – Публичная библиотека Санкт-Петербурга (РНБ): шифр 1.1.29 в Погодинском книгохранилище № 83 отдела рукописей; 2 экз. – Архангельский краеведческий музей (№ 3531).

Первое текстологическое исследование Евангелия Тяпинского появилось в «Духовной беседе» во второй половине XIX в. в виде двух статей и одной заметки архимандрита Иосифа [9; 10; 11]. В первой статье автор рассказывает о Евангелии Тяпинского как о замечательной находке: «Не новость сообщаем, а хотим открыть старину, довольно замечательную, но мало известную. В Императорской публичной библиотеке, в отделении «церковно-славянских древностей», под № 107-мъ хранится Евангелие от Матфея (все) и Евангелие от Марка (до 10-го стиха 14-й главы) – напечатанное в лист, с разделением на два столбца, из коих в первом помещается славянский текст, а в другом – малороссийский перевод. По заглавию можно заключать, что здесь должны быть и остальные два Евангелия – от Луки и Иоанна; но вместе с последними главами Евангелия от Марка оторваны» [9, с. 362].

П.В. Владимиров в конце XIX в. опубликовал Предисловие к Евангелию Тяпинского [1].

Следующее исследование, посвященное Евангелию Василия Тяпинского 1580 г., появилось в начале XX в. и принадлежало М.В. Довнару-Запольскому [6]. Автор статьи

констатирует: «Место издания неизвестно; не ясно также, вышла ли книга в свет, или осталась не допечатанной. Наконец совсем неизвестна биография автора» [6, с. 232].

Благодаря сохранившемуся труду Сымона Будного «Urząd miecza» (1583) о съезде литовских социниан в Лоске, Довнар-Запольский устанавливает принадлежность Тяпинского к социнианству и его связь с Будным. Выясняется, что владелец «убогой друкарни» был деятельным членом протестантского движения. Свидетельство Будного дало точку опоры для биографических поисков: Тяпинский был литовским шляхтичем, владевшим имением (Литовская метрика подтверждает это). Но основное внимание исследователь обращает на то, что Тяпинский был «не только переводчик евангелия и деятельный член социнианской секты; его предисловие к евангелию представляет собою весьма видный памятник политической литературы того времени» [6, с. 234]. Судя по всему, Тяпинский преследовал не только религиозные цели (в предисловии нет намеков на исключительно конфессиональные цели перевода), он понимал вопрос шире, ратуя о поднятии путем образования национального самосознания. Он пишет в то время, «когда полонизация края делает первые шаги, первый начинает борьбу с нею и – что весьма замечательно – не на почве религиозной (как это было впоследствии), но – на национально-культурной» [6, с. 245].

Первые исследования, посвященные изучению языка Евангелия Тяпинского, появляются только во второй половине XX в. Здесь следует отметить работу Журавского [8]. Исследователь описывает языковые особенности Предисловия и текста Евангелия, а также 210 гlosс, написанных переводчиком на полях.

В серии статей и монографии И. Климов описывает издательскую деятельность В. Тяпинского, систему письма памятника литературы (графика и орфография), язык перевода (фонетические, морфологические, синтаксические

и лексические особенности), характер перевода (источники и техника перевода), приводит текстологические исследования (характер маргиналий, источники этимологии и цитат) [12].

В 2005 г. выходит в свет факсимильное издание Евангелия [16]. После предисловия и полного теста Евангелия следуют комментарии: Hans Rothe, Г. Голенченко, И. Кимова [18, с. 188–195]. Голенченко восстанавливает родословную Тяпинских, приводит и описывает сохранившиеся документы и материалы: регесты, дает обзор литературы, книговедческое описание памятника.

Г. Голенченко полагает, что первые сведения о Тяпинском изложены в предисловии С. Будного к его изданию Нового Завета (Лоск, 1574). Будный, не называя фамилии, упоминает об одном из видимо близких ему деятелей, который высоко оценивал славянские переводы Священного Писания. Скорее всего, в эти годы Тяпинский уже думал о своем переводе Евангелия. О конфессиональной деятельности Тяпинского Будный писал в своих книгах: «*O przednieyszych wiary christiańskiey artikulech*» (Лоск, 1576), «*O urzędzie miecza używającem*» (Лоск, 1583). В них рассказывается о двух совместных антитринитарских синодах «литовских» и польских «братьев» с участием и его близкого сторонника – В. Тяпинского. После этих сообщений более 200 лет о Тяпинском нет никаких упоминаний. В 1896 г. немецкий и польский славист А. Брюкнер впервые связал сведения из упомянутых книг Будного с переводческой и издательской деятельностью Тяпинского. М. В. Довнар-Запольский изучил социальное и имущественное положение шляхтича Василия Тяпинского благодаря выявленным судебным актам с участием Тяпинского (в книгах господарской канцелярии – «Литовской метрике») [4, с. 152].

О жизни Тяпинского имеются лишь фрагментарные письменные свидетельства [17, с. 139].

1. О рождении, детстве и юности его ничего неизвестно. Однако принято считать, что он родился в 1540-е гг. Это предположение основано на том факте, что существует гравюра с изображением Тяпинского, датируемая 1576 г. Исходя из этого, считается, что Тяпинскому на портрете приблизительно 35–45 лет (Г. Голенченко считает, что эта гравюра «представляет несомненный фальсификат <...>, так как особенности портретно-художественного изображения Тяпинского не соответствуют традициям того времени; существенно отличается и кириллическая графика даты “1576”» [5, с. 185]. Сведений о пребывании Тяпинского в зарубежных университетах нет. Более точные данные о реальном возрасте Тяпинского находим в завещании его матери, датируемом 1563 г. Преклонный возраст матери, упоминание о смерти мужа в 1560-е гг., а также наличие в семье троих сыновей, заставляет предположить, что Василий был рожден в 1530-е, а может даже в 1520-е гг.

2. Благодаря новым архивным исследованиям, появились сведения о родословной Тяпинских и породненных с ними Служек-Тяпинских [2].

3. Исконные и приобретенные имения Тяпинских находились в 1560–70-х гг. в разных частях Великого княжества Литовского. В документах Тяпинский упоминается как владелец земли (земянин) в районах Вильно, Минска, Лиды. В основном он жил в родовом имении Тяпино в Полоцкой области, в 18 милях от Лепеля. Тяпинский также был владельцем земель по линии своей жены княжны Софьи Даниловны Жижемской [17].

И. Климов приводит краткий обзор белорусской письменности XVI в. Эта литература достигла своего пика во второй половине XVI – первой половине XVII в. [18, с. 189]. Исследователь говорит о переводе Священного Писания на «простую мову» до XVII в. Переводы в то время были редкими и являлись в большинстве своем следствием частной инициативы немногочисленных религиозных групп, кото-

рые хотели иметь текст Библии на понятном народу языке. Климов описывает влияние протестантизма на изательскую деятельность в Великом княжестве Литовском, указывает печатные центры (Брест – с 1533 г., Несвиж – с 1562 г., Заславль – с 1572 г., Вильно, Новогрудок, Левье, Любча – 1580–90-е гг.) и их основателей (Николай Радзивилл Черный и его последователи (Брест, Несвиж), Ян Кишка (Заславль)). Любча стал в XVII в. главным центром протестантской типографии Великого княжества Литовского. Наследник Радзивиллов, Кристоф Сиротка, открывает в 1570-х гг. типографию в Вильно и печатает иезуитские издания. Также в Вильно открыли свои типографии Даниель Лечица (с 1594 г.) и Иоганн Карцан (с 1580 до 1595 г.) – они печатали на высоком полиграфическом уровне работы на польском и латинском языках. Начало русского книгопечатания на Украине связано с Иваном Федоровым, который с 1574 г. работает во Львове, затем в Остроге. Типография Василия Тяпинского была независимым издательством, но где именно было напечатано Евангелие Тяпинского, остается неясным [18].

В монографии впервые представлен наборный текст «простомовного» Евангелия В. Тяпинского, изданного около 1580 г. на двух языках: на «простой мове», письменном языке Литовской Руси XVI–XVII вв., и по-церковнославянски. Набор производился по изданию, хранящемуся в Российской национальной библиотеке (шрифт Cyrillica Bulgarian). В книге приводится исчерпывающее описание всех глагольных форм «простомовной» части издания Тяпинского с выявлением на этом материале языковой вариативности. Для получения более полной языковой картины материал для исследования собирался не выборочно, а целиком (включая те фрагменты Евангелия от Марка в ЕТ, где текст сохранился не полностью). Подробному описанию и анализу подвергается история изучения «простой мовы» и языка Евангелия Тяпинского. Вторая глава, состоящая

из нескольких разделов, посвящена лингвистическому и статистическому описанию всех форм глагольных времен и наклонений, зафиксированных в Евангелии: форм настоящего, будущего и прошедшего времен, повелительного и условного наклонений, причастных и деепричастных форм, инфинитива. Основной задачей третьей главы стало выявление языковой вариативности – орфографической и морфологической – в области глагольного словоизменения, а также описание собственно «простомовной» языковой вариативности со всеми вариантами формирования регулярных спрягаемых глагольных форм ЕТ, в том числе возникших в результате польского языкового влияния. В книге представлена восстановленная «простомовная» глагольная система, воссозданы парадигмы всех глагольных времен / наклонений, описаны причастные и деепричастные формы. Для максимального заполнения парадигм использовались материалы ЕТ и, в случае необходимости, Литовского Статута 1588 г. (в описании форм сложного будущего II, а также особенностей употребления формы 3 л. ед. ч. настоящего времени) – непереводного «простомовного» памятника юридической письменности, получившего недавно исчерпывающее языковое описание [14].

К книге прилагается список всех глагольных форм, встретившихся в Евангелии Тяпинского и отсортированных по наклонениям и временам, а также глагольный словоуказатель. После каждой формы в скобках отражена информация о ее местонахождении в Евангелии – глава и стих (примечательно, что стихи в Евангелии пронумерованы самим Тяпинским: «обе колонки в ЕТ имеют единую нумерацию стихов (впервые в кириллическом издании), перикоп, глав» [13, с. 373]. Если форма встречается в одном стихе несколько раз, эта информация дается рядом в скобках, например: **есТЬ** (Мф 19:10(2)).

В тексте ЕТ при наборе произведена разбивка на слова – в соответствии с данными старобелорусских и старо-

украинских словарей. Есть и некоторые отклонения от словарного написания. Например, отдельной лексемы **кольвекъ** в старобелорусском словаре нет, но есть **которыникольвекъ**. Однако в тексте Тяпинского данная слитная форма может разбиваться, поэтому приводится нами отдельно по всему тексту, ср.: **Котории бо кольвекъ чини^т волю ѿца моего которій ё на йесе · тотъ братъ мои · и сестра, и матка ми есть** (Мф 12:50). Аналогично с частицами, которые во всех случаях отделяются нами от глагольной формы, так как в ЕТ встречаются случаи дистантной постпозиции **сѧ**: **И мовил ем⁸, тоε в'се тебе дам', если пад'ши поклониш' ми сѧ** (Мф 4:9); **И слышау 8уонты, и переднеишіе оферовнікі · и ис'калі, лкъ его үг8біті · волли бо сε его** (Мк 11:18) (о слитном / раздельном написании частицы **сѧ** с глаголом см. [7]).

Наречие **сεз'де** дается именно в такой слитной форме, хотя в словаре старобелорусского языка приводится лишь форма **зде** в этом значении. Однако регулярность и однотипность употребления Тяпинским данного наречия позволяет трактовать его написание для рассматриваемого текста именно таким образом. Ср.: **Мовълю пакъ вамъ, ижъ церкви большій ё сεз'де** (Мф 12:6); **Мжове ниневитъскіе повъстанчы на судъ з родомъ тымъ, и осудить его, ижъ показали сѧ на проповеданье ионію · и ото больши ионты сεз'дѣ** (Мф 12:41); **ижъ пришла с конца земли слышетъ мудрость саломоновъ · и ото больши соломона сεз'дѣ** (Мф 12:42); **и она направлена ѿ матки своей, дай ми рекла сεз'де на мисе голову иоана крестителя** (Мф 14:8); **Они пакъ мовили ему · не маємъ сεз'де, только путь хлебовъ и дывѣ рибы** (Мф 14:17); **Правдиве мов'лю вамъ, ижъ суть некоторые үзъ сεз'де стоячихъ, которые не мають въкусити смерти** (Мф 16:28); **если хочешъ, 8чинимъ сεз'де т'ри үаслонты, тобѣ однѹ · а моисею однѹ · а однѹ ильи** (Мф 17:4); **Въ однадцатѹ пакъ годинѹ вышодъши, нашолъ д'ругихъ стоячи порожнюючи · и мовиль имъ што сεз'де стоите весь день порожнюючи** (Мф 20:6); **и исесь рекъ имъ, видите ль в'се тоε · правдиве мов'лю вамъ, не маеть остатъ сεз'де камень**

на камени, которини не розрѣшить се (Мф 24:2); Тогды есьлі ^хто речеутъ вамъ ото сеъде христосъ, або онъ де, не имите веры (Мф 24:23); Тогды мовилъ имъ исусъ, ҃асмѹона есть аѹша моя до съмерти · пождите сеъде, и чуите со мною (Мф 26:38); Нету сеъде, въсталъ бо ажъ рекъ · приидите видите месцо, гдѣ лежалъ панъ (28:6); Не тотъ ли ^е тесъл, сънъ мариинъ · а братъ акову, иосии иуде, и симону · и не сестриль его сеъде суть 8 нась (Мк 6:3); И Ѣповедили ему Ѣученики его, Ѣквль сихъ може ^хто сеъде настытїи хлебомъ въ пъстъни (Мк 8:4); пъравдиве мовлю вамъ, ижъ суть некоторие ^зъ сеъде стоящихъ, которые не мають въкусити съмерти, ажъ Ѣвидать королевство божье пришодшое въ моцы (Мк 9:1); И Ѣповедаючи петръ, мовилъ исусу · Ѣчителю, добро есть намъ сеъде быти (Мк 9:5); И Ѣповедаючи исусъ, рекъ ему · видишъ ли тое великое Ѣудованье · не маеть оставть сеъде камень на камени которини не розрѣшить се (Мк 13:2); Тогды есьли ^хто речеутъ вамъ, ото сеъде хсъ (Мк 13:21).

Из надстрочных знаков в наборном тексте Евангелия оставлены титло, паерок и выносные буквы; знаки при-
дыхания и ударения убраны как не несшие функциональ-
ной нагрузки и копируемые при переводе с параллельного
церковнославянского текста. Маргинальные глоссы при-
водятся внутри текста в квадратных скобках непосред-
ственно после слова или словосочетания / фразы, к кото-
рой дается комментарий переводчика. Перед толкуемым
словом или отрезком текста ставится двоеточие. Вари-
анты толкований внутри глосс помечаются двоеточием с
двух сторон, до и после: Ико бо былъ иона въ Ѣреве :китове
[то слово грекуское · котормъ твою рибу звали.] три дни и
три ночи · такъ въдѣ и синъ Ѣлавии въ сердъцы земли три дни и
три ночи · (Мф 12:40). И не Ѣчинилъ тамъ :моцѣи [въ иныхъ
перекладехъ :ѹдовъ:] мноғихъ, дла недовѣрьсътъва ихъ · (Мф
13:58). И переменилъ се передъ ними · и родъсветило се облиуи
его такъ солнцѣ, а одежи его были белы :такъ свѣтло [въ иныхъ
перекладахъ :такъ снегъ:]. (Мф 17:2). Подобно бо есть

королевство небесное, человеку домовому· который вышелъ :востоль зраньем [в' апракасе :аби зъ 8т'ра: то есть :натыхместъ зраныа:] налести роботниковъ до винницы свое· (Мф 20:1). Глоссы в наборном тексте ЕТ приводятся выборочно, а именно только содержащие толкования слов и комментарии переводчика с отсылками к местам Евангелия, где упоминается толкуемое слово (отсылки к другим книгам не представлены).

Комментарии, которые Тяпинский вставил внутрь евангельского текста, приводятся в круглых скобках: Прішолъ во к' вамъ иоанъ (к'ресътітель) дорогою сп'раведливою, и не 8верилисьте ему · а мъг'ники и в'шетоучницы, 8верили ему · вты пакъ видечи, не рос'калилисьте се опослье 8верітії ему. (Мф 21:32). Нечитаемые и несохранившиеся куски евангельского текста помечаются угловыми скобками с отточением: Тог'ды есьли х'то рече вамъ, ото сеъде х'съ, а <...> он' де, не имите вери· (Мф 13:21).

Шрифт Cyrillica Bulgarian, которым набран текст Евангелия, максимально соответствует функциональным особенностям авторского набора: графика букв по возможности приближена к исходному тексту, сохраняются выносные буквы. Графические соответствия можно увидеть в таблице ниже. Строчные буквы *e, e, o, c, t*, имеющие варианты печати у Тяпинского, набраны единообразно. Строчная буква *u* сохраняет два варианта написания: *u, ѿ*.

В глагольном словоуказателе вокабулы расположены по алфавиту. Лексемы представлены словоформами, расположенными в следующем порядке: инфинитив, настоящее время, будущее время (простое будущее, 1-е будущее сложное), прошедшее время (формы на -л, перфект, плюсквамперфект), повелительное наклонение, условное наклонение, причастие, деепричастие. Пример оформления словарной статьи:

вѣдатій инф. (Мк 4:11); **вѣдаю наст. вр. 1 л. ед. ч.** (Мф 26:70; 28:5); **вѣдаемъ наст. вр. 1 л. мн. ч.** (Мф 21:27;

Я я	я я	И и	и и	Ч ч	ч ч
Б б	б б	Н н	н н	Ш ш	ш ш
Е е в	е е в	О о	о о	Ψ	ψ
Г г	г г	П п	п п	҃ ҃	҃ ҃
Д д	д д	Р р	р р	ы	ы
Э э є	э э є	С с	с с	Ь ь	ь ь
Ж ж	ж ж	Т т	т т	Ѥ Ѥ	Ѥ Ѥ
З з	з з	҂ ҂	զ զ	Ю ю	ю ю
И и	и и	Ф ф	ф ф	Ӣ Ӣ	Ӣ Ӣ
Ӣ Ӣ	Ӣ Ӣ	Х х	х х	Ӣ Ӣ	Ӣ Ӣ
Қ Қ	қ қ	ۋ	ۋ		
Ӆ Ӆ	Ӆ Ӆ	ڦ	ڦ		

Мк 11:33; 12:14), **вѣдаєм'** (Мф 22:16); **вѣдаєшъ наст. вр.** 2 л. ед. ч. (Мк 10:19), **вѣдаєш'** (Мф 15:12); **вѣдаєте наст.** 2 л. мн. ч. (Мф 20:22; 20:25; 24:42; 25:13; 26:2; 27:65; Мк 4:13; 10:42; 13:35); **вѣдаєть наст. вр.** 3 л. ед. ч. (Мф 24:36; 24:50), **вѣдає** (Мф 6:8; 6:32; Мк 4:27); **вѣдалось перф.** 2 л. ед. ч. (Мф 25:26); **вѣдалъ ф.** прош. вр. на -л 3 л. ед. ч. м. р. (Мф 27:18; Мк 7:24; 9:6); **вѣдаите повел.** накл. 2 л. мн. ч. (Мф 24:33; 24:43; Мк 13:29); **нѣхай... вѣдає** повел. накл. 3 л. ед. ч. (Мф 6:3); **бѣти вѣдалисъте усл.** накл. 2 л. мн. ч. (Мк 2:10), **бѣти вѣдалисъте** (Мф 9:6), **бѣти есте вѣдали** (Мф 12:7); **бѣти вѣдалъ усл.** накл. 3 л. ед. ч. м. р. (Мф 24:43), **бѣти... вѣдалъ** (Мф 9:30; Мк 5:43); **вѣдаючи деепр.** (Мф 12:25; 22:29; Мк 5:33; 6:20; 12:15).

В качестве вокабулы, как правило, выступает инфинитив. В случае его отсутствия в тексте ЕТ заглавным словом статьи выступает реально зафиксированная в тексте памятника форма слова, являющаяся первой согласно принятой схеме размещения форм в рамках одной статьи: **купчെть наст. вр.** 3 л. ед. ч. (Мф 13:44; 13:46); **купчючиъ действ. прич.** наст. вр. (Мф 21:12; Мк 11:15). В случаях, если первая зафиксированная форма слова, претендующая на роль вокабулы, нарушает алфавитный порядок размещения слов, то она подается в квадратных скобках с транспозицией членов: [бити **поучнеть**]: **поучнеть** бити; [**въполнолисмо** бѣти]: бѣти **въполнолисмо**; [**въкѹсити** мають]: мають **въкѹсити**; [**занехалъ** еси]: еси **занехалъ**; [**оборонить** нѣхай]: **нѣхай** **оборонить** – это касается аналитических форм буд. сложн. I вр., усл. накл., перф., повел. накл.

В заключение отметим, что такого рода издания имеют не только научную значимость, но и практическую. Литературные памятники, отпечатанные маленьkim тиражом или сохранившиеся в нескольких экземплярах, должны выходить в свет в изданиях, доступных преподавателям и студентам, а не только узким специалистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Владимиров, П. В.** Предисловие Василия Тяпинского к печатному Евангелию, изданному в Западной России около 1580 года / П. В. Владимиров // Киевская старина. – 1889. – Кн. I.
2. **Галенчанка, Г.** Родословная Тяпинских XV–XVII вв. / Г. Галенчанка // Evanhelije... Facsimile und kommentare. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – S. 148–151.
3. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Мінск, 1982–2017. – Вып. 1–37.
4. **Голенченко, Г.** Документы и материалы: регесты / Г. Голенченко // Evanhelije... Facsimile und kommentare. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – S. 152–174.
5. **Голенченко, Г.** Книговедческое описание / Г. Голенченко // Evanhelije... Facsimile und kommentare. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – S. 184–187.
6. **Довнар-Запольский, М. В.** В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие / М. В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. I. – Киев, 1909. – С. 232–256.
7. **Жуковская, Л. П.** Древнерусское с при глаголах в издаваемом тексте и словоуказателе / Л. П. Жуковская, Н. П. Панкратова // Памятники русского языка: вопросы исследования и издания. – Москва : Наука, 1974. – С. 268–282.
8. **Жураўскі, А. І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / А. І. Жураўскі. – Мінск, 1967. – Т. 1. – С. 201–225.
9. **Іосифъ** (архимандритъ). Малороссійскій переводъ четвероевангелія / Іосифъ // Духовная бесѣда, еженедѣльно издаваемая при санктпетербургской духовной семинарії. – Санктпетербургъ, 1861. – Томъ двенадцатый. – № 12. – С. 362–368.
10. **Іосифъ** (архимандритъ). Архимандритъ Іосифъ. Малороссійскій переводъ четвероевангелія (Окончаніе) / Іосифъ, а. // Духовная бесѣда, еженедѣльно издаваемая при санктпетербургской духовной семинаріи. – Санктпетербургъ, 1861. – Томъ двенадцатый. – № 13. – С. 394–400.
11. **Іосифъ** (архимандритъ). Архимандритъ Іосифъ. Замѣтка о малороссійскомъ переводѣ четвероевангелія / Іосифъ, б. // Духовная бесѣда, еженедѣльно издаваемая при санктпетербургской духовной семинаріи. – Санктпетербургъ, 1861. – Томъ двенадцатый. – № 17. – С. 507–508.

12. **Клімаў, І. П.** Евангелле ў перекладзе Васіля Цяпінскага /
І. П. Клімаў. – Мінск, 2012.

13. **Климов, И. П.** Московский оригинал церковнославянского текста в старобелорусском «Евангелии Тяпинского» / И. П. Климов // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003. – Москва, 2003. – С. 372–389.

14. **Мякишев, В.** Язык Литовского Статута 1588 года / В. Мякишев. – Kraków, 2008.

15. **Словник** староукраїнської мови XIV–XV ст. – Київ : Наукова думка, 1977. – Т. 1, 2.

16. **Evanhelije** in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare / Hrsg. H. Halenčanka. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 5. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – 231 s.

17. **Halenčanka, H.** Vasil Tjapinski, ein weißrussische Denker und Humanist, Aufklärer und Publizist, Übersetzer und Begründer einer neutestamentlichen Verlagstradition in seiner Muttersprache / H. Halenčanka // Evanhelije... Facsimile und kommentare. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – S. 139–147.

18. **Klimau, I.** Das Evangelium des Vasil Tjapinski als Denkmal der Literatur und der Buchdrucks / I. Klimau // Evanhelije... Facsimile und Kommentare. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Biblia Slavica, 2005. – S. 188–199.

ПОЛОЦК В РУССКО-БЕЛОРУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Трифонова Н.Я.
(г. Минск, Республика Беларусь)

Вторая половина XVII в. в области русско-белорусских культурных связей была периодом активного взаимодействия, которое прослеживается в различных областях, в том числе в иконописи. Сохранились документальные свидетельства о работе в Москве кутеинского иконописца Григория [1651] [2, с. 254–255]. К более позднему времени, периоду русско-польской войны, относится упоминание еще одного мастера – Артемия из Орши, монаха Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, которого патриарх Никон посыпал в Иверскую обитель для написания копий с образов [5, с. 64]. В 1656 г. к царю Алексею Михайловичу, который находился в захваченном Полоцке, вызывался иконописец Симон Ушаков, не отпущеный, однако, из Москвы Никоном [5, с. 685]. В этом же году, вследствие царского указа из Полоцка, был выслан к государю «на стан» московский иконописец Иван Леонтьев [5, с. 378–379]. В военных походах царя сопровождал список иконы Богоматери Иверской, выполненный в 1648 г. по распоряжению патриарха Никона с чудотворной афонской святыни. Очевидно, в этот период в полоцком Богоявленском монастыре, получившем особые привилегии и материальную поддержку, появляется еще один список Иверского образа, известный по документу 1683 г., приводимому Сапуновым [3; 6, с. 153]. В этой же публикации находится фотография иконы, дающая некоторое представление об особенностях ее художественного решения. В то же время в поэзии Симеона Полоцкого конца 1650 – начала 1660-х гг. (когда он был учителем школы при Богоявлен-

ПОЛОЦК В РУССКО-БЕЛОРУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

ском монастыре и членом группы талантливых поэтов и писателей, которая сформировалась при нем), находят отражения переживания по поводу судьбы белорусской святыни – образа Богоматери Эфесской, увезенной русским царем в Москву [4, с. 62–64]. Эта тема, затронутая в научной литературе, может стать предметом отдельного исследования.

В 1650–1660-е гг. многие мастера из городов восточной Беларуси, в том числе Полоцка, переселялись в Москву в Иверский Воскресенский монастырь. В 1660 г. вместе с группой оружейников и серебряников из Полоцка в столицу прибыл полоцкий иконописец Кондрат Иевлев [5, с. 295]. Свои дворы в Мещанской слободе Москвы имели иконописцы из Полоцка Иван и Елисей Федоровы (1677) [5, с. 713–714]. В 1664 г., как известно, уехал Симеон Полоцкий, сыгравший важную роль в развитии русской культуры. Его эстетические взгляды, в соответствии с которыми прекрасное соединяет в себе Божественное и земное, оказалисьозвучны творческой деятельности таких художников, как С. Ушаков, А. Трухменский. Ими было выполнено оформление книг Симеона Полоцкого, изданных в Верхней типографии, где богатая растительная орнаментика сочеталась со стремлением к естественности в изображении фигур, пространства [1, с. 457–475].

Показательной для характеристики деятельности белорусских художников в Москве может быть творческая судьба упомянутого выше К. Иевлева, известная по документам, хранящимся в российских архивах. Как и другие мастера Оружейной палаты, он выполнял многочисленные работы по росписи, золочению предметов светского и культового назначения [7, с. 117–120]. Так, по данным А. Успенского, в 1670 г. Иевлев писал «на раку преподобному Савве Вишерскому, новгородскому чудотворцу» (создана неизвестными мастерами в

1571–1574 гг.), в 1667 г. отправленную на реставрацию в Москву¹.

Важной работой для К. Иевлева было участие в украшении Оружейной палаты стенным письмом в сентябре – ноябре 1667 г. Вместе с ним трудились такие мастера, как Симон Ушаков, Федор Зубов, Иван Филатов, Иван Леонтьев и травщик Авраам Тимофеев [5, с. 296]. В 1668 г. Кондрат Иевлев «был у травного письма в государевых хоромах» в с. Коломенском, богатый декор которых стал воплощением русского барочного стиля [5, с. 296]. Как видно на примере творческой биографии К. Иевлева, белорусские иконописцы, работая в Оружейной палате или Печатном дворе, входят в круг русских художников, таких как С. Ушаков, А. Трухменский, чья творческая деятельность соответствовала эстетическим взглядам Симеона Полоцкого.

Отмеченные моменты характеризуют только некоторые аспекты изучаемого вопроса, однако они свидетельствуют о его важном значении в исследовании процессов взаимодействия русской и белорусской культур второй половины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева, А. А. Оформление изданий Симеона Полоцкого в Верхней типографии (1679–1683 гг.) / А. А. Гусева // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 38 : Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. – С. 457–475.
2. Русско-белорусские связи : сб. документов. (1570–1667 гг.). – Минск, 1963.
3. Сапунов, А. П. Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии / А. П. Сапунов. – Витебск, 1888.

¹ Результаты исследования и реставрации скульптуры этого уникального предмета древнерусского прикладного искусства (в настоящее время хранится в ГРМ) подтвердили наличие слоя позолоты, исполненного в Оружейной палате Федькой Павловым.

ПОЛОЦК В РУССКО-БЕЛОРУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

4. **Симеон** Полоцкий. Вирши / Симеон Полоцкий ; сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм.: В. К. Былинина, Л. У. Звонарёвой. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 447 с.
5. **Словарь** русских иконописцев XI–XVII вв. /; ред.-сост. И. А. Кочетков. – 2-е изд. – Москва : Индрик, 2009. – 1104 с.
6. **Слюнькова, И. Н.** Монастыри восточной и западной традиций: наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слюнькова ; Рос. акад. архитектуры и строит. наук. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 599 с. : ил.
7. **Трифонова, Н. Я.** Деятельность художников-белорусов в Москве / Н. Я. Трифонова // Сім'яон Палацкі: светапогляд, грамадска-палітычна і літаратурная дзейнасць : матэрыялы II Міжнароднай навуковай канферэнцыі Палацк, 18–19 лістапада 2004 г. – Палацк : НПГКМЗ, 2005. – 148 с. : іл.

БЕЛАРУСКІЯ ЛАЦІНІЯ-ПОЛЬСКІЯ ВЫДАЧЫ ХІХ ст. У ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЫНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

*Філімонава В.А.
(г. Полацк, Рэспубліка Беларусь)*

Сімяон Полацкі быў вядомым аматарам кніг. Яго бібліятэцы прысвечана не адно навуковае даследаванне. І нягледзячы на тое, што апошняя воля Сімяона Полацкага аб перадачы часткі яго кніжнага збору ў Полацк не была выканана яго сучаснікамі, нашчадкі спраўдзілі яго мару аб стварэнні ў родным горадзе навуковай бібліятэкі, якой зараз з'яўляецца Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага. На сённяшні дзень Музей-бібліятэка і Музей беларускага кнігадрукавання – філіялы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ) – выступаюць у якасці аднаго з асноўных цэнтраў выяўлення, збирання, вывучэння і папулярызацыі беларускай кніжнай спадчыны.

Супрацоўнікамі НПГКМЗ вядзеца работা па атрыбуцыі, вывучэнні і ўвядзенні ў навуковы зварот кніг, што захоўваюцца ў фондах установы, у тым ліку беларускіх выданняў XIX ст. на лацінскай і польскай мовах, як неад'емнай часткі беларускай кніжнай культуры азначанага перыяду. На сённяшні дзень калекцыя беларускіх лаціна-польскіх выданняў XIX ст. у фондах НПГКМЗ налічвае 12 адзінак захоўвання, якія адносяцца да выдавецкай прадукцыі полацкіх, віленскіх і санкт-пецярбургскіх друкарань.

На пачатку XIX ст. працягвае сваю дзейнасць друкарня Полацкага езуіцкага калегіума (з 1812 г. – акадэміі). Яна мела выдатную выдавецкую базу, была добра абсталёвана і па сутнасці з'яўлялася адной з самых моцных паліграфічных устаноў гэтага перыяду на беларускіх землях. За

перыяд з 1801 да 1820 г. з-пад варштатаў полацкіх езуітаў выйшла па розных даных больш за 400 назваў кніг [1, с. 16; 2, с. 63]. Рэпертуар выдавецкай прадукцыі быў у значнай ступені падпарадкованы мэтам навучальнага працэсу: амаль палову яе складалі падручнікі па розных предметах, слоўнікі, хрэстаматы і метадычныя матэрыялы. Вялікую частку рэпертуару складалі таксама рэлігійныя выданні, прызваныя распаўсюджваць і ўмацоўваць каталіцкае веравызнанне на беларускіх землях. Акрамя таго, тут друкавалася і мастацкая літаратура, кнігі афіцыйнага і прыкладнога характару, панегірыкі на розныя нагоды, календары «кніжнага тыпу» і інш. Больш за палову выданняў (каля 300) складалі кнігі на польскай мове, каля трэці (161) – на лацінскай; астатніе – на заходненеўрапейскіх мовах, нязначная колькасць – на рускай [2, с. 65].

У фондах НПГКМЗ захоўваюцца тры выданні полацкіх езуітаў азначанага перыяду. У 1803 г. з-пад варштатаў полацкай езуіцкай друкарні выйшла кніга «Quinti Horacii Flacci Carmina» («Сачыненні Квінта Гарацыя Флака») [13]. Адным з галоўных складнікаў паспяховага засваення лаціны студэнтамі было вывучэнне найлепшых прыкладаў лацінскага пісьменства, чытанне твораў аўтарытэтных античных аўтараў. З гэтай мэтай і друкаваліся падобныя тэксты класікаў лацінамоўнай літаратуры, адаптаваныя для школьнага навучання, забяспечаныя каментарыямі. Названы збор твораў Гарацыя дапаўнялі каментарыі французскага езуіта Жазэфа дэ Жувансі.

У 1817 г. пабачыла свет выданне «Dictionarium latino-polonicum» («Слоўнік лаціна-польскі») [8], таксама надрукаванае ў дапамогу студэнту. Падобныя слоўнікі спрыялі назапашванню лексічнага багажу, пашырэнню слоўнікавага запасу, выпрацоўцы правільнасці і чысціні ўжывання лацінскай мовы. Названы слоўнік уяўляе сабой пятае і апошніе выданне падобнага слоўніка ў сценах друкарні полацкіх езуітаў (папярэднія былі выкананы ў 1790, 1795, 1796

і 1813 гг.). Выданне ананімнае, і наконт пытання аўтарства існуе некалькі меркаванняў. У бібліографіі Карала Эстрэйхера выказваецца думка, што кніга можа быць перапрацаваным варыянтам лаціна-польскага слоўніка езуіта Ежы Казьмінскага (1726–1795), што ўпершыню быў надрукаваны ў Кракаве ў 1784 г. [12, с. 123]. Палацкі краязнавец Міхась Баўтовіч называе магчымай крыніцай для слоўніка польскага лаціна-грэчаскі слоўнік Гжэгажа Кнапскага, а магчымым аўтарам лічыць Антонія Корсака, вядомага дзеяча каталіцкага касцёла, сябра ордэна езуітаў, які спачатку навучаўся, а пасля і выкладаў у Палацкім езуіцкім калегіуме [1, с. 158].

Наступнае выданне Палацкай акадэмічнай друкарні ў фондах НПГКМЗ – кніга «Mowy Na Pochwałę Nayjaśnieyszego Imperatora i Samowładcy Wszech Rossyi Alexandra I» («Прамовы ва ўхвалу найяснейшага імператара і самадзержца ўсіх Русі Аляксандра I. З нагоды штогадовага святкавання ўступлення на трон яго царскай вялікасці»), што пабачыла свет у 1816 г. [16]. Кніга ўяўляе сабой збор з чатырох прамоў студэнтаў акадэміі: Сцяпана Красоўскага, Антонія Кіркора, Язэпа Скрудзейўскага, Даната Жаброўскага, якія праслаўляюць розныя станоўчыя якасці харектару імператара, у прыватнасці, ласкавасць, мужнасць, дальнабачнасць і ўдумлівасць. Вусныя прамовы пачатковая былі напісаны на лаціне і агучаны студэнтамі на пасяджэнні акадэміі з нагоды гадавіны Венскага кангрэса 1815 г., які прызнаў Аляксандра I каралём Польшчы. Прямовы першапачаткова былі надрукаваны ў арыгінале, на лацінскай мове, асобнымі выданнямі друкаваліся прямовы Даната Жаброўскага і Язэпа Скрудзейўскага, пазней яны былі перакладзены на польскую мову аўтарамі і выйшлі асобнай кнігай [1, с. 152–153]. З аднаго боку, гэта выданне – зборнік рытарычных практикаванняў студэнтаў акадэміі і з'яўляецца вынікам навучальнага працэсу. З другога – яно мела выразны палітычны харектар, было своеасаблівым рэверансам у бок дзеючай улады.

Пасля забароны дзейнасці езуітаў і выгнання іх за межы Расійскай імперыі ў 1820 г. абсталяванне полацкай друкарні перайшло ва ўласнасць ордэна піяраў. Піяры значна саступалі полацкім езуітам у выдавецкай актыўнасці. Першае выданне полацкіх піяраў было зафіксавана ў 1824 г., і пасля гэтага за 7 гадоў сваёй дзейнасці імі было выпушчана яшчэ 31 выданне [2, с. 65]. Сярод іх сустракаецца як свецкая літаратура: навучальныя праграмы, граматыкі лацінскай мовы, буквары на латгальскім дыялекце, так і рэлігійныя выданні: прамовы, імшалы і інш. Кнігі друкаваліся на лацінскай і польскай мовах, а таксама на латгальскім дыялекце. У фондах НПГКМЗ двумя асобнікамі прадстаўлена выданне з друкарні полацкіх піяраў «*Missale Romanum*» («Імшал рымскі»), што пабачыла свет у 1826 г. [15]. Першы асобнік паступіў у фонды ў 1971 г. з касцёла Св. Ганны ў в. Мосар Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл., другі быў перададзены ў дар музею ад прыватнай асобы. Як сцвярджаюць выдаўцы, кніга з'яўлялася перавыданнем венецыянскага асобніка 1821 г. Дадзеная кніга, як і ўсе выданні падобнага тыпу, утрымлівала парадак правядзення імшы на самыя ўрачыстыя падзеі літургічнага года, аднак з некаторымі рэгіянальнымі асаблівасцямі. У прыватнасці, тут можна знайсці ўрачыстыя службы ў гонар мясцовых святых, а таксама ў гонар «апекуноў і святаў дзяржавы польскай і шведскай, прыведзеныя ў адпаведнасці з нормамі рымскага імшала».

У фондах НПГКМЗ прадстаўлены таксама выданні прыватных выдавецтваў Вільні. Сярод іх адной з буйнейшых з'яўлялася друкарня Юзафа Завадскага. Ён заснаваў уласную друкарню ў Вільні ў 1803 г. У наступным годзе, заключыўшы дамову з Віленскім універсітэтам на валоданне і выкарыстанне друкарні ўніверсітэта тэрмінам на 10 год (пасля контракт быў працягнуты яшчэ на 10 год), разгарнуў актыўную кнігавыдавецкую і кнігагандлёвую дзейнасць. Да 1810 г. яму ўдалося зрабіць цэлую сетку не-

вялікіх кнігагандлёвых складоў па ўсёй Віленскай навучальнай акрузе, у тым ліку ў Брэсце, Гродне, Мінску, Нясвіжы, Віцебску. Пасля смерці Ю. Завадскага ў 1838 г. яго справу працягнулі нашчадкі – сыны Юзаф, Адам і Фелікс, але выдавецкае прадпрыемства па-ранейшаму працягвала насіць імя заснавальніка. Выдавецкая фірма «Юзаф Завадскі» праіснавала да 1940 г., калі яна была нацыяналізавана савецкімі ўладамі [2, с. 75].

Выдавецкая прадукцыя друкарні Ю. Завадскага мела ўніверсальныя харктар: тут друкавалася навуковая, вучэбная, рэлігійная, даведачная літаратура, а таксама літаратурна-мастацкая выданні. Мова выданняў таксама была разнастайней. Пераважала польская, але сустракаліся кнігі на латышскай, італьянскай, грэчаскай, французскай, нямецкай, літоўскай, рускай, англійскай, яўрэйскай, беларускай мовах. У фондах НПГКМЗ захоўваюцца некаторыя рэлігійныя творы, што выйшлі з друкарні Ю. Завадскага. Да іх належыць вядомы твор аднаго з айдоў хрысціянскай царквы Аўгусціна Аўрэлія «Wyznania Świętego Augustyna» («Споведзі», 1844) [6]. Пераклад твора з лацінскай на польскую мову ажыццявіў Міхал Богуш-Шышка, вядомы беларускі перакладчык і архівіст, які выконваў абавязкі радзівілаўскага архіварыуса ў Нясвіжы [4]. Твор падзелены на два тамы: першы ўласна біяграфічны, другі ўтрымлівае рэлігійна-філософскія погляды святога Аўгусціна, яго інтэрпрэтацыі Кнігі Быцця. У фондах НПГКМЗ захоўваецца 2-гі том. У 1884 г. там жа пабачыла свет кніга «Zasady wiary katolickiej [...] czyli Katechizm Historyczny» («Асновы каталіцкай веры [...], альбо Катэхізіс гістарычны») [17]. Кніга змяшчала выклад асноўных ісцін хрысціянской веры і маралі ў простай форме і прызначалася для пачатковай рэлігійной адукацыі.

Акрамя таго, з друкарні Ю. Завадскага выйшла літаратурна-мастацкая серыя «Obrazy Litewskie» («Літоўскія замалёўкі», 1842–1863) – збор аповесцей беларускага польскамоўнага пісьменніка Ігната Ходзыкі [5]. Том 1 пятай

часткі, што ўтрымлівае твор «Dworki na Antokolu» («Дворыкі на Антаколі», 1850), захоўваецца ў фондах НПГКМЗ. Кніга мае штамп Бібліятэкі Народнага казіно ў Львове (працавала з 1918 да 1939 г.) [7].

Адзінкавымі выданнямі прадстаўлены ў фондах віленскія друкарні Тэафіля Глюксберга, Антонія Марціноўскага і Маўрыцыя Оргельбранта. Выдавецкая дзеянасць Т. Глюксберга першапачаткова была звязана з Віленскім універсітэтам. Пасля Ю. Завадскага ў 1827 г. ён стаў універсітэцкім друкаром. Пасля закрыцця ўніверсітэта ў 1832 г. ён быў прызначаны друкаром Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі і ўсёй Беларускай навучальнай акругі. Выдавецкая дзеянасць яго адзначаецца да 1859 г., пасля чаго друкарню набыў Адам Кіркор [2, с. 76]. Большасць выданняў друкарні складалі кнігі, прызначаныя для навучання. Друкавалася таксама рэлігійная літаратура. У фондах НПГКМЗ прадстаўлена выданне «Rozmyślania Ewangelji» («Развагі Евангелля», 1848) французскага тэолага Арно-Бернарда Дзюкена ў перакладзе на польскую мову Юзафа Шыманоўскага [10]. Праца ўтрымлівала пераказы вядомых евангельскіх сюжэтаў з каментарыямі і тлумачэннямі, што прызначаліся для хатняга чытання і былі падзеленыя на ўсе дні года.

Галоўным выдавецкім прадпрыемствам Маўрыцыя Оргельбрандта, віленскага друкара і кнігагандляра, было выданне тлумачальнага слоўніка польскай мовы «Słownik języka polskiego [...] do podręcznego użytku» («Слоўнік мовы польскай [...] для зручнага выкарыстання», 1854–1861 гг.). Да складання дадзенага слоўніка спрычыніўся ўжо згаданы Міхал Богуш-Шышка, а таксама гісторык Аляксандр Здановіч, філоглаг Януарый Філіповіч, пісьменнік Валяр'ян Тамашэвіч і інш. У фондах НПГКМЗ захоўваецца 1-шы том, выдадзены ў 1857 г. [20].

З пачатку 1818 г. у Вільні працуе друкарня Антонія Марціноўскага, з якой выйшла значная колькасць кніг: каля 400 найменняў універсальнаага характару [2, с. 75].

Найбольшую колькасць складала літаратура па сельскай гаспадарцы, мастацкія творы, літаратуразнаўчыя і гісторычныя працы. Асноўная частка выданняў выйшла на польскай мове (больш за 277), былі таксама выданні на лацінскай, літоўскай і рускай мовах. Пасля смерці А. Марціноўскага ў 1855 г. друкарня праіснавала да 1862 г. У фондах НПГКМЗ маецца выданне «*Directorium horarum canonis carum et missarum pro Dioecesi Vilnensi in annum Domini MDCCCXLV*» («Парадак літургіі гадзін і імшы для Віленскай дыяцэзіі ў год ад нараджэння Хрыстова 1845»), што выйшла з-пад прэсаў друкарні ў 1844 г. [9]. Дырэкторыум, або парадак чытання малітваў дзённага цыкла (парадак гадзін кананічных) і імшы, складаўся ў адпаведнасці з патрэбамі пэўнай дыяцэзіі або групы дыяцэзій, паколькі, як правіла, кожная дыяцэзія мела пэўных святых, што асабліва шанаваліся, і свае адмысловыя святы. Друкаваўся на кожны год для выкарыстання ўсімі святарамі дыяцэзіі. Змяшчаў каляндар на год, у якім супраць кожнай даты даваліся інструкцыі адносна вядзення літургіі гадзін і імшы ў гэты дзень. Парадак друкаваўся з дазволу біскупа і распаўсюджваўся на ўсіх клірыкаў, што знаходзіліся пад яго юрысдыкцыяй [19]. Акрамя згаданых звестак у кнізе змяшчаюцца ўрачыстыя даты імператарскага дому, абавязкова ўзгадваемыя падчас літургіі, тэксты малітваў за імператара, а таксама спісы святароў і цэнзараў дыяцэзіі.

Ускоснае дачыненне да беларускіх зямель мае выданне аднаго з самых вядомых расійскіх выдаўцоў, заснавальніка найбуйнейшага выдавецкага і кнігагандлёвага прадпрыемства Расіі XIX ст. – Баляслава Маўрыцыя Вольфа. Ён пачынаў з таго, што адчыніў у 1853 г. у Пецярбургу кніжную краму. Хутка філіялы гэтай крамы з'явіліся ў іншых гарадах, у тым ліку беларускіх: Віцебску і Магілёве. Адначасова з гэтым М. Вольф распачаў выдавецкую дзейнасць, але ўласная друкарня ў яго з'явілася толькі ў 1856 г., а дагэтуль ён карыстаўся паслугамі іншых выдавецкіх прадпры-

емстваў [3, с. 281]. У 1854 г. з друкарні Конрада Вайнхобера выйшла ў свет паэма Уладзіслава Сыракомлі «Urodzony Jan Dęboróg» («Высакародны Ян Дэмбарог»), падрыхтаваная да выдання ў Пецярбургу і Магілёве, з адпаведнымі выхаднымі звесткамі, «накладам і друкам Б.М. Вольфа» [18].

На прыкладзе апісанай калекцыі прасочваюцца асноўныя тэндэнцыі ў лаціна-польскім кнігавыданні XIX ст. на беларускіх землях. У азначаны перыяд назіраецца паступовае згортанне друку кніг як на лацінскай, так і на польскай мовах. Пад уплывам эпохі Асветніцтва ў папярэдні перыяд, пад уплывам школьных рэформ канца XVIII – пачатку XIX ст., лацінская мова выцясняеца са сферы школьнай адукацыі. Некаторы час вернасць лаціне захоўваюць езуіты, але нават яны славуты падручнік Альвара перакладаюць на польскую мову. Сапраўдным ударам, што прывёў да заняпаду лацінскай мовы на беларускіх землях, з'явілася выгнанне езуітаў за межы Расійскай імперыі. Лаціна захоўваецца толькі ў літургічных кнігах каталіцкай царквы. Да сярэдзіны XIX ст. друк лацінамоўных кніг на беларускіх землях амаль прыпыняеца. Аналагічная тэндэнцыя, менш выражаная, але не менш няўмольная, назіраецца ў адносінах і да польскамоўнай кнігі. Асноўным спажыўцом выданняў на польскай мове з'яўлялася апалячаная шляхта. Польскамоўная кніга была ўніверсальнай па сваім тэматычным складзе і прызначэнні і складала не менш за палову рэпертуару разгледжаных друкарань (за выключэннем выдавецтва М. Вольфа). Тым не менш змена культурнай сітуацыі, курс царскіх улад на выцясненне «польскасці» з беларускіх зямель, які набывае асабліва жорсткія формы пасля нацыянальна-вызваленчых паўстанняў 1830–1831 і 1863–1864 гг., ставяць польскамоўны друк у вельмі неспрыяльныя ўмовы.

Такім чынам, беларуская лаціна-польская кніга XIX ст. як культурная з'ява, як неад'емная частка беларускай кніжнай культуры ўяўляе сабой важную крыніцу для вывучэння гісторыі беларускага кнігадруку.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баўтовіч, М.** Кнігадрук у Полацку (1774–1829) / М. Баўтовіч. – Полацак : Выдавецкая ініцыятыва «Полацкае ляда», 2018. – 204 с.
2. **Гісторыя** беларускай кнігі : у 2 т. / М. В. Нікалаеў [і інш.] ; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў. – Мінск : Беларусь. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2 : Кніжнасць новай Беларусі (XIX–XXI стст.). – 436 с.
3. **Кніга** Беларусі. 1517–1917 : зводны каталог. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 615 с.
4. **Пазднякоў, В.** Богуш-Шышка Міхал [Электронны рэсурс] / В. Пазднякоў // Электронная энцыклапедыя «Вялікае Княства Літоўскае». – Рэжым доступу: <http://vkl.by/articles/317>. – Дата доступу: 15.11.2019.
5. **Ходзька Ігнат** // Мысліцелі і асветнікі Беларусі X–XIX ст. : энцыкл. давед. / гал. рэд. Б. Сачанка ; склад. Г. А. Маслыка. – Мінск, 1995. – С. 589.
6. **[Augustinus, Aurelius].** Wyznania Świętego Augustyna / Św. Augustyn. – Część Druga. – Wilno : Nakładem i Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1844. – 267 s. НПГКМЗ КП17-17681.
7. **Chodźko, I.** Obrazy litewskie : seryja piąta : Dworki na Antokułu / – Wilno : Nakł. J. Zawadzkiego, 1850. – T. 1. – 240 s. НПГКМЗ КП9-4913.
8. **Dictionarium latino-polonicum.** – Polociae : Typis Academicis, 1817. – 502 p. НПГКМЗ КП23-40994.
9. **Directorium** horarum canonicarum et missarum pro Dioecesi Vilnensi in annum Domini MDCCCXLV. – Vilnae : typis A. Marciniowski, 1844. – [103 p.]. НПГКМЗ КП9-5077.
10. **[Duquesne, Arnaud-Bernard].** Rozmyślania Ewangelii rozzielone na wszystkie dni roku idąc za zgodnością czterech ewangelistów / [A.-B. Duquesne]. – Wilno : Nakład i druk T. Glücksberga, 1848. – Tom siódmy. – 438 s. НПГКМЗ КП14-10954.
11. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stulecia [Electronic resource] / K. Estreicher. – Lata 1881–1890. – Kraków : Nakładem Spółki księgarzy polskich, 1906. – T. 1. – 415 s. – Mode of access: https://www.estreicher.uj.edu.pl/skany/?dir=dane_xix_index|1881-1900/1. – Date of access: 15.11.2019.

12. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stulecia [Electronic resource] / K. Estreicher. – Wydanie drugie. – Kraków : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. – T. IV. – 386 s. – Mode of access: https://www.estreicher.uj.edu.pl/skany/?dir=dane_xix_index II%20ed./4. – Date of access: 15.11.2019.
13. **Horatius Flaccus, Quintus.** Carmina / Quinti Horatii Flacci. – Polociae : Typis collegii Societatis JESU, 1803. – T. 1. – 307 p. НПГКМЗ КП8-4560.
14. **Kadulska, I.** Akademia Połocka. Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820 / I. Kadulska. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – 312 s.
15. **Missale Romanum ex decreto sacrosancti concilii tridentini restitutum S. Pii V. Pontificis Maximi Jussu editum Clementis VIII. et Urbani VIII auctoritate recognitum.** – Polociae : Apud Patres Scholaram piarum, 1826. – 946 p. НПГКМЗ КП3-26; НПГКМЗ КП21-29210.
16. **Mowy** Na Pochwałę Nayjaśnieyszego Imperatora i Samowładcy Wszech Rossyi Alexandra I. – [Połock] : w Drukarni Akademii Połockiej, 1816. – 57 s. НПГКМЗ КП23-41818.
17. **Schmid, J.** Zasady wiary katolickiej przykładami historycznemi objaśnione czyli Katechizm Historyczny / przez Ks. Jana Schmida. – Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1884. – Tom pierwszy. – 380 s. НПГКМЗ КП14-11341.
18. **Syrokomla, W.** Urodzony Jan Dęboróg / przez Władysława Syrokomlę. – Petersburg ; Mohilew : nakł. Bolesława Maurycego Wolffa, 1854. – 131 s. НПГКМЗ КП9-4911.
19. **Thurston, H.** Catholic Directories [Electronic resource] / H. Thurston, T. Meehan // The Catholic Encyclopedia. – New York : Robert Appleton Company, 1909. – Vol. 5. – Mode of access: <http://www.newadvent.org/cathen/05025a.htm>. – Date of access: 15.11.2019.
20. **Zdanowicz, A.** Słownik języka polskiego [...] / przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę, J. Filipowicza. – Wilno : wydanie, nakład i własność Maurycego Orgelbranda, 1857. – 952 s. НПГКМЗ КП15-11850.

ЛСПБЛІВАСЦІ ПАХАВАЛЬНАЙ ПРАКТЫКІ Насельніцтва ПОЛАЦКА ў XVII ст.

Чараўко В.У.
(г. Полацк, Рэспубліка Беларусь)

У гісторыі Беларусі перыяд XVI–XVII стст. адзначаны шэрагам палітычных, сацыяльных, канфесійных працэсаў, якія аказалі істотны ўплыв на ўсе бакі жыцця тагачаснага грамадства. Іх уздзеянне адчувалася нават у такой кансерватыўнай сферы, як пахавальны абрад. Войны і міжканфесійная барацьба непасрэдна або ўскосна ўплывалі на пахавальную практику, уносячы ў яе новыя элементы.

З апошніх дзесяцігоддзяў XVI ст. набыў актуальнасць канфесійны фактар развіцця пахавальных помнікаў. Ускладненне рэлігійнай структуры насельніцтва супраджалася заснаваннем асобных могілак для розных канфесій [16, с. 111]. Да Лівонскай вайны абсолютная большасць палаchan была праваслаўнай. На момант вяртання горада большасць мураваных цэркваў была разбурана. Царкоўныя ўладанні пацярпелі ад вайны. Перадача Стэфана Баторыем маёmacці большасці праваслаўных цэркваў і манастыроў езуітам ды дзяржаўнае спрыянне каталіцкай канфесіі стварыла ўмовы для актыўнага развіцця апошній [16, с. 80].

Узнікненне вядомых нам каталіцкіх некропалей у Полацку звязана з дзейнасцю езуітаў. У канцы XVI ст. недалёка ад перададзенага ў іх уладанне Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра яны заснавалі Ксавер'еўскія могілкі [16, с. 83, 115]. Яшчэ адзін каталіцкі некропаль дзейнічаў каля касцёла Паднясення Святога Крыжа ў Плігаўках (XVII–XVIII стст.) і размяшчаўся на ўсход ад Ніжняга замка каля вуліц Плігаўской, Прабойнай і Крыжовой [16, с. 81, 83–84, мал. 36, 38]. Могілкі на полацкім гарадзішчы, да-

следаваныя Д.У. Дукам і М.В. Клімавым, выкарыстоўваліся шляхтай каталіцкага веравызнання ў XVII–XVIII стст. [16, с. 112; 21, с. 29–30]. У XVIII ст. узнік некропаль каля Спаса-Праабражэнскай царквы XII ст., ператворанай езуітамі ў касцёл [25, с. 48]. XVIII ст. датуюцца даследаваныя С.В. Тарасавым і М.В. Клімавым пахаванні каля дамініканскага кляштара [16, с. 113; 21, с. 30–31].

У 1596 г. праваслаўны епіскапат Рэчы Паспалітай падпісаў з каталіцкім касцёлам Брэсцкую унію. Падтрымка яе дзяржаўнай уладай пры непрыняцці большасцю праваслаўнага духавенства і міран прывялі да абвастрэння канфесійных адносін, у тым ліку да змагання за культавыя будынкі. Сітуацыя ўскладнялася тым, што праваслаўны бок на нейкі час апынуўся без уласнай іерархіі і юрыдычна павінен быў падпарадкоўвацца ранейшым архірэям, якія прынялі унію. Асаблівую вастрыню супрацьстаянне прыхільнікаў і праціўнікаў царкоўнай уніі набыло ў пачатку 1620-х гг. Полацкая царква на рове з могілкамі пры ёй адышлі да ўніятаў. Гэта суправаджалася канфліктамі паміж імі і праваслаўнымі [16, с. 114].

У 1621 г. дайшло да адкрытых сутыкненняў праваслаўнага насельніцтва і слуг архіепіската Іасафата Кунцэвіча. Палачанін Пётр Васільевіч разам з сынам пахаваў на могілках пры царкве Ражаства Хрыстова свайго ўнука. Пахаванне адбылося «свавольна», без удзелу духавенства. Па словах Пятра Васільевіча, «попá на провод тела внука моего не упросили есмо, проводіть и звонить не хотел» [7, с. 119–120]. Відаць, уніяцкі святар адмовіўся праводзіць пахавальнную цырымонію для дызунітаў, а праваслаўнага святара ў горадзе не было. Дазнаўшыся аб «свавольстве», полацкі ўніяцкі архіепіскап Іасафат Кунцэвіч загадаў святару і сваім слугам выкапаць цела памерлага дзіцяці і здзейсніць неабходныя абраады. Пётр Васільевіч з сынам і «многими помочниками ownimi», «нашедши кгвалтом» на могілкі, перашкодзілі выканаць распарааджэнне архіепіската.

па [7, с. 120]. Падкрэслім высокое службовае становішча Пятра Васільевіча, які з'яўляюся полацкім лентвойтам. На Варшаўскім сейме 1623 г. паслы полацкай шляхты казалі пра спробы парушыць праваслаўныя пахаванні па загадзе Іасафата Кунцэвіча ў 1622 г. [4, с. 401]. Магчыма, падобныя інцыдэнты адбываліся неаднаразова, але ў любым выпадку былі нехарактэрнымі для рэгіёна, выключнымі і адзінковымі дзеяннямі.

Уніятам былі перададзены і старыя праваслаўныя могілкі каля Сафійскага сабора, якія фігуравалі ў граматах вялікіх князёў Аляксандра Казіміравіча 1499 і 1501 гг. і Жыгімонта I 1544 г. [1, с. 402–403; 4, с. 131; 25, с. 160–161, 177]. У чарговы раз могілкі згаданы амаль праз стагоддзе, у інвентары жаночага базыльянскага манастыра 1637 г., што быў складзены ў час перадачы манастыра святой Сафіі уніятам [16, с. 113; 20, с. 16–18]. Некалькі пахаванняў каля Сафійскага сабора ўскрыта ў пачатку XX ст. П.П. Пакрышкіным [22, с. 82]. Могілкі ў XVII ст. існавалі таксама і каля ўніяцкіх цэркваў Святога Мікалая і Святога Георгія на Экіманскім пасадзе Полацка [15, с. 87–89; 16, с. 88–89; 17, с. 116–117].

У 1633 г. Уладзіслаў IV даў дазвол на заснаванне праваслаўнага манастыра пры Богаяўленскай царкве ў Полацку. На гэтай плоцоўцы ўжо існавалі могілкі [16, с. 113], а сама царква вядома з пачатку XVI ст. [23, с. 442]. Драўляны храм брацкага манастыра пачаў выконваць функцыі прыходскага для праваслаўных вернікаў [13, с. 200–201]. Быць пахаванымі «пры царкве святога Богаяўлення» ў 1656–1657 гг. завяшчалі мяшчане Аўдоцця Гаўрылаўна Сямёнаўная Табарская, Фёдар Якаўлевіч Запека і Таццяна Якаўлеўна Амельянавая Шараметавая – маці Сімяона Полацкага [14, с. 47; 23, с. 547–548, 636–637, 678–682].

Ваенныя падзеі XVII ст., ад якіх моцна пацярпеў Полацк, прыводзілі да змен у гарадской тапаграфіі і змянялі баланс сіл ва ўзаемадзеянні канфесій. Так, згаданыя могілкі

пры царкве Ражаства Хрыстова пачалі актыўна пашырацца пасля ўзяцця Полацка Іванам IV або Стэфанам Баторыем і дзейнічалі ў канцы XVI – першай палове XVII ст. Яны ўжо існавалі на момант пачатку будаўніцтва езуіцкага калегіума паміж Верхнім замкам і горадам (1589) [27, с. 16, 19]. З пачаткам вайны 1654–1667 гг., калі езуіты пакінулі Полацк, мясцовыя жыхары пачалі хаваць памерлых на прылеглых да могілак езуіцкіх уладаннях [16, с. 114].

У 1657 г. могілкі каля царквы Ражаства Хрыстова ўзгаданы ў тэстаменце Лаўрына Бялькоўскага [23, с. 671]. Документ складзены ў час вайны Расіі з Рэччу Паспалітай, калі Полацк быў заняты расійскімі войскамі. З улікам канфесійнай палітыкі Аляксея Міхайлавіча на беларускіх землях («жиdam в Белой Руси не быть», «униатам не быть», «ко-стёлам не быть, а петь в домех») [12, с. 84], трэба разумець, што ў гэты час царкву разам з могілкамі вярнулі праваслаўнай канфесіі. У 1660–1670-х гг. храм быў разбураны, а могілкі – закінуты. Пасля вяртання езуітаў яны качаткова перапынілі існаванне. У выніку скарачэння насельніцтва горада ў час вайны больш чым у 10 разоў была страчана нават памяць аб іх. У канцы XVII–XVIII ст. могілкі былі частковая забудаваны карпусамі калегіума [16, с. 80, 114, 148; 27, с. 19]. У слаях XVI–XVII стст. Д.У. Дукам знайдзены фрагменты некалькіх дзясяткаў касцякоў, пераважна моцна пашкоджаных [19, с. 14–15].

З'яўляючыся элементам гарадской тапаграфіі, не-кропалі адмяжоўваліся ад астатніх гарадской прасторы. Павіннасць агароджваць «цвінтар» каля Сафійскага сабора ў канцы XV–XVI ст. неслі жыхары трох вёсак (Далчане, Веснічане і Пуцілкавічы). Можна меркаваць, што такая практика склалася яшчэ ў канцы XIV ст. [4, с. 131; 24, с. 160–161, 177]. Павіннасць прадугледжвала не толькі пабудову плота, але і падтрыманне яго ў належным стане. Пры гэтым гарадскія могільнікі маглі размяшчацца літаральна ўшчыльную да манастырскіх і прыватнаўласніцкіх

сядзіб. Відаць, яны ўспрымаліся насельніцтвам як звыкляя частка гарадской прасторы. Праз могілкі можна было ісці па сваіх справах [11, с. 207]. Інвентар полацкага базыльянскага манастыра 1637 г. згадвае манахінь, якія праз могілкі хадзілі ў Сафійскі сабор з манастырскіх будынкаў [20, с. 16]. Інвентар маёmacці полацкай архіепархii 1618 г. апісвае агарод, размешчаны пры віцебскай сядзібе архіепіскапа «подле цвінтаря» [6, с. 344].

Палаchan маглі хаваць не толькі на грунтавых могілках, але і ўнутры храмаў, што вынікае з мяшчанскіх тэстаментаў. Калі маці Сімяона Полацкага Таццяна Якаўлеўна Шараметава прасіла пахаваць яе «пры царкве Святога Богаяўлення» [14, с. 47; 23, с. 678–682], то Арына Лукашэвічава і Настасся Паўкова хацелі быць пахаваны ўнутры царквы (Настасся Паўкова – у прытворы) [23, с. 563–564, 576–577]. Богаяўленскі сабор у сярэдзіне XVII ст. быў драўляным і не меў скляпоў, таму размова ідзе пра пахаванні пад падлогай. Адзначым, што вядомыя нам пахаванні ў храмах XII–XIII стст. звязаны з мураванымі пабудовамі.

Пахаванні ў скляпах мураваных храмаў у часы позняга сярэдневякоўя – ранняга Новага часу ў Полацку вядомы з XVI ст. Паводле тэстамента Станіслава Бажымоўскага (1652), ён мусіў быць пахаваны ў склепе ў полацкіх езуітаў [8, с. 15; 9, с. 54]. Да гэтага ж часу адносіцца жаночае пахаванне, знайдзенае ў падвале Сафійскага сабора ў Полацку. На падставе заходакі манеты яно датуецца XVI – пачаткам XVII ст. [2, с. 131]. З падвала Сафійскага сабора паходзіць і пахаванне мужчыны XVII–XVIII стст., рэканструкцыя твару якога зроблена I.У. Чаквіным [28, с. 58, мал. 33].

Як і ў старажытнарускі перыяд, на пахаванне ў храмах магла прэтэндаваць грамадская эліта. Арына Лукашэвічава была ўдавой полацкага бурмістра, Таццяна Шараметава – райцы; райцам з'яўляўся і сын Настасі Павуковой [16, с. 114; 23, с. 563, 577]. Не выключана, што заможныя і ўплывовыя кцітары-мяшчане маглі мець у храмах сямей-

ныя ўчасткі для пахавання. На такую думку наводзяць просьбы Арыны Лукашэвічавай пахаваць яе каля магілы мужа Лук'яна Лукашэвіча, а Станіслава Бажымоўскага – каля памерлай жонкі [8, с. 15; 9, с. 54; 23, с. 564]. Вызначэнне ў тэстаментах асоб, адказных за пахаванне, раскрывае яшчэ адзін аспект узаемаадносін паміж роднымі і блізкімі. Непасрэдны ўдзел бліжэйшых сваякоў у арганізацыі пахавання прадугледжваўся традыцыяй. У тэстаменце Таццяны Якаўлеўны Шараметавай гэты клопат ускладаецца на сыноў, паколькі гэта «прыналежыт» сынам, «матку сваю мілуючым» [10, с. 47].

Прадстаўнікі вышэйшага духавенства маглі знайсці апошні спачын у нішах, зробленых у храмавых сценах. Так, у 1714 г. пры абрушэнні ў час рамонту сцяны Сафійскага сабора рабочыя знайшлі пахаванне архірэя. Складальнік дзённіка ўніяцкага Сафійскага сабора меркаваў, што яно належала епіскапу Гедзону Бральніцкаму. Статус памерлага падкрэслівалі архірэйскія строі, якія ўключалі асаблівія дэталі вopраткі (сакас, амафор, параман, крыж-рэлікварый і г. д.) [3, с. 343].

Пахавальная вopратка мяшчан была больш сціплай і адпавядала іх сацыяльнаму статусу. Так, Настасся Павуковая прасіла апрануць яе ў чорную сукенку [23, с. 577]. Цела памерлага накрывалі пакрывалам. Таццяна Шараметава ў 1657 г. прасіла пакрыць труну «па звычаю» «абрусом лепшым ткацкім», які спецыяльна падрыхтавала для гэтага [10, с. 47; 23, с. 678–682]. Жаноче пахаванне XVI–XVII стст. з Сафійскага сабора ўтрымлівала фрагмент шаўковага пакрывала з вышытым тэкстам акафіста Маці Боскай [18, мал. 124].

Як нехарактэрны для тагачаснай практикі прыклад можа разглядацца пахаванне Іасафата Кунцэвіча, якое мусіць трактавацца як «дэвіянтнае» [5, с. 14]. У час віцебскага паўстання 1623 г. ўніяцкі епіскап быў забіты, а яго цела ўтоплена, што не суадносіцца з хрысціянскай традыцыяй.

Неўзабаве цела было знайдзена ў Дзвіне і пахавана ў падвале полацкага Сафійскага сабора. Прыкладна праз год астакткі Іасафата Кунцэвіча былі вынуты з зямлі і змешчаны ў сярэбраную рапу, паставленую ў інтэр'еры Сафійскага сабора [26, с. 13]. Такая традыцыя пахавання таксама не харэктэрна для Падзвіння, але знаходзіць паралелі ў практыцы размяшчэння мошчаў святых. У ёй трэба бачыць намаганні ўніяцкай царквы па стварэнні лакальнага культу Іасафата Кунцэвіча і яго кананізацыі. Сапраўды, ужо ў 1628 г. папа рымскі прызначыў камісараў для збору звестак аб жыцці, смерці і аб цудах гэтага «всехвалнага мужа Божага», якія пачалі апытваць віцяблян. Урэшце Кунцэвіч быў беатыфікаваны ў 1643 г. [7, с. 126–127; 26, с. 13]. У далейшым рака з яго целам неаднаразова перавозілася з месца на месца ў сувязі з войнамі Расіі з Рэччу Паспалітай [26, с. 14–15].

Такім чынам, у XVII ст. месцам апошняга спачыну палаchan пераважна становіліся грунтавыя некропалі. Прадстаўнікоў гарадской вярхушкі маглі хаваць пад падлогай драўляных ці ў скляпах мураваных храмаў, вышэйшае духавенства – у нішах, зробленых у храмавых сценах. Пажаданні мяшчан адносна абставін ўласнага пахавання (месца, вонратка, месца) маглі змяшчацца ў тэстаментах. Ускладненне канфесійнай структуры грамадства паўплывала на дыферэнцыяцыю могілак, якія замацоўваліся за католікамі, уніятамі, праваслаўнымі. Сацыяльная і канфесійная палярызацыя грамадства магла прыводзіць да парушэння пахавальных традыцый, што бачна на прыкладзе Іасафата Кунцэвіча. Некропалі маглі пераходзіць ад адной канфесіі да другой, што суправаджалася сутыкненнемі. Спусташальная вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. разам са спадарожнымі рабаўніцтвам, голадам і эпідэміямі выклікалі скарачэнне насельніцтва Полацка і змены ў яго тапаграфіі, што прыводзіла да заняпаду старых і з'яўлення новых могілак.

ЛІТАРАТУРА

1. **Акты**, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : [в 5 т.]. – Санкт-Петербург : в Типографии Э. Праца, 1846–1853. – Т. 2 : 1506–1544. – В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. – III с. + 405 с. + 15 с. + 14 с.
2. **Археалогія Беларусі** : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 1997–2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [i інш.] ; пад рэд.: В. М. Ляўко [i інш.]. – 2001. – 597 с. ; іл.
3. **Археографический сборник документов**, относящихся к истории Северо-Западной Руси : [в 14 т.]. – Вильна : В типографии О. Блюмовича, 1874. – Т. 10. – VIII с. + 392 с.
4. **Белоруссия в эпоху феодализма** : сб. материалов и документов : в 3 т. / АН БССР, ин-т истории, Архивное упр. МВД БССР. – Минск : АН БССР, 1959. – Т. 1 : С древнейших времён до середины XVII в. – 516 с.
5. **Берсенева, Н. А.** Подходы к интерпретации «девиантных» погребений в археологии [Электронный ресурс] / Н. А. Берсенева // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника : материалы Всероссийской научн. конф. / отв. ред. Д. С. Коробов. – Москва : Институт археологии РАН, 2016. – С. 13–14. – Режим доступа: www.archaeolog.ru/media/konf_2016/interpret-tezis.pdf. – Дата доступа: 12.05.2019.
6. **Витебская старина** : [в 5 т.] / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : В типографии губернского правления, 1883–1888. – Т. I. – XXII с. + 668 с. ; ил.
7. **Витебская старина** : [в 5 т.] / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : В типографии Витебского губернского правления, 1883–1888. – Т. V, ч. I. – 6 с. + CLXVII с. + 650 с. + XX с. ; ил.
8. **Галубовіч, В. У.** Каталіцкая царква ў Полацкім ваяводстве ў канцы XVI – першай палове XVII стагоддзя / В. У. Галубовіч // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманітарные науки. – 2013. – № 1. – С. 13–17.
9. **Галубовіч, В. У.** Шляхта польскага паходжання ў Полацкім ваяводстве ў канцы XVI–XVII стст. / В. У. Галубовіч // Матэрыялы гіст.-краязн. канф. : да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея,

Полацк, 22–23 лістапада 2006 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НПГКМЗ, 2008. – С. 47–55.

10. Гардзееў, М. Тэстамент маці Сімяона Полацкага / М. Гардзееў // Беларускі горад у часе і прасторы : 500 гадоў Полацкай Магдэбургіі : зб. навук. прац / ПДУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Наваполацк : ПДУ, 2001. – С. 87–97.

11. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / АН СССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Вып. 36. Фолкга – чорногрывый / склад. А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 437 с.

12. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Соврем. шк. : Экоперспектыва, 2007–2011. – Т. 3. : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с. ; іл.

13. Гліннік, В. Полацкія саборныя цэрквы (Х – ХХ стст.) / В. Гліннік // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай Магдэбургіі : зб. навук. прац / ПДУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Наваполацк, 2001. – С. 198–205.

14. Гордеев, М. Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя / М. Ю. Гордеев // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 37–47.

15. Дук, Д. У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с. ; іл.

16. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с. ; іл.

17. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с. ; іл.

18. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVII стагоддзяў / аўт. тэксту і склад. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1984. – 235 с. ; іл.

19. Емельянчик, О. А. Новые материалы к антропологическому изучению населения Полоцка XVII–XVIII вв. / О. А. Емельянчик // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красавіка 2011 г. : у 2 ч. / пад агул. рэд.: Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1. – С. 14–21.

20. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской : [в 32 вып.]. –

АСАБЛІВАСЦІ ПАХАВАЛЬНАЙ ПРАКТЫКІ НАСЕЛЬНІЦТВА ПОЛАЦКА Ў XVII ст.

Витебск : Типография Губернского правления, 1871–1906. – Вып. 29. – IV с. + 472 с. + 48 с. +XXXI с.

21. **Клімаў, М. В.** Археалагічныя даследаванні гарадзішча і Вялікага пасада Полацка ў 2009 г. / М. В. Клімаў // Середньовічні міста Полісся : тезі доповідей міжнароднай наукоў археоло-гічної конференцыі. – Кіев ; Олевськ, 2011. – С. 29–31.

22. **Полоцк.** Археологические раскопки // Известия импера-торской археологической комиссии. Прибавление к вып. 52-му. – Санкт-Петербург : Типография главного управления уделов, 1914. – С. 82–83.

23. **Полоцк:** Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом По-лоцке / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко. – Минск : Беларусская наука, 2012. – 743 с. ; ил.

24. **Полоцкие** грамоты XIII – начала XVI в. / сост. А. Л. Хо-рошкевич. – Москва : Институт истории СССР, 1977–1990. – Вып. II. – 1978. – 220 с.

25. **Предварительные** результаты археолого-архитекту-рных исследований на территории Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиньевского монастыря в городе Полоцке в 2018 г. / И. В. Магалинский [и др.] // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвінья и сопредельных регионов : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. к 50-летию Полоц-кого гос. ун-та, Новополоцк, 18–19 октября 2018 г. / под общ. ред.: В. Е. Овсейчика (отв. ред.), Г. И. Захаркиной, Р. М. Платоново-вой. – Новополоцк : ПГУ, 2018. – С. 45–50.

26. **Сапунов, А.** Полоцкий Софийский собор / А. Сапунов. – Витебск : В типографии губернского правления, 1888. – 21 с. ; ил.

27. **Соловьёв, А. А.** Полоцкий иезуитский коллегиум в ре-троспективе (1581–1914) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцкое книжное издаель-ство, 2012. – 97 с. ; ил.

28. **Цягака, Л. І.** Магчымасці палеантрапалагічных рэкан-струкций / Л. І. Цягака // Беларусы. – Мінск : Беларуская наука, 2006. – [T.] 9 : Антрапалогія. – С. 52–72.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КВЕСТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Плытник Е.Г.

(г. Витебск, Республика Беларусь)

Последние годы квест как новая форма культурно-образовательной деятельности музеев приобретает все большую популярность. При этом стоит отметить, что грамотно составленный и проведенный квест способствует не только рекреации или развлечению, но и обучению участников, презентации коллекции музея. Анализ работы отечественных и зарубежных музеев показал, что квест-технологии могут быть использованы музеями различного профиля, в том числе и музеями-библиотеками. В этой связи рассмотрение вопроса создания и проведения музейного квеста видится актуальным, а использование квест-технологий в Музее-библиотеке Симеона Полоцкого может стать хорошим дополнением к услугам, предлагаемым учреждением. В основе представленной авторской методики создания и проведения музейного квеста лежит ряд основных этапов в подготовке мероприятия.

1. Определение тематики квеста

Важным первостепенным этапом подготовки квеста является определение его тематики. Как правило, тема выбирается в соответствии с конкретным заказом, профилем музея, его экспозицией или обусловлена общей темой мероприятия, к которому приурочен квест. Выбранная тема в последующем окажет влияние на разрабатываемые в ходе подготовки квеста задания, общие атрибуты мероприятия.

2. Определение количества участников

Вторым этапом разработки квеста является определение количества участников и времени, отведенного для игры. К преимуществам данной формы культурно-образовательной деятельности музея можно отнести возможность обеспечения участия неограниченного числа лиц. Анализ работы музеев показал, что квесты могут быть организованы как для большой аудитории (более 70 человек [2]), так и для небольших компаний по 3–4 участника или даже для 1 посетителя. Исходя из условий проведения музейного квеста: ограниченное свободное пространство в залах, витрины с дорогостоящими экспонатами, наличие других посетителей и экскурсионных групп – оптимальное количество участников для комфорtnого прохождения игры 1–3 команды по 3–5 игроков в каждой.

3. Выбор объектов

На третьем этапе происходит непосредственная разработка квеста. Организатор определяет объекты для включения в игру и готовит наработки для составления вопросов. Данный этап работы проводится непосредственно в залах музея: досконально изучаются экспонаты, научно-вспомогательные материалы (карты, схемы, копии фотографий), а также этикетаж и аннотации. В это время важно обратить внимание на интересные особенности представленных в музее предметов, мельчайшие детали, незаметные при беглом осмотре. Однако стоит учесть, что все выявленные в ходе изучения характеристики отобранных для квеста предметов должны быть визуально доступны для посетителя, у которого нет возможности взять предмет в руки и рассмотреть его с различных сторон. В случае использования музеем в работе вспомогательных материалов (воспроизведений музейных предметов), до-

ступных для тактильного изучения, границы квеста могут быть расширены. Однако в таких случаях участники должны быть информированы, что ряд объектов квеста можно рассмотреть более детально (например, изучить отдельные страницы книги) – организатору необходимо продумать специальные обозначения для выделения подобных объектов.

4. Разработка вопросов

Одним из наиболее трудоемких этапов создания квеста является разработка вопросов. При их составлении необходимо учесть, что вопросы должны не просто соответствовать заданной теме, но и представлять собой интеллектуальные задания-загадки. В качестве рекомендаций организаторам квеста целесообразно разделить каждый вопрос на несколько частей. Так, первая часть задания дает направление поиска: например, это может быть описание музейного предмета, биография известной личности, эпиграф-посвящение. Результатом прохождения участниками первой части является выявление в музейном пространстве объекта (экспоната, вспомогательного материала) или определение личности, которой посвящено задание. Вторая часть вопроса строится на основе первой и указывает, что именно необходимо найти или выяснить, используя информацию, полученную ранее.

Вопросы составляются для каждой команды, при этом необходимо учесть сложность заданий, для того чтобы участники находились в равных условиях. Опыт составления и проведения квестов показал, что наиболее сложные вопросы следует дублировать для каждой группы. Количество вопросов зависит от времени, планируемого для проведения квеста, однако, оптимально составление списка из 10–12 вопросов для каждой команды. Наиболее

интересные варианты квестов предусматривают наличие заданий, ответы на которые можно найти только в экспозиции музея, таким образом максимально исключив использование ресурсов сети Интернет.

5. Разработка и уточнение маршрута

Важным преимуществом квеста как формы работы является возможность включения в игру как отдельных залов, так и всего пространства музея. Квест помогает представить коллекцию музея в ненавязчивой игровой форме. При организации квеста в музее стоит учесть, что создателем должен быть заложен определенный маршрут, в процессе прохождения которого участники смогут увидеть шедевры музея за короткий срок или, наоборот, направить внимание на предметы, которые не обладают аттрактивными свойствами, однако имеют важное информационное значение.

6. Система оценивания

Одной из особенностей квеста является наличие соревновательного элемента. Анализ квестов, проводимых различными учреждениями культуры и предприятиями индустрии развлечений, показал, что в игру может быть заложена различная система оценивания. Как правило, выделяют две основные системы: временной компонент или оценивание правильности выполнения заданий (успешное выполнение заданий в целом). При проведении квестов в музеях временной компонент лучше исключить или использовать его в качестве поощрения (например, добавление дополнительного балла при балльной системе оценки). Основной акцент в системе оценивания музеиного квеста приоритетнее сделать на правильности выполнения заданий.

Организатором квеста может быть создана своя система оценки. В качестве примера приведем систему, разработанную для квестов в Витебском Художественном музее: за каждое правильно выполненное задание команда получает 3 балла. При этом для особо сложных вопросов существуют подсказки. Если команда использует подсказку, а также за неправильный ответ снимается 1 балл, таким образом, за выполнение каждого задания максимально можно получить 3 балла, а минимально 0, но при этом продолжить игру. Заработанные за каждое задание баллы выставляются в специальный «обходной» лист.

7. Выбор формы контроля

Квест-игры строятся по определенным правилам. Есть несколько способов контроля. Одним из популярных вариантов проведения игры является наличие контрольных пунктов (далее – КП), на которых команды «отмечаются»: выполняют задание или приходят в определенную точку для получения дальнейших указаний. На КП могут находиться координаторы или по прибытии команда находит следующее задание, лежащее в условленном месте. Некоторые квесты предполагают отсутствие КП по маршруту: команды получают лист с полным списком заданий. Данный способ осуществления игры также может рассматриваться для организации квестов в музеях, однако имеет ряд недостатков. В первую очередь отсутствует связь организатора и участников, квест становится более обезличенным, организатор не видит реакцию команд, что полезно при оценивании квеста как формы работы, устранения недостатков или неточностей в заданиях.

Наиболее привлекательным вариантом проведения музейного квеста является система, которая условно может быть обозначена как «цепочка». Суть системы состоит в том, что команда получает следующее задание только

после выполнения предыдущего. Так, на старте все команды получают по одному заданию, после выполнения которого команда озвучивает правильный ответ организатору и получает следующий конверт с вопросом. Игра заканчивается, когда все команды выполнили все задания. После этого организатор суммирует все собранные баллы и таким образом определяется победитель.

При проведении квеста в музее организатор может находиться в условленном месте, куда команды возвращаются для озвучивания ответа и получения следующего задания.

8. Внешнее оформление квеста

При организации квеста необходимо помнить, что сам термин quest пришел из компьютерных игр [1], и многие участники квестов в реальности ждут от мероприятия определенного приключенческого характера. Поэтому важной составляющей квеста является его внешнее оформление: грамотно и интересно составленные вопросы, написанные литературным языком; использование конвертов для передачи заданий участникам; оформление печатной составляющей квеста с использованием рукописных шрифтов и возможностей компьютерной графики; разработка и оригинальное оформление «обходного» листа или «карты» квеста, на которой команды будут видеть свой прогресс.

Для того, чтобы у участников сложились чувство принадлежности к определенной группе, командный дух, а координатору было легче отличить представителей разных команд, в игру могут быть введены отличительные знаки. Например, в разработанных для Художественного музея квестах нами были использованы ленты определенных цветов, которые повязывались на руку капитану команды или каждому участнику.

9. Награждение победителей

Важной частью любого соревнования или игры является награждение. Участники различного рода квестов отмечают, что получение материальной выгоды не является основным мотивом. В качестве призов могут быть разработаны специальные сертификаты, подтверждающие участие в квесте, небольшие памятные сувениры, пригласительные билеты.

Приятным дополнением к призовому компоненту квеста может стать практически любая акция музея: начиная от организации кофе-паузы по завершении игры и заканчивая приглашением профессиональных фотографов для создания качественного фотоконтента.

10. Анализ работы

Финальным этапом создания квеста является анализ и устранение недостатков. Данный этап должен продолжаться на протяжении всего времени использования в музее разработанного квеста. Работа с участниками в процессе игры, их комментарии в ходе выполнения заданий, оценка в социальных сетях (для отслеживания информации следует создать уникальный хештег, которым могут пользоваться участники, размещая пост и фотографии) предоставляют информацию о созданном квесте, его преимуществах, возникших сложностях. Анализ информации поможет сделать вывод о том, смог ли разработанный квест представить музей так, как ожидал организатор.

Использование в музее квеста как новой формы культурно-образовательной деятельности позволит музею максимально широко представить свою коллекцию. Современный посетитель ждет от музея наряду со стандартными формами работы новых предложений, реализующих концепцию «эдьютейнмент» (edutainment) – обучение через развлечение. Поиск ответов на квестовые

задания способствует лучшему восприятию информации, обращает внимание посетителей на уникальность музеиной коллекции, призывает по-новому, более внимательно и детально изучить музейные предметы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Квесты в реальности** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://questplanet.ru/articles>. – Дата доступа: 10.02.2017.
2. **Лепаловская, В. А.** Как подготовить и провести музейный квест / В. А. Лепаловская, Е. В. Сосновская // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2014. – № 1. – С. 25–33.

Звесткі ў аўтарах

БАРОЎКА ВАНДА ЮЛЬЯНАЎНА

доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры літаратуры
Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава

БАЖКО ТАЦЦЯНА ВІКТАРАЎНА

магістр філалагічных навук, аспірант кафедры рускай філалогії
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы;
выкладчык кафедры замежных моў Гродзенскага дзяржаўнага
медыцынскага ўніверсітэта

ГАЛУБОВІЧ ВІТАЛЬ УЛАДЗІМІРАВІЧ

кандыдат гісторычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадскіх навук
Гродзенскага дзяржаўнага аграрнага ўніверсітэта

ГАЎРЫЛАВА СЛАВІНА ВЯЧАСЛАВАЎНА

загадчык Музея беларускага кнігадрукавання (філіял НПГКМЗ)

ДЗЕНІСЕНКА АЛЕНА ПЯТРОЎНА

навуковы супрацоўнік аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай
навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі

ДЗЯРНОВІЧ АЛЕГ ІВАНАВІЧ

кандыдат гісторычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік
Інстытута гісторыі НАН Беларусі

ДЗЛІГУЛ КАЦЯРЫНА СЯРГЕЕЎНА

магістрант Інстытута гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага
універсітэта, бібліятэкар Навукова-даследчага аддзела рукапісаў
Бібліятэкі Расійскай акадэміі навук

ЖУКАЎ АРЦЁМ ЯЎГЕНЬЕВІЧ

кандыдат гісторычных навук, навуковы супрацоўнік
Навукова-даследчага аддзела рукапісаў Бібліятэкі
Расійскай акадэміі навук, навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі
Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта

ЗВАНАРОВА ЛОЛА УТКІРАЎНА

доктар гісторычных навук, акаадэмік Расійскай акадэміі
прыродазнаўчых навук и Пятроўскай акаадэміі навук і мастацтваў,
прафесар Недзяржаўнай аўтаномнай некамерцыйнай арганізацыі
вышэйшай аддукацыі «Інстытут сусветных цывілізацый»

ІГНАТАЎ УЛАДЗІМІР КАНСТАНЦІНАВІЧ

кандыдат філасоўскіх навук, старши навуковы супрацоўнік
Цэнтра гісторыка-філасоўскіх і кампаратыўных даследаванняў
Інстытута філасофіі НАН Беларусі

КАЛЕЧЫЦНА ЛЕАНІДАЎНА

кандыдат гісторычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры ўсеагульнай
гісторыі і методыкі выкладання гісторыі Беларускага дзяржаўнага
педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

КОМЛІК МАРЫЯ АНДРЭЕЎНА

магістрант філалагічнага факультета
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

КОЦ АЛЯКСЕЙ ЛЕАНІДАВІЧ

магістр гісторычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі
і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

ЛЯВОНЕНКА ГАННА ЮР'ЕЎНА

магістрант філалагічнага факультета
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

МАГАЛІНСКІ ГАР УЛАДЗІМІРАВІЧ

кандыдат гісторычных навук, дацэнт, старшы навуковы
супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ

ПЛЫТНІК КАЦЯРЫНА ГЕНАДЗЬЕЎНА

Галоўны спецыяліст аддзела спорту і турызму Віцебскага гарадскога
выканаўчага камітэта

ПРААБРАЖЭНСКАЯ АНАСТАСІЯ АЛЯКСАНДРАЎНА

кандыдат філалагічных навук, выкладчык
Нацыянальнага даследчага ўніверсітэта «Вышэйшая школа эканомікі»

РАКІЦЯНСКІ АНАТОЛІЙ ЦІХАНАВІЧ

член праўлення Латвійскага таварыства рускай культуры (Рыга);
член-заснавальнік Нацыянальнага саюза бібліяфілаў Расіі (Масква)

САНДАЛАВА ТАЦЦЯНА АЛЯКСАНДРАЎНА

магістр педагогічных навук, старшы выкладчык
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў,
кіраунік музея «Беларуская хатка» БДПЛ № 10 будаўніцтва
імя І. М. Жыжала

СМІРНОВА КАЦЯРЫНА АНДРЭЕЎНА

кандыдат філалагічных навук, навуковы супрацоўнік
Інстытута рускай мовы імя В. У. Вінаградава Расійскай акадэміі навук

ТРЫФАНАВА НАТАЛІЯ ЯКАЎЛЕЎНА

кандыдат мастацтвазнаўства, вядучы навуковы супрацоўнік
аддзела старажытнабеларускага мастацтва Нацыянальнага
мастацкага музея Рэспублікі Беларусь

ФІЛІМОНАВА ВОЛЬГА АЛЯКСАНДРАЎНА

вядучы навуковы супрацоўнік Музея-бібліятэкі Сімёона Полацкага

ЧАРАЎКО ВІКТАР УЛАДЗІМІРАВІЧ

магістр гісторычных навук, старшы выкладчык
кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Змест

БАРОЎКА В. Ю.	
Эстэтычна мемарыялізацыя асобы Сімяона Палацкага ў творах беларускіх паэтаў другой паловы XX – пачатку XXI ст.	5
БОЖКО Т. В.	
Фунеральны латиноязычны панегирик XVII в. как средство репрезентации и трансляции символического капитала	15
ГАЛУБОВІЧ В. У.	
Антоні Сялява vs полацкія мяшчане: абставіны і верагоднасць гісторыі замаху на жыццё архіепіскапа ў 1633 г.	29
ГАЎРЫЛАВА С. В.	
Музей-бібліятэка Сімяона Палацкага як унікальная мемарыяльная прастора.....	43
ДЗЕНИСЕНКА А. П.	
Выданні па гісторыі Полацка XVI–XX стст. «Miesięcznik Połocki» ў фондах аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў ЦНБ НАН Беларусі.	48
ДЗЯРНОВІЧ А. І.	
«Слоўнік палона-славенскі» Сімяона Палацкага і фармаванне славістичнай калекцыі Упсальскага ўніверсітэта	61
ДИЛИГУЛ Е. С.	
Сказание о Тихвинской иконе Богоматери в творчестве Симеона Полоцкого.....	72
ЖУКОВ А. Е.	
Еще раз к вопросу об исторических обстоятельствах создания Супрасльского сборника 1507 г.	79
ЗВОНАРЁВА Л. У.	
Европейские авторитеты в ранней поэзии Симеона Полоцкого	95
ІГНАТОВ В. К.	
Творчество Симеона Полоцкого в контексте европейской культуры эпохи барокко.	106
КАЛЕЧИЦ И. Л.	
Граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви «периода переосвящения» (1656–1667).....	123

КОМЛІК М. А.	
Чалавек іншай веры ў мемуарах Мікалая Крыштофа Радзівіла і Саламеі Пільштыновай	133
КОЦ А. Л.	
Пабудова першай паловы XVII ст. з раскопак 2016 г. на Верхнім замку ў Полацку	140
ЛЯВОНЕНКА Г. Ю.	
Вобраз старога чалавека ў творы Яна Пратасовіча «Konterfet człowieka starego».....	152
МАГАЛІНСКІ І. У.	
Тэхналогія вытворчасці полацкіх ювеліраў XVII ст.	159
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ А. А.	
Істочники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация.....	166
РАКІТЯНСКІЙ А. Т.	
Симеон Полоцкій (1629–1680) и книжность середины XVII в.	179
САНДАЛАВА Т. А.	
Коды ў паэтычных экспериментах Сімяона Полацкага	186
СМИРНОВА Е. А.	
Евангелие Василия Тяпінскага	201
ТРИФОНОВА Н. Я.	
Полоцк в русско-белорусских культурных связях второй половины XVII в.	214
ФІЛІМОНАВА В. А.	
Беларускія лаціна-польскія выданні XIX ст. у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	218
ЧАРАЎКО В. У.	
Асаблівасці пахавальнай практыкі насельніцтва Полацка ў XVII ст.	228
Плытник Е. Г.	
К вопросу об использовании квест-технологий для презентации коллекции музея.....	238
Звесткі аб аўтарах	245

Навуковае выданне

СІМЯОН ПОЛАЦКІ:
СВЕТАПОГЛЯД, ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ
І ЛІТАРАТУРНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ

Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі
21–22 лістапада 2019 г.

На беларускай, рускай мовах

Укладальнік **Гаўрылава** Славіна Вячаславаўна

Карэктары
В. Я. Ашуева, Н. Я. Анапрээнка,
К. І. Вяргейчык-Лабецкая, А. У. Хадакоўская

Камп’ютарная вёрстка і дызайн Д. В. Макарэвіча

Падпісана ў друк 24.12.2019. Фармат 60x84¹/₈. Гарнітура Cambria.
Лічбавы друк. Умоўн. друк. арк. 29,06. Улік. выд. арк. 17,55. Тыраж 100 экз. Заказ 924.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца,
распаўсюджвалльніка друкаваных выданняў № 1/398 ад 02.07.2014.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца,
распаўсюджвалльніка друкаваных выданняў № 2/157 ад 02.07.2014.

Пр. Незалежнасці, 116, 220114, Мінск.
Тэл. (+375 17) 293 27 68. Факс (+375 17) 266 37 23. E-mail: edit@nlb.by.

ISBN 978-985-7235-13-1

A standard linear barcode representing the ISBN number 978-985-7235-13-1.

9 789857 235131